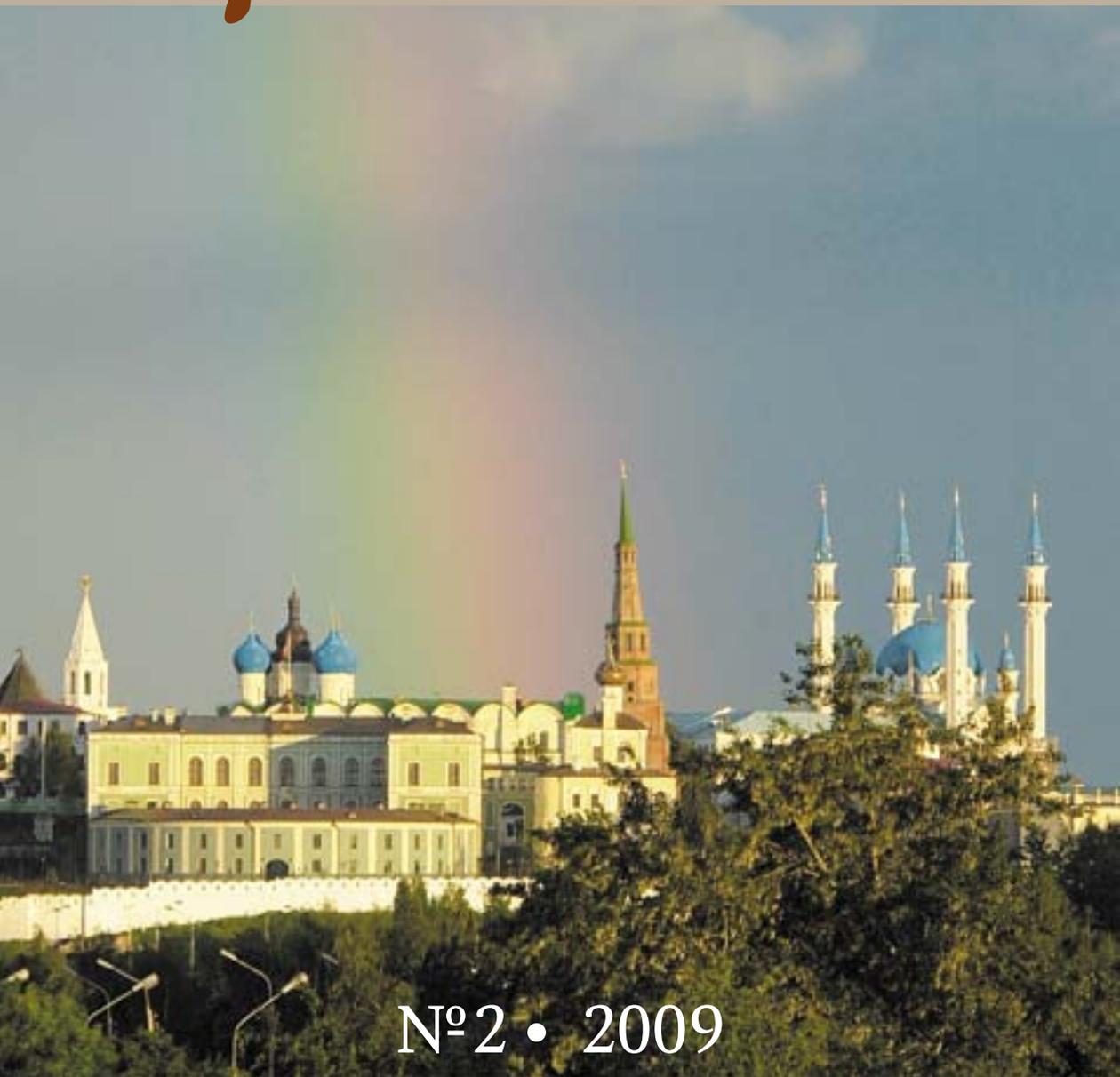

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№2 • 2009

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 2 • 2009

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
литературного альманаха
«АРГАМАК – ТАТАРСТАН»

Ильфак Ибрагимов – председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;
Марат Муратов – руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;
Иван Переверзин – председатель правления
Международного сообщества писательских союзов;
Светлана Василенко – первый секретарь правления
Союза российских писателей;
Ильдар Халиков – мэр города Набережные Челны.

РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха
«АРГАМАК – ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)
Николай Беляев (*Владимирская область*)
Лилия Газизова (*Казань*)
Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)
Сергей Кузнечихин (*Красноярск*)
Михаил Кураев (*Санкт-Петербург*)
Владимир Леонович (*Кострома*)
Рамиль Сарчин (*Казань*)
Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Учредитель
ОАО «ТАТМЕДИА»

<i>Издатель</i>	Татарстанское отделение Союза российских писателей и Союз писателей Республики Татарстан
<i>Главный редактор</i>	Николай Алешков
<i>Заместители главного редактора</i>	Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, Вера Хамидуллина
<i>Редактор-корректор</i>	Алла Орехова
<i>Дизайнер-верстальщик</i>	Виталий Павлов
<i>Художник</i>	Ольга Белова-Недовизий
<i>Секретарь</i>	Марина Конюхова
<i>Фото на обложке</i>	Михаил Медведев (<i>1-я, 4-я страницы – Казань</i>) Владимир Салман (<i>2-я, 3-я страницы</i>)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

С неба падает первый снег
Белым кружевом зимних грёз.
Замедляют снежинок бег
Кроны дремлющие берёз.

Я, волнуясь, ступил на порог,
Не увидел нигде следа.
Проторённых путей-дорог
Как и не было никогда.

Словно в детском волшебном сне,
Удивляясь, понять хочу:
Или падает с неба снег,
Или я сквозь него лечу.

* * *

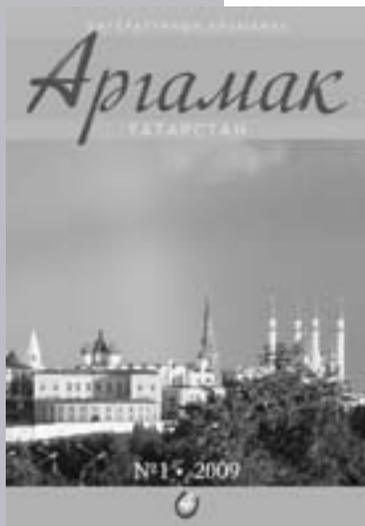
Горят новогодние свечи,
И тают, и тают они.
Никто в этом мире не вечен,
У всех пересчитаны дни.

И тают, и тают, и тают
Заветные свечи-года.
Метели зимы заметают
Былые пути без следа.

Помилуйте, но без следа ли?
А дети, а внуки, а труд?
И всё, что другим передали,
Метели не скоро сотрут.

Об этом невольно ночами
С надеждою думаю я.
Метельная ночь со свечами —
Печаль и отрада моя.

Здравствуй, альманах!

Здравствуй, уважаемая редакция литературного альманаха «Аргмак»!

Пишет вам поэтесса с Волги, из Самарской области, член Союза писателей России — Кан Диана Елисеевна. На днях я была на заседании правления в офисе Самарской областной писательской организации и там председатель нашего Самарского писательского правления Александр Громов вручил членам правления альманах «Аргмак-Татарстан». Я была приятно удивлена не только солидностью издания, но и его всероссийской открытостью по отношению ко всем авторам, вне зависимости от места проживания и членства в том или ином Союзе. Обычно журналы, издаваемые в провинции, грешат региональным подходом к литературе, попыткой повернуть литературу географией. Будучи возведённой в принцип, такая позиция в конечном счёте делает журнал узкоместечковым и приводит его к творческому упадку.

Объединяющих изданий — объединяющих всех именно на основе качества литературных текстов — на самом деле до обидного мало, и дай-то Бог, чтобы их становилось больше.

Вот я и решила не только сама поучаствовать в альманахе, послав свои стихи, но и предложить вам стихи своих земляков с их, разумеется, согласия и при их желании.

Желаем вам и всем авторам и читателям много добрых, интересных и познавательных встреч на страницах альманаха!

С волжским приветом Кан Диана Елисеевна

От редакции: Стихи талантливого поэта Дианы Кан и её земляков готовятся к публикации в третьем номере «Аргамак».

* * *

Здравствуйте, уважаемый Николай Петрович! Прежде всего — поздравляю с тем, что «Аргамак» поскакал!!! Выглядит он весьма породистым и справным. А «Звезду полей» я видел один раз — в Красноярске на Вторых Астафьевских чтениях (1998 год). Я ещё на нынешнем съезде (имеется в виду очередной съезд Союза российских писателей в июне нынешнего года в Москве — *ред.*) из выступления Ольги Кузьмичёвой понял, что задуман «Аргамак» как журнал всей «литпровинции», и сделал «стойку». Спасибо, что включили наш адрес в число тех, кому журнал будет рассылаться. Один экземпляр я буду отдавать в фонды главной омской библиотеки.

**Александр Лейфер, председатель Омского отделения СРП,
редактор альманаха «Складчина»**

* * *

Приветствую Вас, Николай, и поздравляю с выходом литературного альманаха! Это очень нужное и значительное начинание. Россия всегда жила литературными журналами, сегодня, увы, журналы утратили свои позиции и в связи со многими причинами сократили тиражи. Мы не знаем, что пишут в Татарстане, вы не знаете, чем дышит литература на крайнем Западе страны. Центральные журналы замкнулись сами на себе. Я издавал журнал «Запад России» в течение шести лет и на своей шкуре испытал, насколько это затруднительно. Составлять, редактировать, собирать близких по духу авторов — прекрасно, а вот заниматься финансами слишком утомительно. Журнал продержался до 27 номера и пал под финансовыми ударами. Затем наша организация стала издавать журнал «Балтика» — и он сегодня находится не в лучшем финансовом положении, издаём мы и журнал «Параллели» на двух языках — литовском и русском.

У вас широкий размах, и я помню газету «Звезда полей» — пусть «Аргамак» станет её достойным продолжением.

Я издал свой роман «Парк живых и мёртвых» и сейчас занялся составлением книги лирических миниатюр, издам ли её — неизвестно, но вот такая смена жанра. Посылаю вам несколько своих миниатюр, если пожелаете, для «Аргмака». Могу также подготовить новости о нашей литературной жизни.

Всех вам благ и удач!

Олег Глушкин, г. Калининград

От редакции: Миниатюры Олега Глушкина публикуются в этом номере.

* * *

Алешкову Н. П.

Благодарю за приглашение в редколлегию. Означает ли это, что я имею право предлагать тебе кое-каких хороших авторов? Или у вас своих достаточно? Альманах получился добротный и красивый... Экземпляры отнесу в наш союз, пусть народ знакомится. Попрошу Марину, чтобы дала информацию в «ДиН» (красноярский журнал «День и ночь» — ред.).

Сергей Кузнецихин, г. Красноярск

* * *

Здравствуйте, дорогой Николай Петрович!

На днях получил от Вас бандероль с номерами альманаха «Аргамак» и письмом.

Конечно же, я целиком и полностью поддерживаю Вашу идею работать с литераторами прежде всего из провинции. Ведь сейчас выходит огромное количество региональных литературных журналов (например, у нас в Липецке — «Петровский мост», один из номеров которого я высылаю Вам с данным письмом). Но, к большому сожалению, почти все эти журналы и альманахи печатают на своих страницах в основном литераторов, живущих в данных регионах, что, естественно, сужает их литературную, да и общественную значимость. Делает их слабыми в литературном отношении: ведь фактически ни в одном регионе страны, ну, может быть, за исключением двух российских столиц, нет достаточных литературных сил для заполнения печатных площадей этих журналов и альманахов. К примеру, у нас в Липецке более достойный в литературном отношении альманах можно выпускать лишь раз в год, и то как обзор литературной жизни края за год. На большее, на мой взгляд, просто не хватает литературных сил и дарований. Поэтому первый номер вышел неплохой, а затем в качестве литературном «Петровский мост» явно стал

сдавать. И наступит, рано или поздно, момент, когда вообще печатать будет нечего. Это слабость почти всех региональных литературных периодических изданий. Отсюда Ваше стремление создать хороший литературный журнал, охватывающий практически всю литературную жизнь России, похвально. Я Вас полностью в этом поддерживаю и чем смогу буду помогать.

Теперь немного о себе.

Действительно, в последний раз я получал от Вас весточки в конце 90-х годов ушедшего века. С тех пор много изменилось и у меня. Прежде всего — я был принят в члены Союза российских писателей. Во-вторых, у меня вышли три детские книжки стихов. Правда, изданы они были под общей обложкой и названием в виде подарочного издания. И, наконец, я стал дедушкой. У меня родилась внучка — ей сейчас полтора годика...

И ещё одна просьба — откройте в своём журнале детскую страницу.

С уважением, Виктор Благодарный, г. Липецк

* * *

Уважаемый Николай Петрович, журнал «Аргамак-Татарстан» №1 (2009) я получила из рук Г. Щёкиной, члена Вологодского отделения СРП. Читала с увлечением «от корки до корки». Понравился общероссийским подбором авторов, качеством текстов, доброжелательным настроем редколлегии альманаха. С удовольствием подпишусь на журнал. Буду рада, если окажусь востребована как автор. В Вологде я пригодилась в качестве литературного критика, имею Почётную грамоту от Союза российских писателей за 2008 год. Высылаю на рассмотрение две статьи, нигде не опубликованные.

Нина Писарчик, г. Вологда

От редакции: статья Нины Писарчик публикуется в этом номере.

* * *

Здравствуй, Николай!

С большим интересом познакомился с альманахом «Аргамак». Книжку эту приятно взять в руки — отлично оформлена, хорошо издана. И вообще — издание и содержанием производит впечатление столичности. Ни малейшего налёта провинциальности! Стихи вполне профессиональные, без скидок. Очень интересен блок материалов о Гумилеве. Хорошо представлен Николай Беляев. И вообще, как пишет главный редактор в своём вступительном слове, всё сделано с любовью к Татарстану.

Выход такого альманаха считаю заметным событием в литературной жизни республики. Так держать!

Рафаэль Мустафин, г. Казань

Николаю АЛЕШКОВУ

*О днях ушедших не жалея,
Покуда есть, что ставить на кон.
Еще горит «Звезда полей»,
Путь освещающая «Аргамаку»!*

Благодарю за присланную бандероль. Первый номер получился красивым и интересным. Всегда радовался, что провинциальные журналы ценят авторов за творческие результаты, а не за партийную или еще какую принадлежность. Посылаю файлом подборку избранных моих стихов и файл с биографическими данными. Успехов «Аргамаку»!

С уважением Дмитрий Казарин, Астрахань

* * *

«Аргамаку»

Лети, аргамак, и подковой стучи,
Коль ты из элитного класса.
И солнечным днём, и в холодной ночи
Наращивай крылья Пегаса...

Напишем мы нежных и яростных строк
На частоте килогерца,
Чтоб наш альманах до читателя смог
Дойти — до ума и до сердца.

Чтоб наш современник себя узнавал
В стихах, повестях и рассказах.
Чтоб он в «Аргамаке» нашёл идеал,
Каким человек быть обязан.

...Чтоб ветер попутный, надёжно весло,
Чтоб парус крепился на стеньги!
А мы бы оттачивали ремесло,
Ах... были бы деньги!

*Наталья Первова,
г. Набережные Челны*

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

Моя улица

МНЕ НРАВИТСЯ рассматривать открытки с видами старой Казани, сделанные в начале XX века. Мой дом предстаёт на них почти таким же, как и сегодня. В той части Старотатарской слободы тогда находился известный на всё Поволжье Сенной базар, где бойко шла торговля сеном и молоком, лошадьми и мануфактурой. А в нашем доме располагалась гостиница «Амур».

До революции моя улица называлась Большой Сенной. Она состояла из домов, построенных в конце XIX века, двухэтажных и трёхэтажных. Почти на каждом из них теперь мемориальные доски.

Во флигеле соседнего с моим дома жил молодой Шаляпин. Чуть дальше стоит и разрушается здание, где жил известный профессор Казанского университета Карл Фукс. Именно у него останавливался Пушкин, когда приезжал в Казань в поисках материалов о Пугачёвском восстании. О Фуксе до сих пор ходят легенды. По одной из них, он был крайне равнодушен к молодым татаркам. А вообще-то он известен своими этнографическими исследованиями.

Начинается улица от цирка, расположенного у Кремля, и заканчивается у озера Кабан. Там, на озере, устраивались кулачные бои, описанные Горьким в «Моих университетах». А во второй половине XX века казанцы катались там зимой на коньках и лыжах. Правда, сейчас то ли тяги к спорту поубавилось, то ли народ пошел хлипкий, на Кабане можно заметить только одинокие фигурки детей, скатывающихся с горы на ледянках.

Мой дом. Улица Кирова, 70. Это большое красивое трёхэтажное здание, фасад которого, сколько себя помню, красили в красный цвет разных оттенков. На первом этаже со стороны улицы — магазины. Слева от арки — книжный, в котором продавались и канцелярские товары, справа — продуктовый. Я часто простаивала у прилавка книжного магазина, рассматривая немудрёный ассортимент канцелярских товаров и вызывая раздражение у угрюмой продавщицы. Тогда были редкостью фломастеры. В нашем магазине продавались фломастеры только двух цветов: зелёного и жёлтого. Полноценную картину не нарисуешь. Обычно у меня выходили деревья и солнце. А ещё мне нравилась ручка в виде сигареты. Она складывалась каким-то интересным способом, к ней прилагались короткие стержни.

Мои родители поселились в этом доме в 1966 году, будучи молодожёнами. Сохранилась фотография, где папа держит меня, которой от роду неделя, точнее, кулёк со мной, у парадного подъезда. Лицо у папы и радостное, и напряжённое. Наверное, он переживал, получится ли у мамы хороший снимок. Получился.

Во двор вели большие арочные чугунные ворота, которые были всегда открыты. Да и кто их будет открывать и закрывать. Не стало господ, исчезли и слуги. Двор вытянутый, овальный. На первом этаже не жили, там располагались склады ближайших магазинов. До революции на их месте находились конюшни и чайхана, в которую из своих номеров гостиницы спускались попить чаю, поговорить будущие классики татарской литературы Габдулла Тукай и Фатих Амирхан. Иногда во дворе стояла лошадь, запряжённая в телегу. На ней возили всевозможные коробки и тюки, ящики для бутылок, которые высились не очень стройными колоннами слева у стены. Ещё со двора был вход в райсобес. По утрам у него собиралось много грустных пожилых людей. (Сколько загадочности и безнадежности звучит в слове «рай-со-бес»!)

В глубине двора — открытая лестница, ведущая на второй этаж. От неё направо и налево тянулись длинные коридоры, в которые выходили двери квартир. Это была большая коммуналка. Мы жили в правом крыле.

Войти к нам можно было не только со двора. Рядом с продуктовым магазином, справа от арки, находился парадный подъезд, из которого можно было попасть на второй, жилой, этаж и на третий, где тогда располагался военкомат.

У нас была квартира номер три. Наши квартиры тогда представляли собой комнаты без всяких удобств. Когда я научилась писать и стала заполнять свой адрес на конвертах или на подписных квитанциях, было смешно писать — «квартира № 3».

Вначале папа, потом я периодически обновляли мелом большую цифру 3 на дверях, когда она тускнела и осыпалась. Дверь была обита шершавым коричневым дерматином, на котором выделялись тёмные железные кнопки. Хорошо помню, дверь открывалась очень мягко, с лёгким шипением.

Около комнаты на стене висел рукомойник, где я по утрам умывалась и чистила зубы. Открутиться было невозможно. Папа сверх того выполнял предписания стоматологов: каждые полгода ходил со мной к врачу показывать зубы, даже если они не болели. Однажды я заметила, что, если потереть зубной щёткой о стену, получается занятный звук: похоже, что чистишь зубы. И стала заниматься чисткой стены вместо чистки зубов. Когда я позже читала строчки Ахматовой: «На рукомойнике моём позеленела медь, но так играет луч на нём, что весело глядеть!», то представляла наш рукомойник, пусть даже и не медный.

Рядом, в комнате номер два, жила тётя Надя. Невысокого роста, круглолицая, со светлыми короткими волосами, губы накрашены помадой ярко-красного цвета. В её комнате стояло трюмо. На нем — красивые пудреницы, шкатулки и разноцветные вытянутые вазы с искусственными цветами, которые мне очень нравились. Это были розы из перьев. Я просила маму купить такие же. Но она не любила искусственных цветов, считала, что они собирают пыль. Интересно, что теперь в моём доме тоже нет искусственных цветов.

По словам родителей, в раннем детстве я очень любила тётю Надю и часто оставалась с ней, когда родителям надо было куда-нибудь уйти.

В комнате номер четыре жила Оркыя апа. У неё была яйцообразной формы голова. Мне не нравилось её скуластое лицо с пронзительными маленькими глазками. Помню её всегда в платке и сером фартуке, из-под которого выглядывало платье защитного цвета. Она собирала красивые коробки из-под конфет. Все соседи это знали и клали их на её тумбочку. Зачем ей в таком количестве нужны были эти коробки, не знаю. Может, она складыва-

ла в них нитки, пуговицы и прочие безделушки? А может, они нужны были ей в райсобесе, где она работала уборщицей. У неё была немного смешная походка, ходила она очень быстро, но вразвалочку. При этом была невысокого роста и довольно худая.

Оркыя апа часто жаловалась моим родителям, что я её не люблю, а люблю тётю Надю. Не знаю, что они отвечали. Оркыя апа, конечно, была за нудой. Часто делала мне замечания. Наверное, она тоже изучила мою походку. Потому что, когда я шла мимо её двери, она, бывало, выходила, чтобы сделать мне какое-нибудь замечание. То я плохо вытираю ноги перед коридорной дверью, то не поздравила её с женским днем... Однажды весной, проходя мимо её комнаты, я увидела жёлтые тюльпаны, которые были просунуты в ручку её двери. Вскоре она сама зашла ко мне с вопросом, не я ли оставила цветы. Я сказала, что нет. Но она не поверила, подумала, что я просто хотела сделать ей сюрприз. Я не сильно отпиралась. Приятно было почувствовать себя сделавшей доброе дело.

Вскоре после того, как я вышла замуж, она слегла, и какие-то дальние родственники сдали её в приют. Не знаю, жива ли она.

Рассказывали, что в пятидесятые-шестидесятые годы у каждой комнаты на тумбочке стоял самовар. Я уже этого, к сожалению, не застала. В нашем коридоре иногда исчезали даже кастрюли с кипящим супом. Какие уж тут самовары! Но подобное случалось редко. Правда, моя подруга Рамзия как-то вспомнила о том, что и мы с ней иногда брали котлетки или что-то другое с чужих сковородок. Я этого совершенно не помню. Видимо, мы не попадались.

Интересно, что в нашем коридоре жили в основном одинокие пожилые женщины. Мне тогда это казалось нормальным. Теперь я думаю, что это в какой-то степени отражало демографическую ситуацию в стране, где всегда преобладали женщины. К тому же в шестидесятые-семидесятые годы было очень много вдов. Детей в нашем коридоре было только двое — я и толстая узкоглазая Резеда, дочь тёти Розы из десятой.

Из соседей мне больше всех нравилась Венера из пятой комнаты. Она была квартиранткой пожилой Гаян апа. Венера была необычайно худой. Но её худоба была какой-то, как сказали бы сейчас, стильной. Её прямые крашенные волосы мягко ложились на плечи. Меня восхищали её руки: изящные, с длинными наманикюренными ногтями. Мы с мамой часто заходили к ней. Она показывала нам свои новые наряды. Мы их щупали, оценивали. А ещё мне нравилось, что она относилась ко мне как к равной. Нравилось называть её просто Венерой.

У папы был друг детства Хабир, который, приезжая из деревни в Казань, останавливался у нас. Он подолгу простаивал с Венерой у её дверей. Однажды я сказала маме, что они целовались. Зачем я это придумала, не знаю. Мама не стала держать это в тайне, сказала отцу, потом, видимо, Венере, которая прямо спросила меня при родителях: «Ведь это неправда?». Я вынуждена была сознаться. Поцелуй я, конечно, придумала, но в его воз-

возможности не ошиблась. Вскоре Венера вышла за Хабира замуж и уехала в деревню, где родила двух мальчиков.

Гаян апа странно молилась. Моя бабушка совершала намаз на полу, на который стелился специальный коврик. Садилась, поджав под себя ноги, и клала поклоны. А Гаян апа устраивалась на табурете, который ставился около кровати, и клала поклоны в её сторону. Мама объяснила, что это из-за больных негнущихся ног.

Когда я читала в детстве сказку «Су анасы» («Мать воды»), передо мной вставал образ этой соседки. Невысокая, сутулая, Гаян апа ходила, наклонив голову, и смотрела на встречных мрачно, исподлобья. Она повязывала платок, как пожилые женщины в татарских деревнях: два конца одной стороны стягивала под подбородком. На лице выделялись очень густые чёрные брови. Гаян апа редко выходила из дома. Помню её всегда возле плиты с ложкой в руках: она каждый день варила супы. В комнате у Гаян апа на стене висели две куклы. Одна — раздетый карапуз с глубокой вмятиной на животе, означавшей пупок, другая — большеглазая, с чёрными блестящими волосами, уложенными в замысловатую причёску, и в очень красивых восточных одеждах: розовые шаровары и кофточка, зелёная шёлковая жилетка. Эта кукла висела в коробке. Она была совершенно новой. Как хотелось, чтобы мне её подарили! Я делала туманные намёки, но мне так же мягко отказывали. А однажды, когда я уже прямо спросила, не подарит ли Гаян апа эту куклу, она так же прямо предложила мне карапуза. Но он мне был не нужен.

В детстве, начитавшись татарских сказок, я мечтала о косах до пят и длинных шёлковых платьях. Но мама одевала меня в короткие платья и юбки, сшитые в ателье, в шорты. Когда меня на лето привозили в деревню, бабушка, которую я звала по-татарски «эби», морщилась, разглядывая мои наряды, но ничего не говорила. Она была очень мудрой женщиной.

Самая скандальная соседка — Роза из десятой. Она была толстая и носила всегда чёрные сарафаны. Волосы собраны в большой пучок на затылке. У неё были муж, который пропадал постоянно на работе, и дочь Резеда, старше меня на три-четыре года. У мамы с Розой шла скрытая война. Громких ссор не помню, но отношение мамы, ядовитое и полное сарказма, к скандалистке осталось в памяти.

Тётя Валя, хромоножка из восьмой, работавшая кассиром в аптеке на улице Баумана, ладила и с мамой, и с Розой. Она сообщала маме разные новости о Розе. Подозреваю, что, приходя к Розе, она рассказывала что-нибудь о маме.

Когда у Розы родился второй ребёнок, ей пришлось срочно куда-то уехать на один день. Ребёнок остался со своим папой. В конце дня измученный отец попросил тётю Валю помочь с малышом. Зайдя к ним, она застала ребёнка почему-то укутанным в газеты. Оказывается, он сделал ка-ка, и папа не нашёл ничего лучшего, как обернуть его в бумагу. Почему-то эта история очень забавляла меня. Я представляла орущего младенца, дрыга-

ющего ногами и изо всех сил отбивающегося от папы, который хочет во что бы то ни стало укутать его в газетные листы.

Иногда спрашиваю себя, зачем я так упорно стараюсь восстановить детали своего детства. Быть может, воссоздавая прошлое, образ жизни, которая ушла безвозвратно, я надеюсь лучше узнать себя и найти истоки своих представлений о жизни, а они мне кажутся иногда странными. Сколько помню, я была сильно задумывающимся ребёнком. Задумывалась я о разном, чаще всего не о том, о чем обычно думают дети. Отсюда шло чувство отличия от окружающих детей. Инакость.

Следуя своим воспоминаниям и ощущениям, я становлюсь то грустной малышкой, которую оставили в очередной раз дома одну, то почти счастливой девочкой, которой достался розовый калфак в детском саду. А калфак, старинный татарский головной убор, больше я никогда не надевала. Жаль.

Во мне всегда было так много грусти, что ничего не оставалось, как сжиться с нею, сделавшись добрыми подругами. Сначала я была грустной девочкой, которую часто покидали родители, оставляя няням или соседкам или просто одну в доме, потом превратилась в грустную девушку, пишушую грустные стихи. А когда меня спрашивали, почему у вас такие печальные стихи, я отвечала, что это светлая печаль.

Однажды на заседание литературного объединения при музее А. М. Горького я принесла для обсуждения стихи, в одном из которых упоминалась татарская тоска. Кто-то сказал, что у тоски нет национальности. Разгорелся спор, в нём, как всегда, поставил точку Марк Давидович Зарецкий, руководитель литобъединения. Он сказал, что в песнях ямщиков, а среди них было немало татар, — слышится настоящая татарская тоска, и хорошо бы некоторым послушать старинные татарские народные песни.

Кроме грусти во мне всегда было много удивления. Я умела и до сих пор умею удивляться: небу, деревьям, морозу, запахам, гневу, компьютеру, счастью... Людям же вообще невозможно не удивляться: такие они смешные и разные. Правда, сейчас удельный вес удивления в моей душе значительно уменьшился. Незаметно вошла и стала расти усталость. Когда же удивления

почти не останется, тогда, наверное, придёт смерть. Это и будет моим последним удивлением.

За водой мы и наши соседи ходили к концу коридора, почти к выходу, где располагались туалеты и водопроводный кран. Я наливала больше половины ведра и аккуратно несла, пытаюсь не пролить, до своей комнаты. Обычно это не удавалось. За мной почему-то через равные промежутки оставались мокрые пятна. Как описать ощущения десятилетней девочки, несущей с великим трудом неполное ведро? Оно сильно било о ту коленку, со стороны которой я его несла. Я меняла руку, останавливалась отдохнуть, но всё равно было очень тяжело, и вода проливалась... Соседи ругались. А ведь ещё нужно было ведро это взгромоздить на нашу высокую тумбочку, стоящую вплотную к более низкой тётки Надиной. Она особенно сильно выражала недовольство пролитой на её стол водой. Мне было обидно. Я становилась старше и, вероятно, независимей. Поэтому наша с ней взаимная любовь таяла.

Коммунальная квартира предполагает коммунальные радости и коммунальные ссоры. Они, конечно, были. Не могу сказать, что жили очень дружно. Были отдельные партии, объединяющие жильцов нескольких комнат, которые воевали с другими. В зависимости от причины размолвок вполне состоявшиеся партии распадались и создавались новые коалиции. Поскольку делить было нечего, всё ограничивалось просто злословием и сплетнями. Хотя ошибаюсь. Делили место в коридоре. Около каждой двери стояли газовая плита и тумбочка, на которую ставили ведро с водой. На этой тумбочке готовили еду, чистили картошку, например. Было тесновато. К тому же многие оставляли в коридоре обувь, для которой тоже требовалось место. Если газовую плиту подвинуть было невозможно, то тумбочку хотелось поставить подальше от своей двери и поближе к соседней. Вот здесь начиналась ссора. Соседи чертили условную линию на стене, где, по их предположениям, заканчивалась занимаемая ими комната, и требовали убрать тумбочку с их территории. Обычно ничего не менялось и всё заканчивалось шумным скандалом. В этих скандалах, как в хоре, у каждой соседки был свой голос. Кто-то вёл свою партию низким, как труба, голосом. Это Гаян апа. Она обычно переругивалась с Оркыя апа, которая говорила быстро-быстро, без всяких модуляций, но брала напором. Гаян апа какое-то время отвечала степенно, почти надменно, но потом не выдерживала и срывалась на фальцет. Признаться, мне было интересно наблюдать со стороны за подобными сценами, но мама, к сожалению, быстро загоняла меня домой, приговаривая: «Как неудобно, как неудобно».

Соседки общались, ссорились каждая на своем языке и при этом прекрасно понимали друг друга. Языкового барьера в этом смысле не существовало. Принадлежность к какой-либо национальности — татарской, русской, чувашской, еврейской, немецкой — никогда не становилась темой разногласий.

Не помню, на каком языке я заговорила впервые. Скорее всего, на татарском. Вскоре после рождения родители отвезли меня к бабушке в деревню.

Там я и провела первые годы жизни. Бабушка знала татарский, арабский, латынь. И совершенно не говорила по-русски. Естественно, я залопотала по-татарски. И когда меня в Казани повели в детский сад, я не знала ни слова по-русски. Но русский я быстро освоила. Освоила настолько, что позабыла татарскую речь. Когда летом меня снова отвезли в деревню, я говорила только на русском. А к осени я уже забыла русский и вновь говорила только по-татарски. Так повторялось несколько раз.

В нашей семье говорили на смешанном языке, включавшем в себя и татарские, и русские слова. Хотя, помню, папа часто делал мне замечания, чтобы я говорила дома по-татарски. Но школа была русской, с друзьями общалась на русском, читала русские книги. И постепенно русский язык стал мне близким настолько, что поверять свои чувства и мысли бумаге мне проще, легче, естественней на этом языке. Сегодня я владею лишь разговорным татарским. И, переводя стихи татарских поэтов на русский, часто пользуюсь словарем. И все же татарский по-прежнему остается родным языком, языком предков.

Двойная нагрузка на сердце —

На русском писать языке.

А бабушка моя по-татарски

Молилась, сжав чётки в руке.

Наш коридор в раннем детстве казался мне стометровым. Слово «сто» я считала тогда мерилom чего-то очень значительного, к чему бы оно ни относилось: к метрам, километрам, рублям. По мере взросления коридор становился короче и короче. Однажды, уже выйдя замуж, я пришла в гости к отцу. И вдруг поняла, что коридор — узкий и короткий. Это было не светлое ощущение. Опять грусть...

Коридор, сколько помню, всегда был выкрашен в тёмно-зелёный цвет. В нем было всего три небольших окна, располагавшихся очень близко к потолку. Поэтому там всегда горел свет — несколько лампочек, свешивавшихся на длинных проводах. В комнатах, как и в коридоре, были очень высокие потолки. Более четырёх метров.

У Иосифа Бродского есть небольшая прозаическая вещь, которая называется «Полторы комнаты». В ней рассказывается, как он с родителями соорудил из одной комнаты две, точнее, полторы. Нашу комнату тоже можно было назвать «полторы», только не по горизонтали, а по вертикали. Став старше, я видела в Москве у своих друзей комнату с такими же высокими потолками, что позволило им построить нечто вроде антресолей, там располагалась спальня. А мы, к сожалению, так и не использовали наше верхнее пространство.

Мы недолго жили в одной комнате. Когда мне было пять или шесть лет, умер сосед из первой, Егор Генрихович. Помню, что он часто строгал. А я часто останавливалась около него, строгающего. Когда вывозили его мебель, родственники соседа предложили мне взять что-нибудь на память. Я попросила маленькую подушечку, вышитую бисером. Освободившуюся комнату отдали нам. Там спали мы с мамой на широкой кровати.

Однажды папа принёс домой большой катушечный магнитофон с микрофоном, установил его на столе и попросил меня прочесть стихи и спеть песни. А сам ушёл в другую комнату. Не помню, что я лепетала в микрофон, но, когда папа вернулся, я, видимо, молчала, и он отругал меня. Когда он снова оставил меня одну, от обиды я стала кривляться и говорить что-то совсем несуразное. Интересно было бы прослушать эту плёнку.

Было неудобно перебежать из первой комнаты в третью. Между ними, во второй комнате, жила тётя Надя. И когда умер жилец из седьмой, родители уговорили тётю Надю переехать туда. Надо сказать, эта седьмая комната представляла собой миниатюрную квартиру из спальни и кухни. Спальню занимала большая кровать. Кухня была отгорожена от спальни стеной. В ней был самый настоящий кухонный гарнитур со шкафами, подвешенными на стене и стоящими на полу. Тогда, в середине семидесятых, подобного я ни у кого не видела. Но эту стену, отделяющую спальню от кухни, моим родителям пришлось разобрать, поскольку тёте Наде такое деление не нравилось.

Во время переезда я совершила преступление, при воспоминании о котором мне и сегодня делается не по себе. Мне было восемь лет. Воспользовавшись общей суматохой, когда взрослые носились туда-сюда с вещами, я устроила ревизию в комодё тётки Нади. У неё было много красивых серёжек и перстней. Но больше всего меня привлекали блестящие в них камушки. Недолго думая я с помощью ножниц вытащила эти камушки, а их оправы выкинула за ненадобностью. Конечно, мне было стыдно, но желание обладать камушками было сильнее стыда. Тётя Надя вскоре заметила, что драгоценностей у неё заметно поубавилось. И догадалась о моей причастности к этому. Когда я проходила мимо её дверей, направляясь в школу или возвращаясь из неё, она выходила и требовала вернуть её драгоценности. Я что-то лепетала в ответ, старалась прошмыгнуть мимо её дверей очень тихо, чтобы она не услышала. Это были мучительные месяцы. Вскоре тётя Надя умерла, а я... вздохнула с облегчением.

Есть два-три воспоминания из того времени, когда мы ещё жили в одной комнате. Купили стулья. Новые стулья с красной обивкой. Они ещё долго будут с нами. Станут старыми, грязными, с торчащими нитками. Но запомнился момент после их появления. Сидим на этих стульях: папа, мама, я, ещё какие-то люди. Момент всеобщего восторга. Не помню лица мамы, но знаю, что она была счастлива.

«Первые мои воспоминания — царскосельские», — написала в своей автобиографии Анна Ахматова. Ничего не скажешь — звучит величаво. А я никак не могу определиться со своими первыми воспоминаниями. То память подсовывает картинку, где я играю в песочнице, а вокруг сосны. Это Займище. Я была там в туберкулёзном санатории. Но не фотографию ли из альбома я принимаю за первое воспоминание?

Есть ещё один эпизод, но первый ли он из тех, что помню? Тёмная комната, светится лишь экран маленького пузатого телевизора. Мы с мамой

ждём выступления папы. В те годы он был редактором молодёжных программ на телевидении, о чём я узнаю, естественно, много позже. А тот вечер мне запомнился тем, что на столе около телевизора стояла кастрюля со сваренной мамой курицей. Почему-то мама не разрешала мне её съесть. Это звучит как-то неправдоподобно. Может быть, курицы было мало, а я свою долю уже съела, но просила ещё? Видимо, маме хотелось сытнее накормить папу. Смешно, какие глупые первые воспоминания подсовывает память.

Почему-то я одна в комнате. Навожу порядок в тумбочке для игрушек. По шагам в коридоре догадываюсь, что идёт мама. Она входит. Я делаю вид, что не замечаю её. Продолжаю расставлять игрушки. И мама не подаёт признаков своего присутствия, не окликает меня, раздевается и начинает стряпать. Мне уже хочется общаться, рассказать, что навела порядок в своей тумбочке, но мама почему-то со мной не заговаривает. Обиделась, что я её не встретила? Мне кажется, что с этого дня началось наше долгое взаимонепонимание. Хотя, казалось бы, что произошло? Мне хотелось показать маме своё трудолюбие и старательность. Ведь в детстве всё посвящается маме: немудрёные рисунки, вылепленный своими руками пластилиновый заяц, вся маленькая жизнь. Но мама не захотела принять моё подношение.

В коридоре жили кошка и кот. Кличек у них не было. Она была очень пушистая, коричнево-полосатая, он — пятнистый, чёрные пятна на белом фоне. Они часто лежали на батарее напротив девятой комнаты, в которой жила тётя Шура.

Про тётю Шуру говорили, что она сектантка. Звучало таинственно. Иногда она зазывала меня в свою комнату, где было много икон, и просила передвинуть стрелки на часах, которые висели высоко на стене. Для этого приходилось снимать обувь и вставать на стол. Затем она совала мне в руку какие-то карамельки, которые имели обычный вид, но пахли странно. Я их не ела. Выкидывала.

Кошка и кот были ничьи. Около них часто останавливалась Гаян апа, гладила их и что-то тихо приговаривала. Мне кажется, у Гаян апа была какая-то история. История, после которой она осталась одна. Думаю, что моя соседка когда-то была красивой женщиной, большеглазой, чернобровой, длинноволосой.

А вот Оркыя апа, наверное, и в молодости была, как Шапокляк. Кота и кошку она просто не замечала, пробегая мимо них с несусветной скоростью. Они родили троих детенышей. От матери котятка взяли окрас, от отца гладкую шерсть. Получились коричнево-полосатые, гладкошёрстные. Некрасивые. Вначале они лежали в коробке. Потом куда-то исчезли.

Сегодня моя дочка, десятилетняя Сююмбике, предложила завести четырёх животных: мне — кота, папе — собаку, ей — крыску, пятилетнему брату Эмилю — мышь. У её подруг-одноклассниц Ясмин и Люси дома живут крысы. В глубине души я осознаю, как низко пала в своей взрослости. Но и в детстве я не хотела иметь домашних животных. Мне хватало кота у моей

бабушки. Как и полагается умным и боевым котам, однажды он не вернулся. И я спокойно восприняла его исчезновение. Видимо, сказалось мое спартанское воспитание.

Меня не воспитывали. Передо мной ставили задачи. В раннем детстве я должна была хорошо читать стихи на утренниках. В школе — быть отличницей. При этом мне не было скучно выполнять эти задачи. Мне нравилось быть лучшей. Со временем я так привыкла к этому, что мне захотелось стать лучшим поэтом. Понимаю, это звучит смешно.

В детстве папа часто фотографировал меня. Дома, в детском саду, на улице... Снимал не только меня, но и отдельно мои вещи, игрушки. Есть одна фотография, на ней стол, покрытый газетой, на котором лежит моя обувь. Шесть пар. Папа решил запечатлеть мои танкетки, галоши, туфли, ботиночки... Забавно. Моей реалистичной маме, мало склонной к романтике, это тогда казалось блажью.

Папа до сих пор хранит многие мои вещи. Например, листочки со стихами, которые я заучивала для выступлений на утренниках. Все табели об успеваемости, начиная с первого класса. В фотоальбомах множество записей моих родителей, вырезки из газет того времени. Есть записка папы, которую он написал маме в роддом.

В год моего рождения Институт общественного мнения газеты «Комсомольская правда» предложил тем, у кого в 1967 году родился первый ребенок, написать своим детям письмо в будущее. Газета обязалась хранить каждое письмо в течение двадцати пяти лет и выдать его по первому требованию автора или уже взрослого сына или дочери. Папа в то время работал инструктором райкома комсомола и, естественно, откликнулся на это предложение. Пожелтевшее письмо было вскрыто мною 6 июня 1992 года, когда мне исполнилось двадцать пять лет. Папа написал два письма, одно из которых, отправленное в редакцию «Комсомольской правды», сгорело с сотнями других при пожаре в редакции. Думаю, что иначе и не могло быть.

Высшая правда и мудрость были в том, что наивные пожелания молодых родителей сгорели вместе с коммунистическими идеями того времени.

Но предусмотрительность папы, написавшего два письма (или письмо в двух экземплярах?), была вознаграждена. Итак... Родители желали мне стать к двадцати пяти годам «активным тружеником нашей страны, сочетающей труд с постоянным повышением общеобразовательных и политических знаний, участницей общественной жизни коллектива, готовящей себя встать в ряды КПСС, чуткой, внимательной матерью или создающей крепкую советскую семью». Несмотря на такой общественно-политический характер письма, приятно было держать в руках документ другой эпохи.

В письмо была вложена фотография, на которой мне несколько месяцев. Я лежу на одеяле в горошек у стены, на которой висит ковер. Этот ковер сохранился. Он был подарен матерью моей мамы на их свадьбу. В детстве я видела подобные ковры во многих квартирах. Тогда многое было похоже: ковры, мебель, обои... А вот красное одеяло в горошек не сохранилось. Я потеряла его в спортивном лагере, где отдыхала после первого курса медицинского института. Мама сильно ругалась. Она использовала его для глажки белья.

В фотоальбоме я нашла несколько квитанций об оплате моих яслей и детского сада. Судя по ним, в 1969 году мое пребывание в яслях оценивалось в 7 руб. 50 коп. в месяц. А в ноябре 1973 года — в 9 руб. 04 коп. Забавные цифры. Конечно, эти нехитрые бумажки только для меня имеют трогательную ценность. Беря их в руки, я представляю жизнь своих родителей, наполненную большими и малыми заботами.

На одной из фотографий — я и несколько соседских детей во дворе. В том числе Резеда, дочь скандальной тёти Розы. Отношения родителей не сказывались на наших играх. Играли в штандер, в цепи. Особенно мне нравилось играть в сметану. Водящий отворачивается к стене. Остальные стоят позади него и спрашивают: «Кот, кот, какая сметана?». Он отвечает, например: «Красная!». Все разбегаются. Нужно рукой схватиться за любой предмет красного цвета. Если водящий поймает того, кто не успел найти этот цвет, водящий меняется. Бывало, бежишь, лихорадочно оглядываешь двор в поисках, забывая о том, что платье твоё как раз искомого цвета.

Иногда из форточек кричали наши мамы, выдергивая кого-то из нас на ужин или делать уроки. Если из форточки несло: «Мультфильмы!», разбежались все. Разбежались, и когда кто-то кричал: «Чарли Чаплин!». Тогда часто показывали фильмы с его участием.

Во дворе вешали бельё. Нужны были очень длинные верёвки, чтобы протянуть их от одной стены до другой. Посередине верёвку подпирали шестом. Простыни здорово мешали играть. Иногда в них попадал грязный мяч. Тогда, не сговариваясь, все разбежались по своим комнатам. Никто не хотел отвечать за «преступление». Обычно хозяйка садилась на верхней лестничной площадке и наблюдала за своим бельём. На этой площадке собирались и пьющие соседи. Особенно запомнилась Наташа из левого коридора, имев-

шая троих детей. А может, и больше. Помню её постоянно беременной и с коляской. Это не мешало ей пить и горланить хриплым голосом во весь двор модные песни. Она была высокая, костлявая и рыжая. Рыжими были и все её дети. Старшего звали Денис. Он играл с нами, хотя был на несколько лет моложе. Запомнилась величественная старуха, тоже из левого коридора. Она часто сидела на этой площадке. Зимой и летом в тёплом пальто. Проходя мимо, я всегда здоровалась со всеми.

Наши окна, как и окна всех комнат, выходили во двор. Напротив наших располагались окна райсобеса. Я любила смотреть из окна на наш двор. Там всегда кипела жизнь. Проходили жильцы, кладовщики по своим делам. Запомнился один кладовщик: он много раз пересекал наш двор в своём сером сатиновом халате, проходя к своему складу, который находился под лестницей, ведущей на второй этаж. Маленький, плотный, с круглой лысой головой, он шёл невероятно деловито, почти катился, как колобок. Так мы его с соседскими детьми и прозвали. Заезжали машины, чаще грузовые, которые привозили какие-то вещи. Стояла одинокая лошадь. Иногда я гладила её по тому месту, которое у людей называется щекой. Часто к её морде подвязывали мешок с овсом. Проходя мимо, я приподнимала его к лошадиному рту, чтобы ей удобней было доставать корм.

Позже, когда прочитаю Достоевского, стану сравнивать свой двор с мрачными дворами-колодцами Петербурга. Нет, наш двор был всё-таки светлее, потому что света больше. Здание — всего в три этажа, и красные кирпичи его тоже давали ощущение чего-то яркого, а значит, жизни. В безоблачный день солнце сотнями лучей отражалось в окнах напротив, хотя самого его часто и не было видно.

Почти все мои воспоминания, связанные с домом, относятся к самому раннему детству, когда мы жили втроем — я, папа и мама. Когда родилась моя сестра Лейсан, мне было двенадцать лет. Я входила в юность, полную разных тревог и волнений. Мой дом стал отступать на второй план, хотя я по-прежнему ощущала его присутствие и участие в своей жизни.

Недавно нашу улицу переименовали. Она теперь называется Московской. Для меня словно закончилась эпоха. Я окончательно распрощалась со своим детством.

НАСЛЕДИЕ

«После чтения рассказов и повестей Еники начинаешь чувствовать себя моложе, чище, красивее, словно ты искупался в чудодейственном целебном озере...»

ИБРАГИМ АБДУЛЛИН,
БАШКИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Амирхан Еники

«Пожалуй, никому... не удавалось так глубоко выразить душу татарского народа», — считает, обращаясь к творчеству Амирхана Еники, критик и литературовед Рафаэль Мустафин. В феврале нынешнего года республиканская общественность отметила столетие со дня рождения Амирхана ага. Он не дожил до этой даты десять лет. Но книги его живут в народе. Накануне юбилея Татарское книжное издательство выпустило собрание сочинений выдающегося писателя в пяти томах.

Красота

Давно это было, очень давно, но я, как сейчас, вижу трёх маленьких шакирдов*, едущих из уездного медресе домой. Мы с Гилемдаром держали путь в деревню Чуар-куль, а Бадретдина должны были оставить в деревне Ишле. Пегая кобылка, неторопливо трусившая в упряжке, принадлежала отцу Гилемдара. В деревне мы жили бок о бок, поэтому весной за мной и Гилемдаром родители наши присылали лошадей по очереди.

Бадретдин — наш случайный спутник. До сих пор нам как-то не доводилось возвращаться вместе, хотя мы собирались в медресе и разъезжались в одно время. Когда прекращались занятия, Бадретдин предпочитал ехать домой с кем-нибудь из односельчан, прибывших в город на базар, или же топал за тридцать вёрст на своих двоих. На этот раз мы упросили его ехать вместе.

Бадретдин был самым бедным из нас в медресе. Из дома ему не помогали, лишь изредка мать присылала с оказией маленький узелок из грубой холстины, в котором всегда были пшённые лепёшки или кусочек масла. Принимая гостинец, Бадретдин всякий раз смущённо повторял: «Ну зачем же это? Скажите маме, я вовсе не голодаю, пусть не присылает последнее». Масло

* Шакирд — ученик религиозной школы.

это он ел обыкновенно шилом. А когда удивлённые товарищи спрашивали, почему он так делает, Бадретдин с улыбкой отвечал: «Шилом его долго ешь!»

На родной стороне, как говорится, и воробушек не пропадёт. Так и наш Бадретдин. Частенько приходилось ему ходить с пустым желудком, но учёбу он не бросал. Да как ещё учился! Давно, впрочем, было замечено, что шакирды, знававшие нужду, оказывались старательными учениками. Богатый, будь он последним тупицей, мог околачиваться в медресе сколько ему вздумается, а бедняку плохо учиться нельзя, иначе не продержаться и до первой весны. Только труд и усердие могли прокормить его.

Вот и нашему Бадретдину перепали порой из байских кошельков кое-какие гроши. Он помогал отстающим готовить уроки, выполнял поручения учителей, переписывал для больных молитвы. Словом, ни минуты не сидел сложа руки. Однако сам он никогда не просил помощи.

По природе своей Бадретдин был терпеливым и уравновешенным. Он не умел льстить, никогда не зазнавался, с хорошими людьми сам бывал хорош, а от плохих держался в стороне. При всей своей бедности, он терпеть не мог быть чем-либо обязанным своим товарищам, даже если дело касалось самой незначительной услуги. Напротив, другие сами то и дело обращались к нему с просьбами, потому что в его самодельном сундучке чего только не было: и иголка с ниткой, и напёрсток, и шило, и перочинный нож, и пинцет, и зеркало, и цветные карандаши, и тетради, и даже клей с воском. Как он умудрился собрать всё это богатство, оставалось для нас загадкой. Вероятно, ему частенько приходилось отказывать себе в еде. Правда, он не всегда мог купить дорогие толстые учебники, зато немногие свои книги берёт как святыню, аккуратно обёртывал их в серебристую бумагу.

В те годы, накануне революции, интерес шакирдов к литературе особенно возрос. Книги были для нас как хлеб, как воздух. Каждый переписывал в толстую тетрадь песни, стихи, а то и целые страницы из романов. Каждый второй из нас сочинял стихи. Очень многие увлекались модным тогда поэтом Сагитом Рамиевым. Ему подражали, спорили до хрипоты, отстаивая его идеи, читали наизусть. Но нашим общим кумиром, любимейшим наставником неизменно оставался Тукай. Авторитет его никто не смел оспаривать. Никого не заучивали так много, никого не читали с таким восторгом.

И Бадретдин сочинял стихи, но не хвастал ими, не читал каждому встречному. Когда же его просили прочесть что-нибудь, он соглашался не сразу. В стихах его не было беспомощного хныканья, как у других. Он просто и сдержанно писал о природе или же в коротеньких четверостишиях своеобразно философствовал о жизни.

Вот каким был наш однокашник Бадретдин, странноватый, чуть-чуть таинственный, а в общем-то, довольно симпатичный парнишка.

Да... Но я, кажется, немного отвлекся, ведь сейчас мы втроём сидим в плетёном тарантасе и весело трясем по дороге в деревню, не так ли? Пыли нет, дорога ровная, лениво бежит кобылка, слышен только мягкий стук её

копыт: цок-цок, цок-цок... Совсем недавно, в середине мая, прошли первые дожди. Всё вокруг ожило, принялось буйно расти: пошла в трубку рожь, густой тёмно-зелёной порослью поднялась пшеница, а яркая трава на целине успела скрыть сухие прошлогодние стебли, и уже зацвели ранние цветы... Вон по сторонам дороги розовеют первые колокольчики вьюнка... Словом, природа была в самом расцвете нежной юности!..

Мы были безмерно счастливы, что снова вырвались на этот лучезарный простор, он исцелял и успокаивал нас; казалось, мы никогда не надышимся его ароматами, не наглядимся на его красоту.

Вначале мы то и дело вылезали из тарантаса, бегали по мягкой траве, гонялись друг за другом, рвали цветы. Бадретдин нашёл дикий лук. Мы нарывали его пучками и тут же принялись жевать. Я наломал стебли растения, которое у нас в деревне называли «лакомкой». Мы с наслаждением грызли их. Бадретдин сказал, что башкиры называют эту траву «жениховой плёткой», потому что бутоны её в конце длинного гибкого стебля распускаются голубыми цветами, и тогда она в самом деле похожа на плётку с кисточкой.

А длинноногий Гилемдар всё носился в поисках сусликов, он даже пробовал тихонько насвистывать, подражая им, но хитрые зверьки не желали выходить из норок. Нам так и не удалось посмотреть, как забавно встают они на задние лапки, наострив ушки.

Пели жаворонки. С бездонного неба волшебным дождём лилась музыка. Знаете ли вы, в чём очарование песен жаворонка?.. Когда он заводит свои трели, над землей простирается задумчивое безмолвие, словно природа, всё живое с упоением внемлет одному ему, испытывая тихую радость. И рождается удивительное ощущение, будто мир стал просторней, светлей. Земля, в бесконечном небе которой маленькой точкой трепещет неутомная пташка, наполняется удивительным покоем...

Не знаю, поют ли в это время другие пернатые, но голос кукушки не могли заглушить даже звонкие трели жаворонков. Странная, невидимая птица! Она будто создана природой, чтобы напоминать людям о чём-то важном. Грустный, предостерегающий голос её, долетавший из далекого леса, мы слушали затаив дыхание.

Наше путешествие близилось к концу, мы подъезжали к Ишле, длинной полосой вытянувшейся в долине у подножия красноватых гор. Ещё в начале пути Бадретдин пригласил нас заехать к нему на чашку чая. Мы не стали отказываться. Гостить у однокашников было принято среди шакирдов.

Перед въездом в деревню Бадретдин взял вожжи, завернул лошадь вправо от дороги и по ровному ковру кудрявой низкорослой травки направил её в самую дальнюю улочку деревни. Через некоторое время мы подъехали к дому, одиноко стоявшему в стороне.

Мы знали, что едем к бедным людям, но увиденное превзошло все ожидания. Кривой, ветхий домик наполовину врос в землю. Соломенная крыша

его прогнила, почернела, брёвна разъехались. Зеленовато-тусклым цветом отливали стёкла в окнах. Ворота не было, забора тоже, только со стороны поля и улицы дом был обнесён двойным рядом жердей... В высокой траве, заглушившей дворик, трещали и копошились кузнечики. Всё говорило о том, что в хозяйстве не было никакой живности.

Мы старались скрыть от Бадретдина свою растерянность. Тарантас въехал во двор и остановился перед жалким сарайчиком с плетёными стенами. Из дома вышел небольшого роста человек с рыжей бородой на худом бледном лице. Одет он был в холщовую рубаху, грубые домотканые штаны с заплатами на коленях, на ногах — поношенные лапти с онучами, на голове — выцветшая тюбетейка. Он подошёл к тарантасу, сдержанно поздоровался с Бадретдином, сказав ему: «Сынок!», потом молча пожал нам руки и принялся распрягать лошадь...

Подхватив свой сундучок, Бадретдин быстро зашагал к дому. В дверях мелькнула и скрылась какая-то женщина. По-видимому, это была мать Бадретдина. Только почему же она так быстро ушла в дом?

Пока мы хлопотали возле лошади, Бадретдин вынес ведро с водой, ковш и полотенце. Мы умылись тут же во дворе, поливая друг друга. Невольно подумалось, что у хозяев нет даже кумгана, который столь привычно видеть в каждом доме.

Нам с Гилемдаром никак не удавалось справиться с растерянностью: надо было делать вид, что мы ничуть не удивлены, беззаботно болтать о чём-нибудь, но слова не приходили на ум. Однако мы заметили, что сам Бадретдин ничуть не был смущён.

Умывшись, мы вошли в дом и громко поздоровались. Отец Бадретдина очень просто пригласил нас: «Проходите, шакирды».

Изнутри изба выглядела столь же неказисто, как и снаружи. Но бревенчатые стены её сияли почти восковой желтизной, а корявый, щербатый пол был старательно вымыт... Под окнами, занимая добрую половину избы, высился покрытый войлоком сакэ, вдоль стен стояли лавка и два стула, у печи — колода, — вот и всё убранство дома. В закутке, отделённом от горницы старой занавеской, кто-то щепал — было слышно по звуку — длинные лучины.

Первый, кого мы увидели, переступив порог дома, был седобородый старик в белой одежде и в облезлой иссиня-чёрной бархатной тюбетейке. Он сидел в дальнем углу сакэ, прислонившись к стене.

Мы протянули старику руки, но тот даже не шевельнулся. Бадретдин торпливо сказал:

— Дедушка, шакирды хотят поздороваться с тобой...

— Разве? Что ж, слава аллаху... — сказал старик, немного оживившись, и протянул нам большие, шершавые ладони. Он был слеп. Мы сели, прочли молитву и, степенно сложив руки на коленях, как нас учили в медресе, замерли. Нам неловко было начинать разговор первыми. Но хозяйева, к нашему удивлению, тоже не выказывали ни малейшего желания говорить.

Старик сидел прямо и неподвижно, углубившись в какие-то свои думы. Бадретдин беспокойно ходил по горнице, собираясь, видимо, что-то сказать и не находя слов... Отец его некоторое время неподвижно сидел на колоде, уставясь перед собой пустым взглядом, потом встал и начал приготовления к чаю. Он расстелил на сакэ старую домотканую скатерть, достал с шестка три чашки, из которых одна была склеена из черепков, а у двух других недоставало ручек, выставил завёрнутую в тряпицу половину хлеба, принёс стакан молока. Покончив с этим, он сел на прежнее место. Бадретдин достал из сундучка две пригоршни сахара.

Вскоре из-за занавески послышался тихий голос:

— Готово, сынок!

Бадретдин прошёл в закуток и вынес древний самовар, с залатанными ручками и носиком. Он велел нам подняться на сакэ. Мы послушно сели, скрестив ноги. Перед нами появилась сковорода с дымящейся яичницей. Однако хозяйева, видимо, не собирались разделить с нами трапезу: и старик, и отец Бадретдина с безучастным видом продолжали сидеть на своих местах.

Бадретдин повернул лицо к занавеске и ласково сказал:

— Мама, ты уж сама разлей нам чай...

— А отец?.. — спросил всё тот же тихий голос.

— Отец?.. Нет, лучше ты... — В голосе Бадретдина звучала самая искренняя мольба.

За занавеской ненадолго притихли, потом к нам вышла женщина в лаптях, грубом холщовом платье и таком же переднике; ситцевый платок её был надвинут на самые щёки, голова низко опущена. Она прошла к сакэ и села за самовар.

Я увидел её лицо и похолодел от ужаса. Левый глаз был совсем закрыт, а правый, огромный, немигающий, дико таращился. Вероятно, она перенесла жестокую оспу. Лицо было так изуродовано, что мне до сих пор тяжело вспоминать его.

Какое-то смешанное чувство отвращения и жалости охватило меня. Я не мог отделаться от странного ощущения, что огромный печальный глаз без бровей и ресниц — открытое окно, через которое каждый мог бесцеремонно заглянуть в душу бедной женщины.

Немногие из нас рискнули бы показаться рядом с родной матерью, будь она так же безобразна. Людям свойственно стыдиться уродства близких. Неужели Бадретдин не понимает этого? Или он умеет скрывать свои чувства?

Женщина наполнила чашки и протянула их нам, стараясь прятать лицо за самовар. Мы пили чай в полной тишине, не решаясь оторвать взгляд от чашек.

— Пейте, друзья, закусывайте. Не обессудьте, чем богаты, — угощал Бадретдин, и голос его звучал по-прежнему ровно, спокойно.

Выпив чаю и подкрепившись яичницей, мы поспешили опрокинуть чашки вверх дном. Бадретдин вздохнул, досадуя, видимо, на бедность, и вскочил на ноги.

— Я покажу вам свои книги, — сказал он и достал с небольшой полки над окном стопку книг. Наконец у нас появилось какое-то занятие, и мы с радостью принялись рассматривать сокровища Бадретдина. Здесь было несколько новых романов, сборники стихов, учебники на арабском и персидском языках. Мы листали книги, обменивались незначительными замечаниями о них.

— У меня, друзья, есть для вас ещё кое-что, — сказал Бадретдин и достал с той же полочки маленькую скрипку. То был плохонький самодельный инструмент из некрашеного дерева.

— Откуда она у тебя? — воскликнули мы удивлённо.

— Да вот пытался сам смастерить, — ответил Бадретдин и стал настраивать скрипку, извлекая из неё дребезжащие звуки. Мы знали, что он неплохо играет на мандолине. Но скрипка!..

— Бадри, почему ты скрывал, что умеешь играть на скрипке? В медресе мы раздобыли бы тебе скрипку нашего Сагита! — сказал Гилемдар.

— При таком музыканте мне лучше помалкивать, — улыбнулся Бадретдин. Он довольно долго промучился со скрипкой, которую давно не брал в руки. Тут я отважился ещё разок взглянуть на его мать. Она смотрела на сына, и все существо её излучало столько любви и тепла, что я был тронут до глубины души. Можете ли вы понять меня, можете ли представить удивительный взгляд матери, в котором светились и любовь, и гордость, и умиление, почти молитвенный восторг перед чудом, творцом которого она была? Ведь этот маленький шакирд, который непременно станет большим и уважаемым человеком, — её детище! Это она родила его и вскормила своей грудью!.. Я поспешил опустить глаза, на которые навертывались непрошенные слёзы.

Наконец Бадретдин настроил скрипку и приложил её к плечу. Скрипка пела слабым голоском, но нам было приятно слушать её. Все сидели очень тихо, боясь спугнуть печальную песню, которая так уместна была в этом бедном жилище, где самый воздух, казалось, дышал безысходной грустью. Тоска угадывалась и в позе белого старика, застывшего на сакэ, и во взгляде отца, задумавшегося возле печки. А мать влюбленно смотрела на сына, и лицо её светилось счастьем.

Бадретдин неожиданно обратился к ней:

— Что тебе сыграть, мама?.. Раньше тебе нравилась вот эта. — И он заиграл протяжную мелодию старинной народной песни о студёном ключе. Играя, он не сводил глаз с рябого, перекошенного лица матери. Нет, Бадретдин не стыдился её. Взгляд его серьёзных и чуть печальных глаз был полон благодарной сыновней любви и величайшего уважения.

Когда он кончил играть, мы попросили разрешения прочитать перед дорогой молитву.

В ответ хозяин молча потёр залатанные коленки, а Бадретдин, обратившись к старику, сказал: — Дедушка, шакидры просят благословить их. — Старик кивнул, и мы воздели руки...

...Заросший травой дворик остался позади, наша лошадка трусила уже по проезжей части улицы. Бадретдин с отцом стояли у изгороди и смотрели нам вслед. Мы мысленно прощались с ними, с их домом, самым бедным в Ишле, с его большой и непонятной нам тайной. Трудно сказать, что это было: трагедия или же, напротив, великое счастье, озарённое светлой надеждой. Счастье, которое мы бесильны были постичь.

Солнце клонилось к закату, а жаворонки всё пели и пели, взвившись высоко в поднебесье. И песни их были протяжней и взволнованней прежнего. Мир просторен, пуст, необъятен! Грустно... Я не могу забыть лицо матери Бадретдина. Хочется кому-то грозить кулаком и кричать: «Неправда, она прекрасна, пре-крас-на!..»

Перевод с татарского А. Бадюгиной

РАФАЭЛЬ МУСТАФИН

ЛАПОТНЫЙ МУРЗА

Месяц на одну фразу

Спокойный, молчаливый, даже немного замкнутый, особенно с малознакомыми... Не красноречив — терпеть не мог публичных выступлений и даже на деловых совещаниях в Союзе писателей выступавший крайне редко и немногословно... Знающий себе цену и потому никогда не стремящийся «мельтешить» перед фото- или теле-

камерой. Даже на юбилейных банкетах, бывало, его не видно и не слышно. Забьётся в самый укромный уголок и сидит тихо, как мышь. Ни внешностью — самой обыкновенной, ни одеждой не привлекающий внимания... Таким был Амирхан Еники в жизни.

Зато в творчестве... Это был большой и яркий художник, истинный талант. И всё лучшее, что было у него на душе, он вкладывал в свои писания.

— Нынешние «классики» не столько пишут, сколько заседают, — с усмешкой говорил он, имея в виду руководящих деятелей нашего творческого Союза. — Писать они ездят в Дома творчества...

Сам он работал ежедневно с точностью однажды заведённого механизма. Вставал рано, часов в шесть утра, наскоро пил чай и тут же садился за письменный стол. Писал от руки. Хотя у него и была пишущая машинка, но её стук, по его словам, мешал ему думать, отвлекал. Так он работал до обеда. После чего с чистой совестью мог пойти на заседание правления, в редакцию газеты или журнала, просто пообщаться с коллегами.

В отличие от литчиновников, пользовавшихся немалыми привилегиями (квартиры, издания и переиздания книг, повышенные гонорары, награды и звания), Амирхан Еники, никогда в жизни не занимавший начальственных постов, жил спокойно и несуетливо. Если и мучился, то не от зависти к преуспевающим коллегам, а муками слова. И радовался не столько гонорарам — довольно скудным и едва позволяющим сводить концы с концами, — сколько тому, что нашёл удачную фразу, ёмко и образно выразил свою мысль.

Писатель не раз признавался мне, что пишет трудно, мучительно, обкатывая в уме каждую фразу, поворачивая её и так, и эдак. Он переписывал свои вроде бы вполне законченные произведения по пять-шесть раз, радуясь тому, что удалось без ущерба для главного выбросить лишние слова, ненужные эпизоды, добиться наибольшей сжатости, музыкальности и точности. Долго обдумывал и вынашивал замысел нового произведения. Но и закончив работу, не спешил отдавать произведение в печать.

— Пусть немного отлежится... Надо ещё раз посмотреть свежим взглядом... Чтобы потом самому не было стыдно...

Вспоминается такой случай. Я тогда работал главным редактором журнала «Казан утлары». На очередном заседании редколлегии обсуждали два новых произведения — роман Абдурахмана Абсалямова и повесть Амирхана Еники. Оба произведения члены редколлегии рекомендовали в печать. По произведению Еники не было замечаний, а в связи с романом Абсалямова завязалась целая дискуссия. По единодушному мнению членов редколлегии автору ещё предстояла серьёзная работа. Там герой поступает вопреки логике своего характера, тут сюжет не проработан до конца. Одна из главок несколько скомкана, другая, наоборот, неоправданно затянута... при этом сам автор согласился с замечаниями коллег и забрал роман для доработки.

Мы уже спустили повесть Еники в набор. Но он вдруг тоже забрал своё произведение, заявив, что недоволен написанным и хочет кое-что доработать. Так прошёл месяц. Первым принёс свой роман Абдурахман Абсалямов. Поразитель-

но, что он за это время практически полностью переработал произведение, учтя все до одного критические замечания. Как говорится, придраться было не к чему. Вскоре пришёл со своей повестью и Амирхан ага. Перелистав её и ничего нового не обнаружив, спрашиваю автора, что же он в ней изменил. Писатель ткнул пальцем в одну из фраз: «Вот это предложение не давало мне покоя... Выбивалось из общего ритма, звучало коряво и неуклюже. А теперь я привёл его в норму». Выходит, он в течение месяца пестовал и выправлял всего одну фразу!

Почему Амирхан ага не вступал ни в комсомол, ни в партию

Случалось, мы с ним подолгу говорили о тайнах творчества. Поскольку я написал о нём и его книгах несколько статей и рецензий, не раз допытывался, что же является для него стимулом для писания. Амирхан ага отвечал примерно так:

— Порою меня беспокоит что-то смутное, непонятное даже самому себе. Это может быть связано с проблемами жизни или тайнами души человека. Когда всё ясно и понятно, желания писать не возникает. А вот неясное тревожит, мучает и беспокоит. Не даёт спокойно уснуть. Ворочается под черепной коробкой. Хочется уяснить проблему прежде всего для самого себя — и одновременно для читателя. Вот это чувство и толкает меня к письменному столу. Пока не напишешь, не выговоришься, не выплеснешь на бумагу всё, что передумал и перечувствовал за это время, душа не находит покоя. Вообще, я полагаю, что настоящая литература начинается там, где есть проблема. Психологическая или социальная, экономическая или политическая — не важно. Но непременно выраженная через человека. И вообще — что такое смутное? Это то, что неподвластно рассудку и гнездится где-то в сферах подсознания. А литература может проникнуть в эту сферу и выразить туманное, алогичное. Начиная повесть или рассказ, я никогда не знаю, чем дело кончится. Пока пишешь, всё выстраивается как бы само собой, помимо твоей воли, то есть по внутренней логике характеров. В общем, у художественного произведения есть своя «воля». Остаётся только следовать ей.

Биография Амирхана Еники хорошо известна. Но в советские годы предпочитали умалчивать о том, что он происходит из рода потомственных татарских дворян — мурз. Тех, что после покорения Казанского ханства не пожелали креститься и присягать на верность «белому царю». За это их лишили всех исконно принадлежавших им земель и других привилегий. Бросив всё, они ушли в безлюдные в те времена башкирские степи и стали чабаталы морза, то есть «лапотными князьями». Но не пропали — сумели обзавестись крепкими хозяйствами и потомкам своим передали вот эту верность старинным заветам, трудолюбие, смекалку и тягу к знаниям.

В минуту откровения Амирхан ага признавался мне, что долго не принимал советскую власть и не признавал большевистской партии. А насильственную коллективизацию и раскулачивание считал величайшим преступлением века. По его

словам, сам Сталин признал однажды, что при раскулачивании погибло пять миллионов крестьян. Их привозили в Сибирь целыми эшелонами и выгружали прямо в снег. С маленькими детьми, стариками, старухами... Огораживали лагерь колючей проволокой, вокруг ходили солдаты с винтовками. Местным жителям не разрешалось приближаться, чтобы дать плачущим и умирающим от голода детям кусок хлеба. Так и перемерли все от голода и холода. А в чём они были виноваты? В том, что работали добросовестно, не пьянствовали и не ленились?

Поэтому, по его словам, он и не вступал ни в комсомол, ни в партию. Да его, наверное, и не приняли бы — как «классово чуждый элемент» (сын торговца). Даже на рабфаке не дали возможности доучиться. И только в годы Великой Отечественной войны он смирился с необходимостью сотрудничать с большевиками, так как защита Родины была святым и общим делом. Вот почему в довоенные годы он практически ничего не писал, хотя первые его рассказы появились ещё в конце двадцатых годов, их отличала реалистическая достоверность и прозрачность слога.

Жизненный опыт у него был богатейший. Он с детства приобщился к нелёгкому крестьянскому труду. Учился на рабфаке в Казани и в Институте научной организации труда. Позднее работал в разных местах. Был и курьером в книжном магазине, и учителем родного языка среди донецких шахтёров, и сортировщиком на Казанской меховой фабрике, и методистом в системе лёгкой промышленности Татарстана. Когда во второй половине тридцатых годов начали сажать и расстреливать те самые «классово чуждые элементы», он был вынужден уехать из Казани в Ташкент. Тогда Средняя Азия спасла многих. Но и здесь долго не задерживался, часто переезжал из города в город. Жил одно время в Баку, потом в городе Маргилан Узбекской ССР. С началом Отечественной войны он на фронте «в почётном звании рядового», как сам выражался.

После войны он работал литсотрудником в журнале «Казан утлары» и редактором литературно-драматических передач на Татарском радио. А вскоре полностью переключился на литературное творчество и стал профессиональным писателем.

Вразрез с идеологическими установками

В годы советской власти писателей, несомненно, «подкармливали». Давали квартиры, выпускали книги, обеспеченные пусть не очень большим, но твёрдым гонораром. Но только тех, кто отвечал поставленным идеологическим требованиям. Амирхан же Еники писал только о том, что подсказывала ему совесть. Скажем, о загнивании зазнавшегося партийного работника, секретаря райкома («Болотный цветок», 1955). Или о тайнах искренней, чистой любви («Тайна сердца», 1957). А это далеко не всегда отвечало идеологической линии партии. Поэтому на него нередко нападали партийная критика, да и отношение руководящих партийных органов было соответствующее.

Вспоминается ещё один случай. В 1965 году вышла его небольшая, но очень талантливая повесть «Невысказанное завещание» — может быть, лучшее из всего, что он написал. Литературная общественность выдвинула эту книгу на соискание Государственной премии имени Г. Тукая. Причём решение правления во главе с Мирсаем Амиром было единодушным. Я тогда был членом комиссии по присуждению Государственных премий. И вот накануне решающего заседания этой комиссии меня вдруг вызывает тогдашний министр культуры Булат Гизатуллин.

Разговор начинается издали. Интересуется моими творческими планами, вкусами и пристрастиями. В частности, тем, как я отношусь к творчеству Амирхана Еники в целом и к повести «Невысказанное завещание» в частности. Я ответил, что считаю Еники, пожалуй, самым ярким явлением в татарской послевоенной прозе, а его новую повесть — новым словом в нашей литературе. Эти мысли я уже высказал и в своей восторженной рецензии на это произведение. Булат Миннуллович помрачнел.

— А вам не кажется, что эта повесть идёт вразрез с поставленными партией целями и задачами?

По его словам, в повести Еники не показана современная советская действительность. Здесь ни слова не говорится о руководящей роли партии. Более того, мы видим в повести идеализацию патриархального прошлого с явным националистическим уклоном. Правда, речь в повести идёт вроде бы о башкирской деревне. Но это никого не может обмануть. По словам министра выходило, что это идеологически вредное произведение, публикация которого была большой ошибкой. Так что ни о каком присуждении Государственной премии не может быть и речи.

Когда я стал спорить и не соглашаться, министр жёстко сказал, что такое мнение лично секретаря обкома партии по идеологии Мурзагита Валеева. И если я пойду наперекор мнению партии, последствия могут быть самыми печальными. На том мы и расстались.

Как выяснилось позднее, в это же время секретарь М. Валеев вызвал к себе Мирсая Амира. И уломал его — уговорил изменить своё мнение и голосовать против присуждения Еники Тукаевской премии. Мирсай ага подчинился, поскольку, по его словам, надо исходить из реалий жизни, а плетью обуха не перешибёшь. В общем, на заседании комиссии по Тукаевской премии только двое из всего состава комиссии проголосовали за Еники — я и Хасан Туфан. Большинство голосов его кандидатура была отклонена. Сейчас это кажется вполне естественным. Но тогда... Мы с Хасаном абый выглядели настоящими бунтовщиками.

Амирхан Еники потом долго недоумевал. Как же, мол, так? Мирсай Амир первым поздравил его с успехом этой повести, наговорил кучу комплиментов. Сказал даже, что ничего подобного в татарской литературе ещё не было, что это произведение останется надолго. А сам голосовал против... Я, как мог, объяснил ему, что председатель Союза писателей по долгу службы вынужден считаться «с реалиями жизни».

Ну а тех, кто не считается с реалиями, ждала иная участь. Нас с Хасаном Туфаном немедленно вывели из состава комиссии по Государственным премиям, а меня заодно сняли и с должности главного редактора литературного журнала. Я-то был внутренне готов к этому, поэтому воспринял случившееся сравнительно спокойно. А Хасан ага по-настоящему расстроился. Что, мол, я, мальчишка что ли? Значит, им нужны легко управляемые? А об интересах подлинной, большой литературы они думают? По-детски наивный, он многого не понимал.

Через двадцать лет Амирхану Еники была-таки присуждена Государственная премия имени Г. Тукая, но уже при новом руководстве и совсем за другие произведения.

Список публикаций об Амирхане Еники насчитывает несколько сотен единиц, в основном восторженных рецензий, аналитических статей и читательских откликов. И всё же его богатое литературное наследие по-настоящему ещё не осмыслено и не получило должной оценки. Думаю, новые поколения критиков и литературоведов восполнят этот зияющий пробел.

Последнее интервью

Накануне 90-летия в феврале 1999 года я в очередной раз встретился с Амирханом Еники. Мы проговорили несколько часов. Причём это было не обычное интервью, а скорее монолог писателя. Амирхан ага высказывал самые заветные, выношенные мысли, своего рода завещание потомкам. Кое-что из того, что он говорил, я успел записать — конечно, далеко не всё. Насколько мне известно, это было последнее интервью писателя. Вскоре он слёг, а через несколько месяцев его не стало.

Привожу эти записи в том виде, как они были сделаны несколько лет назад.

«Писатель — поэт и вития — перестал ныне быть «инженером человеческих душ», как громко выражались в сталинские времена, «прорабом перестройки», как говорили во времена Горбачёва, «властителем дум», как было у нас до революции. Он уже не пророк, не Учитель жизни, причём непременно с большой буквы, как любили писать вы, критики. Да, как ни горько это сознавать, писатель уже не открыватель новых горизонтов, не мужественный борец с режимом. Он просто АВТОР.

Поэтому и отношение к нему соответствующее... Пишешь — ну и пиши. А я джинсами торгую! Роль писателя сегодня много скромнее в общественном смысле и доля его намного тяжелее в смысле материальном. Если в годы застоя каждый более или менее признанный писатель имел законное право хотя бы раз в несколько лет выпустить книгу с твёрдо гарантированным гонораром, то ныне настали иные времена. Либо издавай себя сам, либо ищи богатых спонсоров, либо выбирай другую, более денежную работу.

Освободившись от оков цензуры и партийного диктата, автор стал отвечать сам за себя. В случае, если он что-то напишет не так, его уже не будут «раз-

бирать по косточкам» на заседании парткома, клеймить в печати и «отлучать от кормушки».

В худшем случае притянут к суду: если ты прав — докажи документально. Если нет — будь добр отвечать по всей строгости закона. Поэтому-то власть потеряла к литературе всякий интерес...

Раньше мы вечно за что-то боролись — то за высокий урожай, то за выполнение производственных планов. Привыкли постоянно жить как бы на линии фронта. А нынче фронт приблизился к подъездам наших домов. И постреливают уже не в переносном смысле, а вполне серьёзно, причём контрольный выстрел делают в голову...

Только не подумайте, что я — старый ворчун, всё охаиваю. Есть и весьма положительные сдвиги. Уже в начале так называемой перестройки напечатали практически всё, что до этого было под запретом. В том числе и писателей-эмигрантов, на что я, честно говоря, даже не надеялся. Реабилитировали не только репрессированных в 30-е годы, но, что не менее существенно, и религиозную тему. Ведь не реабилитировав мусульманство, нельзя всерьёз освоить наше духовное наследие. Напечатали заново почти всё лучшее, что было в дореволюционной татарской литературе. Из-за троекратной смены алфавита оно оставалось фактически недоступным для большинства читателей.

На фоне этих кардинальных сдвигов иные прежние кумиры заметно потускнели, другие — совсем погасли, затерялись. И это тоже хорошо.

Как видите, моё отношение к происходящим в литературе процессам далеко не однозначно. Хорошо, что наряду с прежним министерством от литературы — единым Союзом писателей появилось новое общественное объединение — ПЕН-клуб. Но плохо, что каждый издавший книжку графоманских стишков тут же претендует на громкое звание писателя. И его действительно принимают в Союз, хотя и знают, что этим самым только плодят графоманство.

Произошли изменения и в отношениях к главным редакторам литературных изданий. Раньше от них требовались политический вес, солидный авторитет, широко известное имя. А ныне редактор должен быть прежде всего хорошим менеджером — иначе его издание просто не выживет. А это нечто совсем другое...»

* * *

Виссарион Белинский писал, что самым строгим, неподкупным и справедливым критиком является время. Оно расставляет всё по своим местам. За годы, прошедшие после смерти Амирхана Еники, окончательно утвердилось мнение, что это был один из ведущих представителей татарской прозы XX века. Это писатель, который никогда не гонялся за дешёвой конъюнктурой, писал о вечных, непреходящих ценностях человеческой жизни. Его произведения продолжают жить и в XXI веке. Они привлекают тонким психологизмом, отточенностью сти-

ля, постановкой серьёзных нравственных проблем. Подобно великому русскому писателю Александру Солженицыну, Амирхан Еники и в самые мрачные годы тоталитарного режима призывал жить по совести. Об этом, в частности, прямо говорится в его неувядаемой повести «Совесьть».

Пожалуй, никому до этого «лапотного мурзы» не удавалось так глубоко выразить душу татарского народа.

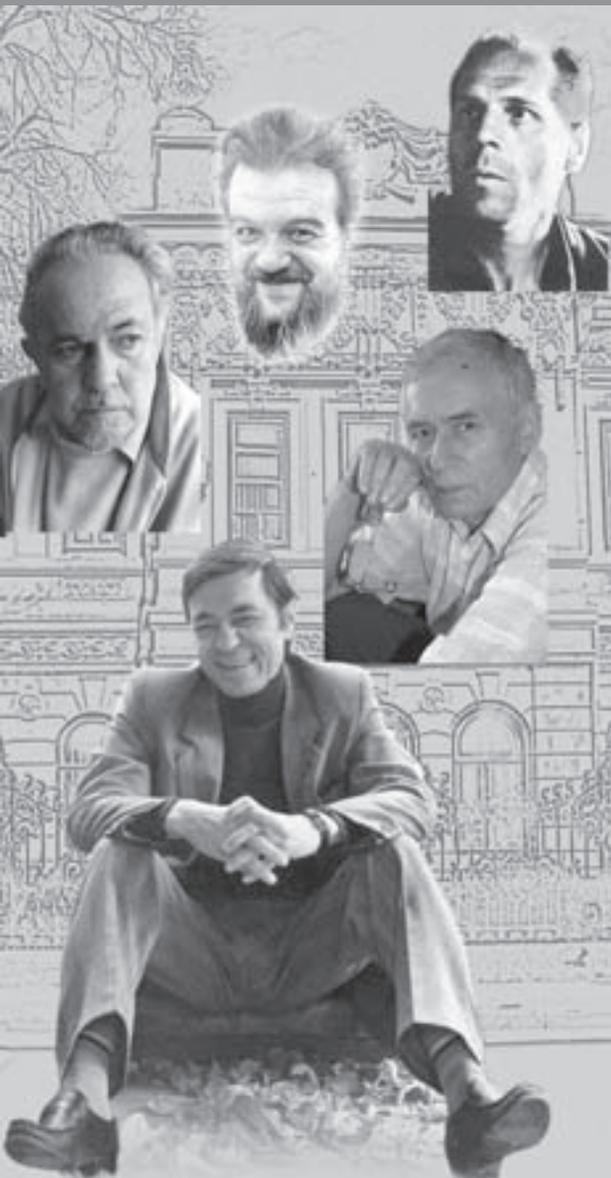
Основные произведения народного писателя РТ, лауреата Государственной премии им. Г. Тукая Амирхана Еники:

«Невысказанное завещание», повесть, 1965. Сборники рассказов «Одиночество», 1957 и «Умиротворение», 1978. Повести «Болотный цветок», 1955, «Марево», 1963, «Совесьть», 1973, «Воспоминания Гуляндам туташ» — о композиторе Салихе Сайдашеве, 1977, автобиографическая «Последняя книга», 1987. Сборник публицистики «Перед закатом», 1996 — размышления о судьбах татарской нации, её прошлом, настоящем и будущем. На русском языке вышли книги: сборник «Глядя на горы» (Москва, 1974), «Совесьть» (Москва, 1985) и др., переводы книг Ч. Айтматова, М. Бубеннова, К. Паустовского и др.

Поколение

(казанские шестидесятники)

Литобъединение им. В. Луговского — так мы тогда почему-то назывались. Даже удостоверения нам на плотной малиновой бумаге напечатали. Мы — сказано не зря. Это некая ощутимая общность тех, кто начинал что-то делать «в литературе» или около оной, чьи имена появились в прессе, то бишь — в маленькой, «половинной», но славной газетке нашей — в «Комсомольце Татарии». А порой — и ещё где-нибудь. Книг у нас ещё нет. Но они будут, в этом никто не сомневается. Мы собираемся по четвергам в «Доме печали» — на лестнице перед Союзом писателей, где каждый раз сооружаем каре из счетверённых стульев, посередине ставим урну для окурков и — рассаживаясь, говорим о стихах, о новостях, спорим о прочитанном и услышанном. Официально у нас есть руководитель — Геннадий Александрович Паушкин, литконсультант Союза писателей. Он — почитатель Есенина. А практически мы — сами по себе. Паушкин у нас почти не появляется. Если сидит — то не мешает по крайней мере. Варимся в собственном соку. Пейте собственные соки! Белозубы, белобоки, потому что до беды — три версты белиберды! По-разному сложатся наши судьбы. Очень по-разному...

Из рукописи книги Николая Беляева,
посвящённой художнику
Алексею Аникиёнку

Неудыбаваящая тропа

...дорога *оттуда* короче
дороги *туда*...

Малькольм Лаури

«Лесная тропа к роднику»

МАМ БЫЛ покой и — белое, белое, белое. За большими окнами взвихренная зима. Океан ослепительного снега. И среди него тёмные, вскинутые лапы деревьев, обмороженные на ветру. Снег рассыпается по всему объёму стекла, тоненько взвизгивает, опадая. Но валы перекатываются без передышки, подрезая сугробы.

Белая стена печи набирает тепло, и за щелочкой подкопчённой дверцы потрескивают берёзовые дрова. Несколько поленьев лежат на полу под вздрагивающими бликами огня, чуть попозже мы их подбросим в печь. Белая кора берёзы на поленьях как будто обсыпана снегом, а береста покрыта жидким золотом, оно плещется, как вода.

Если раскрыть окно, зима ворвётся в дом и моментально задушит огонь, вздует простыни и разбросает одеяла, — попробуй выгони её обратно в сад, сразу зачленеешь. А птицы нет-нет да перелетают.

Мать ушла на еврейский рынок. Мы с отцом — я скоренько нырнул к нему в постель — нежмся в благодати. Он посмеивается, а я верещу, верещу, захлебываясь по-щенячьи, подлезаю, лгну к его согретому телу — мне тесно, душно, замечательно, я так и хочу влиться в отца. Слышу его запах, кислотовогорький, утренне-табачный. Синий дымок от папиросы уходит вверх, колеблется, взбегает, размывается от вздоха и тут же распадается. У меня есть отец, думаю я, вон какой он тёплый, могучий, может одной ладонью накрыть мою голову. Фарфоровая пепельница-собачка на задних лапах, белейшая, как сахарная, принимает пепел от папиросы. Рука отца проплывает над моим лицом узкой, удлинённой лодкой, — он оставляет папиросу собачке.

— Ну, встаем! Надо бы чай вскипятить. Мать придёт с холода. Давай, давай откидывай одеяло. Проголодался за ночь, сейчас что-нибудь придумаем. И в печку заглянем, возле неё босиком хорошо.

Вот это и есть, пожалуй, первое и последнее ощущение теплоты отца. Покой, умиротворение в белом облаке зимней постели под ускользящим дымком папиросы. Мы в мире только вдвоём в наплывающей мягкими волнами благодати перед огромными окнами, где кипит снег. Белое, белое, белое — вот-вот оборвётся от вскрика.

Потом скрипят, ползут салазки. Меня везут из больницы после скарлатины. Я вижу только ноги, натянутую верёвочку и взрыхленный снег. Мать, отец. Верёвка крепкая, не лопнет от натуги, да и я не больно тяжёлый, небось полегче мешка с картошкой. Вот так бы везли, везли, хоть на край света. Вдвоём. А я бы, сбережённый, покачивался в санках, в тугом коконе одеяла... Ноги родителей уминают тропу, и косенько перелетающий, подрезающий верёвочку снег не пугает меня, блещет множеством лезвий на внезапном пятачке света.

И снова я думаю: у меня есть мать, отец. Больше никого не надо. Домой еду, не к чёрту на рога!.. Тает на лице снег. Я где-то внизу, у самой затвердевшей земли, впереди меня оглядывающиеся родители. Как сосуд драгоценный, охраняют меня от опасного холода.

— Ты не засыпай, гляди, дома напишешься, — голос матери.

— Поскучай ещё маленько, — голос отца.

Время жизни можно было бы пометить многоточием. Оно и длится непредсказуемо, скачками, вспышками, вплавь и вброд — проглатывает овраги, минует вырубки — и вдруг оказываешься на чистой поляне, весь ясный, звонкий, как сухая дощечка.

Позади тёмный ельник, как бы густо заштрихованная горечь, сумерки пережитого.

Почему западает в душу то, вроде бы совершенно пустячное, а не это, когда-то и ошеломившее, но смазанное одним коротким жестом? То, а не это? Значит, русло жизни исполнено особого смысла. Оно не обрушивает берега как попало, не подмывает корни обречённо повисшей на обрыве сосны, скорее наоборот — увлажняет в половодье вспененной волной, до-

тягивается до комля, до рваного корневища, и постепенно сходит, успокаивается в привычном земном желобе. А сосна, смотри-ка, укрепилась, даже вызолотилась на приподнятом балконе земли, глинистом выступе, стоит — не шелохнётся, замершая над пропастью, очарованная и слегка накрённая. С пароходов, с лодок любят её, именно её, выделив прямую гордость ствола, рискованность распластанной по круче тени. А река течёт себе, устремлённая в бесконечность, просторно ей после тяжкой весенней работы нежиться на солнце.

Время жизни золотит вехи, снимая нагар со свечей.

Приятель поэт поделился со мной, казалось бы, незначительным открытием:

— Как вспомню отца, пальцы ног ломит. Сладко ломит. Защемил он их когда-то играючи. Потом на лошадь усадил. Скачи, сказал. До сих пор скачу. И пальцы всё ломит, ломит. Ничего больше об отце не помню.

— Да, — поддерживаю я. — Захочешь придумать, а пальцы и заболят.

— Удивляюсь просто! Сколько всякого было — и башкой ударялся, и грудь разламывало, да как будто ветром сдуло, но пальцы на ногах ой, чувствительные, мысль на ниточке держат — не отпускают.

Не сорвалась сосна с обрыва — сладко ей всю жизнь падать, а не к выси тянуться — это вроде бы обычное дело.

Я думаю, у каждого на земле есть потаённое место, где сходятся, едва соприкасаясь, две тверди и сердце обретает покой. Совершенно невероятно ощущаешь себя там — под почти мистической «розой ветров». Всё движется и забывается, перемещается и вспархивает, всё обретает радостный смысл — и сосновые иглы, и овраги, и белые камни под крутизной берега, и расстилающееся, как бы охватывающее крыльями плечи, поле за спиной, — всё полно звучания и значения. Звук не бежит, как посторонний, не режет слух, да и не отделён, не вырезан он из созвучия, хотя и сокровенен. Верещит сорока, и кажется, ты слышишь только её, но и вода воркует в камнях, и сыплются, сыплются сухие иглы с легким, нескончаемым потрескиванием, и река переговаривается, — всё это одновременно улаживает тебя, баюкает, успокаивает, сохраняя иллюзию бесконечности мира и в то же время уединяя твою жизнь в маленьких пределах. Передать редкостное состояние трудно, да и не требует оно словесного выражения, разве лишь намёка...

Жизнь человека не беспрерывна — есть в ней и паузы, и скороговорка.

Потаённое место — это пауза. Здесь оценивается время жизни. Здесь оно вдруг обретает необременительную тяжесть, вес, а точнее — весомость.

В Кызыл Байрак выезжали на лето. Возможно, я там выучился ходить по мягкой траве. Что-то рядом блестело, как вижу — самовар. Просторное одеяло в клетку. Очень просто все это рассмотреть издали. Отец и мать вблизи, тридцатипятилетние. Они ещё не притёрлись окончательно друг к другу, как понимаю теперь, хотя семья уже сложилась в пятиперстье. Слишком яростно мчится время, больше рушит, сдувает, чем припрятывает на чёрный день. Откуда ему быть?! Но какая мета на нем — 37-й год.

В тридцать шестом написаны «Неотосланные письма» — значит, подведена черта под восемью годами отлучения. Отец допущен к печати: пока неизвестно — к счастью или к несчастью. Но удача была ошеломляющей.

Вот на этом пике и возник я, в самой сердцевине удачи. И Кызыл Байрак не померещился мне. На высоком бугре мать встречала отца. Хади Такташ ждал жену, оба смотрели вдаль по глади реки, откуда должен был появиться беленький пароходик. Ветер вычертил эти две фигуры. Мать поведала мне об этом, горестно обозначив — бугор, холод с реки. Видно, крепко запелось, совпало по судьбе. И у Такташа не заладилось. Так ли уж важен год ожидания на крутом берегу. Это — определяющий аккорд, а волна звука покатила дальше, обтекая или пронзая препятствия.

Я воспринимал слова матери, и тут же срабатывал некий движок, подключающий киноленту: очень ярко я увидел и воссоздал тот момент ожи-

дания. Ведь я уже знал сам берег, излучку реки, отчуждённость скупой поблескивающей воды и в непогоду сумрачность обрыва, прорезанного тропой. Знал! Зрительная память не одномоментна. Деревенька Кызыл Байрак — деревенька, а не деревня — познана мной до малого изгиба. По мере моего подрастания она всегда привечала меня — малышом, мальчиком, юношей, взрослым мужчиной. И образ отца витал в воздухе. Мы с ним разламывали одно яблоко, входили, окунались в одну воду Волги, погружались в кипень оврагов с родниковой музыкой знойного полдня. О, эти знаменитые семь оврагов до Теньков! Заброшенные сады, как подарки или гостинцы! И — поле! Я не берусь описывать всю эту благодать, потому что изведал врашпашку и глуть, и даль, принял кровью, слухом, как очищение. Деревенька открыла мне свой уклад, и, что куда значительнее, всё остальное упорядочила до одного корня — любви. Я многое понял, увязал. И мне стало видно «во все концы света». Когда брат отца Зиганша, зажигаясь, рассказал о поразительном случае чуткости лошади к детским шалостям — я и увидел ментально происшествие не где-то там, на земле другого детства, а именно в Кызыл Байраке — на земле своей памяти. Такое получилось хитросплетение. А дело было так. Везли сено, полный воз. И, как обычно, баловались в пахучей луговой постели, пересушенной солнцем, ветерком — в ягодном запахе. Кувыркались, дурачились. Отец был самым маленьким и незаметно сполз, выпал из общей радости — под самые задние копыта. Лошадь резко встала. Конечно, как вкопанная. Малыша с ужасом вызволили невредимым. Но это был испуг на всю жизнь для всех притихших братьев. Потрясение. Лошадь услышала то, что было выше её смиренной участи везти и тянуть — услышала опасность. И оберегла.

Вот ещё одна небольшая подробность, которая тоже таинственным образом вписалась в быт татарской деревеньки, стала зримой. Бабушку свою я помню совсем старой с вязальными спицами в руках. Она ощупывала мои плечи, локти, коленки: не зашибся ли? Время набегало, но она оставалась для меня в одном, с мелкими цветами платье, с тёплой шерстью платка на спине. Позже я простился с ней, поцеловав пожелтевшее яблоко лица. Представить молоденькой я её не мог, как ни силился. А потом вдруг открылась живая тайна, для кого-то и незамысловатая, но для меня — из упругих цветных узелочков. И приятно было их распутывать. Сестра отца доверила мне её тогда, когда сама превзошла возраст своей матери — 92 года. Дед был послушным сыном и, поразмыслив над словами родителя, исполнил его волю. А слова были такими: «Женись на родственной душе, не праздной. В нашем роду есть такая, пусть и засидевшаяся в девках. А придёт другая, помоложе да попрigoжее, к которой сердце потянется, и её приведёшь в дом. Время укажет, не сомневайся». Так и вышло. Дед женился на стойкой девушке Саяр из рода Кутуевых, что само по себе для нынешних времён нонсенс. Однако для семейного уклада прошлого дело обычное. Родственница родила деду двух сыновей. Обстоятельно вела хозяйство. А когда уже подтянулись сыновья и приготoвились к

прыжку в самостоятельную жизнь, тут и исполнилась вторая часть предсказания родителя: дед привёл в дом совсем юную девушку Дину и просто сказал:

— Вот вам молодая мать, любите её и не обижайте.

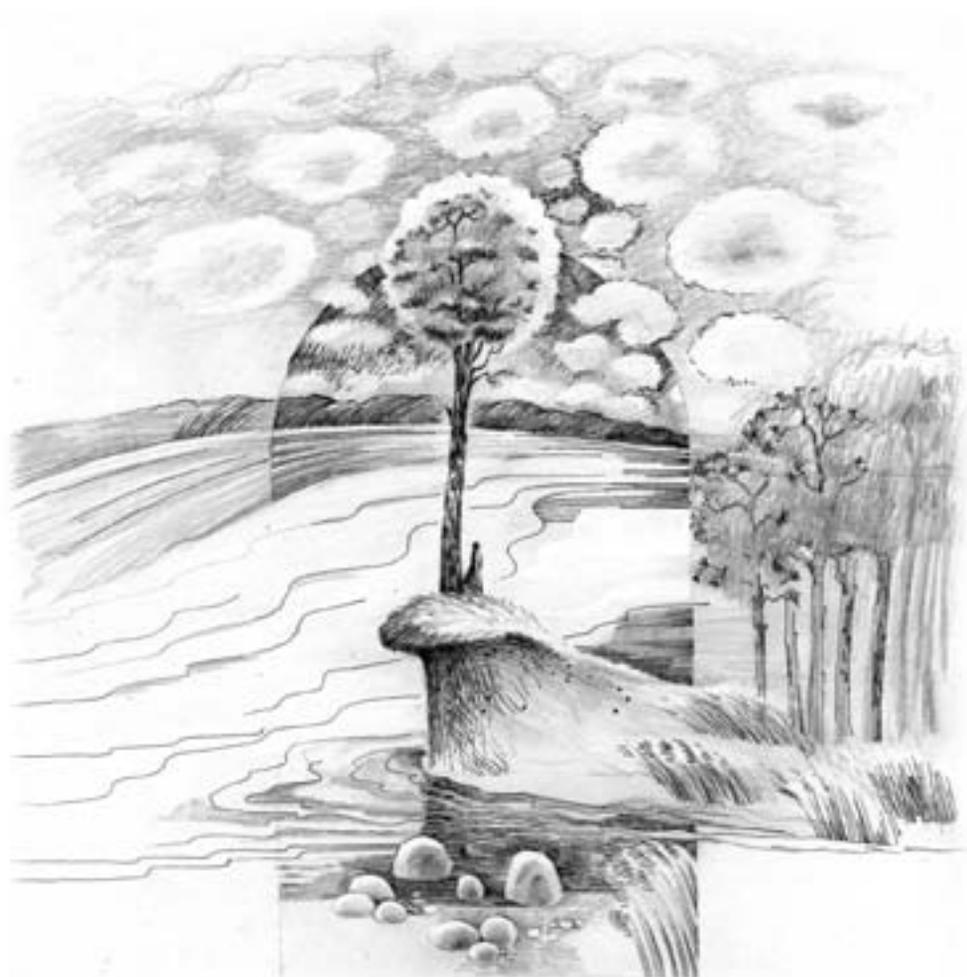
В доме пахло блинами. Первая жена выронила сковороду с кипящим маслом.

Зардевшуюся, точно схватившуюся пожаром, жену — по тем правилам — дед выкрал. И девушка Дина, ясное дело, заголосила, потихоньку запертая свекровью в чулане. Где ей было знать, в доме-то без неё тесно, вон они, взрослые дети, на лавке сидят! Но умиротворяются и не такие страсти. Жизнь властно берёт своё: уселись две жены рядышком, перекрестили руки в заботе. Первая стала — карт-эни*, вторая — вечной невесткой. Я вникал в этот странный союз, в буквальном смысле очарованный умопомрачительной ситуацией. Старшая, по свидетельству окружающих, почиталась святой женщиной: она уступила своё место формально, оставшись именно «старой мамой» по сути, главенствующей, держащей столбы кровли. Уступив как женщина, она не лишила себя поста охранительницы очага. Учила молодую жену всему — «не бросать с ходу дрова у печки, разжигать самовар пучком лучины, делать каймак», учила деликатности и предусмотрительности. Мало того, она перестала ходить с мужем в баню, оставив дорогу туда незаслонённой для молодой. И, наконец, зорко, как обеспокоенная птица, прикрывала крыльями нарождающихся детей. «Не заснула бы при кормлении, не выронила бы дитя» — вот камертон её священнодействия. А дети шли непрерывной цепочкой — пять мальчиков, пять девочек. Отец был пятым. Карт-эни выполнила свою миссию и через семь лет умерла... Разве не поразительна вся эта история?! Вот они, кладёшь глубинной чистоты, религиозность нравственности, непререкаемость жертвенности. И отсюда, я убеждён, прочувствованность отца, как человека и писателя, — он воспринял этот оберегающий ветерок дыхания женского благородства, несуетливости и обязательности...

И снова, и снова, углубляясь в раздумье, я невольно переносил былое действие в настоящее — в деревеньку Кызыл Байрак. Потому что там был дом, где мне безусловно были рады, где помнили меня с первых шагов. Из пионерского лагеря я бегал к его порогу каждый день — пить молоко, гладить собаку-волка, уплетать вишню и незаметно впитывать течение жизни татарской семьи. Мне было интересно, я был здесь своим человеком — «Улым килде!»**. Да и у матери в городе не болела голова от лишних страхов: за мной приглядывали, у меня за пазухой гостинец, я обласкан. А главное, здесь не исчезало присутствие отца — хоть словечко, но непременно о нём. Спустя годы я снимал домик на лето в Кызыл Байраке и детскую кроватку вёз туда. И дале, и дале... Когда образовалась новая семья, я опять объявился здесь с сомневающейся женой для начала замысленной жизни, несколько подуставший от перевоплощений. То лето ох, как памя-

* Старая мама.

** Сынок пришёл.

но мне — светоносное под золотистой пылью, с крупной до черноты спелой вишней, яблоками на рассвете из заброшенного сада, и полем, полем, по которому неслась со счастливым лаем моя собака Джуля — ирландский сеттер. Я точно только-только вышел из банки на краю оврага — вышел подростком в белой рубашке, и меня подхватил взволнованный воздух с реки, и я стал лёгким, как луковичная кожурка, промытым, ясноглазым. Перешёл овраг и оказался на высоком берегу в соседстве с кривой сосенкой, потрогал её ствол, будто совершил причастье. Внизу стелилась Волга. Я пришёл на своё потаённое место. Возвратился к себе, под «розу ветров».

И ещё немного о чуде. Оно, конечно же, появляется в должный час. Я бы сказал — проявляется. Кто-то подталкивает к нему, незримый.

Бродя по берегу, разглядывая камешки, я вдруг подхватил камень потяжелее, чёрный, крутолобый, — он словно притянул меня к себе — и расколол его со всего маху. И присел перед осколками в изумлении. Камень распался на свежие картины. Нет, художник так не напишет и таких красок

не сыщет. В своей глубине — столетий, тысячелетий — камень выкристаллизовывает бессловесную муку, абсолютно глухую, замкнутую в узел, и осмелившемуся высвободить из неволи эти «видения» немоты не остаётся ничего кроме изумления, беспомощности и восхищения перед непосильным творением природы. Ибо вот сейчас, в краткий миг в мир входит нечто неподдающееся разумному истолкованию.

Я стоял на коленях перед освещёнными обломками. Что скрывал камень в потёмках? Поляны, озёра, ветви, покосы, бугор, взнесённый над рекой.

Вот каков сокрытый смысл прочтения жизни. Ведь и я вижу то, что было без меня. Тем более что камень-то с берега Кызыл Байрака.

Стоит он рядом с фотографией в шкафу, где запечатлена когда-то молодая семья довоенного времени.

Отец ушёл на войну, я был спокоен: побьёт врага и вернётся. Ведь меня укрепляли в этом. Подкатила беда — и отхлынула. Потому стал я спокоен в глубине сердца, истинно — ангел-хранитель, как всякое дитя.

Оглядываясь назад, вижу это непостижимое, уверенное спокойствие детского существа до спрятанной сердцевины. Как будто я что-то знал такое, от чего нынче мурашки бегут по коже. Поневоле задумаешься, воспринимая гул, поднимающийся от стопы к голове: дух вздымает материю, как ворох листьев. Невесомый прах осветляет воздух. Чёрный уголь обнаруживает тайну огня.

И было видение, наплывающее издали, вкрадчивое до оцепенения. Ко мне, мальчику, приближается очень высокая женщина. Она необыкновенна, это я схватываю сразу. И одета чудесно — свободного покроя платье до пят, без складок, без пуговиц, — широкие рукава. Всё ниспадает, обтекает, притягивает. Где это происходит, в какое время дня, словно умышленно стёрто, запаматовано, но отъединено самое-самое, очерченное воздушной линией, крылом ласточки, кистью ветерка: светло, чисто, раздвинуто во все стороны.

Высокая женщина подошла ко мне и положила на голову руку.

— Ты кто? — спросил я. Страха не было.

— О том знать не надо. Всё будет у тебя хорошо. До кого прикоснёшься — и тому станет не больно. А кто замыслит против тебя плохое, сам начнёт погибать.

Она не простилась со мной, просто с глаз пропала, обметя рукавом лицо. И на её месте возник куст орешника. Я сорвал лист и потёр им щёку. Лист был шершавый, с выпуклыми прожилками, ворсистый.

Война обострила чувства. Невероятные истории случались со всеми. Подробности приключений не уточнялись. Кому же я мог поведать о совершенно бесподобной женщине, чужой и точно бы приснившейся... Я решил сказать об этом, потому что слишком легко заскользил по склону к белым камням у кромки воды, потому что показалось вдруг, жизнь совершила перелёт и потихоньку усмиряет крылья, но посвист ещё слышен, слышен, а падать всегда приятно...

С отцом же и в самом деле свиделись. Обнял он меня крепенько, усадил на колено. Он был уже другим, не домашним, с медалью и орденом. Я понюхал овчинный полушубок, висящий на гвозде, с обеих сторон понюхал — в меховую пазуху зарылся лицом, слазил в рукав. «Не замёрзнет, — сказал себе. — Сверху гладко, изнутри шерсти полно. И в снегу спать можно, если в валенках». Снял полушубок с гвоздя, утонул в нём, погрузился в щекочущие кудряшки меха, притихнув на диване. Никто не видел меня — на кухне готовились к вечернему гостевому чаю. Я и притих-то на момент, а потом водворил полушубок на место. Глаз всё цеплялся за него, не отпускал, будто весь интерес притянула к себе эта овчина.

Утром мы отправились с отцом в радиокомитет по делу, как было сказано мне. До войны он там работал. Это была праздничная прогулка под перелетающим снегом. Пересчитав ступеньки, отец усадил меня на скамью, а сам пошёл говорить по радио, так я подумал...

Полвека срезано за спиной, улегся шум-гам, а я точно иду по следу, всхожу по той же лестнице и коротко взглядываю в простенок, где стояла та скамья с витой железной спинкой. Та же дорога, те же дома сопровождают меня. И вот какая чудная закономерность, настойчивое невероятие — вблизи меня, но совершенно отдельно, обособленно, шагают двое из другого зимнего дня — отец и сын: маленький — в шубейке, большой — в овчинном полушубке. Я ревниво слежу за ними. Шубейка из собачьего меха, шитая-перешитая, а когда-то отец щеголял в ней, молодой и дерзкий. Чувашский поэт Педер Хузангай так опозитизировал его образ:

*...«СУЛФ» — левый фронт —
как не толкуй,
ходил в дохе собачьей, пегой,
его душа — Адель Кутуй...*

Время играет — не заигрывается, тасуя годы, как плотненькую колоду карт. В любую минуту может вытащить туза.

Так мы и движемся с отцом бок о бок...

Полушубок на гвозде белел и ночью. Потом пропал. Несколько дней я улавливал его запах, настигающий меня то здесь, то там.

Философ Музиль так высказался о ком-то: «Он мыслит представлениями, я — картинами». Мне кажется, художник тот, кто чует под словом бездну. Мыслить, прочувствовать картинами — это ли не расширение жизненного пространства? Шёпот, слышимый через ущелья и разломы гор. Воображение перебрасывает пловца с волны на волну. Зернистый песок покалывает стопу. Трава обнимает, обволакивает босые ноги. Крыло птицы поглаживает веки. Слово, вздох, вскрик внезапно оживляют давно покинувшего сей мир человека.

Я сижу на дачной веранде. Передо мной в банке стоят три розы шиповника — не стоят, мягко прилегают к прозрачному кругу стекла. Пузырьки воздуха прилипли глазками к стеблям. Такое впечатление: бессчётное количество глаз следит за мной, сторожит, привораживает. Ели, высоченные,

величавые, застыли поодаль крыльца, не в силах сорваться с корня и взлететь, но их нестерпимо тянет вверх к перистому излучению.

Я уже скоро неделю проживаю в полном одиночестве, наблюдая многосерийный дождь, и одна фраза звучит как настойчивое, пугливо прицепившееся признание: «Я приехал в одиночество. Я прие...» Она, эта незатейливая строка, исполнена для меня трагического смысла настолько, что совсем не обязательно употребить её в готовом выстроиться стихотворении. Тут как раз зовут кого-то с улицы:

— Иди домой! Куда ты запропастился. Папа зовёт, слышишь? Он тебе задаст. Он тебя как миленького отвадит шляться по садам.

И сердце сжимается ни с того, ни с сего: «Меня небось так не звали, не тратили голос попусту. Как жаль-то...» Ах ты, мать честная, пустынь вокруг и запустение!.. Но, может, в примороженном поле, из непроглядности, из разодранного огнём далёка отец меня звал на помощь?..

Вот какие странные картины преследуют меня.

А вокруг клубилась тревога. Над моей судьбой прочитывались вслух письма с фронта. «Отец жив-здоров!» — этого было достаточно.

Почему-то мне чудится, что он приезжал с войны дважды — зимой и летом. Возможно, второй раз во сне, до такой степени ярком, до того захватывающем, что впечатление перешло в явь. Тем более, в те дни яснovidенья, как думается мне, стояла полная луна. Отогнёшь плотную защитную штору, и выгнетса, поблескивая стеблями, клумба у дома, как пролившееся зеркало, простеленной фольгой замерцает сад, одинокий ствол берёзы будто переместится поближе...

Я приклеивался к матери. Помню, как дышала она, заснув после полудня, а я опасался — вот-вот перестанет вздрагивать губами. И она затихала, затихала: я силился расслышать дыхание, но оно явно слабело, а то и вовсе пропадало. «Отец за тридевять земель. Мать помрет — кто поможет?» Сестёр в расчёт я не брал, держался за два корня — отца-мать. Тормошил нечаянно, тянул за материнскую юбку — и о, чудо! — мать улыбалась мне из полуобморока сна.

— Ты гляди, не умирай, — просил я.

— Что ты, что ты! — окончательно просыпалась мать. — Давай лучше чай пить. Ставь на стол чашки. Я тебе припасла кое-что...

Шумные, говорливые женщины обступали меня. Фатыму Ильскую я ещё с детского корыта помню. Актриса! Её изумляло, и она повторяла часто:

— Карале*! Он пообещал, когда вырастет, жениться на мне. Не забудь только! Пока я платье белое шью да туфли выбираю, время и набежит. — И рассыпалась многолепестковым смехом, раскидывая для будущих объятий руки.

Позже, много позже, я останусь с ней один на один в пустом доме. Она согласится заночевать у нас. И я услышу коротенькую запальчивую исповедь. Ильская заговорит об отце: каким он был стремительным, неподчиняющимся

* Карале — гляди-ка.

человеком. Так говорят только влюблённые женщины. Мать будет на медицинской учёбе в другом городе, я — только-только закончу девятый класс.

Ночь потрясений отложилась в памяти. Монолог звучал в темноте, как перед чёрным залом примолкшей жизни: на сцене были двое. Она забылась, сместив время. Наконец, спохватившись, расплакалась.

— Я уже не могу играть Офелию. Давно не могу. У меня отняли роль. На что я гожусь! Твой отец не позволил бы этого. Он бы, он бы...

Чем я мог успокоить её? Просто подошли годы: я — жадно рос, Ильская — беспощадно старела. И согревалась у бывшего пламени, прося помощи. Я был отсветом отца, эхом, его кровинкой. Если и забудешь, тебе напомнят об этом.

Ильская ревниво осматривала моих девочек-девушек, становясь вдруг бесцеремонной, придирчивой. Она жила нашим домом, воспринимая его беды-радости, как свои родные печали-удачи.

Игольным ушком, через которое проходила светящаяся нить, был отец.

Но это всё совершилось позже. А в годы войны всякий разговор возвращался к нему. Разве мог быть другой интерес: что пишет? Хален ничек*?

Плакала скрипка Загида Хабибуллина. Перебегала дорогу Сара Садыкова — музыкальная душа, восторженная, переполненная мелодиями. Александр Ключарёв, негромкий человек, сочувствовал нашему ожиданию, притрагиваясь к материнской руке.

Люди в те дни заходили «на минуточку», чтобы поведать, подбодрить и подпитаться самим не чужим долготерпением. Слово за слово — забывали о часах. Горела ли свеча, мерцала ли коптилка...

Время сгустилось, наслоилось, потемнело подглазьями. Я, окружённый женским приглядом, сильно тосковал по отцу. Мы бы с ним поменьше говорили-вздыхали, мы бы с ним... Что дальше, я не знал. Это и было «безотцовщиной», природным голодом, горелой корочкой на праздничном пироге победного дня. Он же не мог не наступить, победный день. Грохнули оркестры, растворились двери, просияли окна.

В июле 45-го на холме Бакирово я узнал о смерти отца.

Ему было сорок два неполных года, мне, тоже неисполнившихся, — девять. Месяц рождения у нас был один — ноябрь.

Видение Высокой женщины не повторилось. Так ведь она сказала: «Свидитесь!» — и не обманула. И огонь не взял отца, а рухнул позвоночник, подломившись. Постаревшая за войну болезнь подкосила.

В Стерлитамаке я разыскал медсестру, буквально на руках которой умирал отец. Моё воображение воспламенилось от её слов.

— Я молоденькая была. Война уже кончалась. А в госпитале полным-полнёхонько. И писатель тут! Он очень беспокойный был человек. Обрадовался, что на польской земле рядом будет татарка. Я ему блинчики пекла, песни пела. Он не думал, что время пришло умирать. Хотя без предчувствия

* Хален ничек — как самочувствие.

жизни не бывает. Как поглядишь, в глазах стоят слёзы. А рука всё поверху одеяла блуждала, будто крохи оставшихся дней собирала. Его бы и полюбить ещё не грех, не старый, прибранный на простынях, волосы мягкие. Он брился — я зеркало держала... Тут что произошло: он прежде в Познани лежал. Подлечили — полегчало. От спины как доску с гвоздями оторвали, так он сказал. Ну, он и выписался под расписку. Наступление на Берлин идёт, как он отстанет. Только десять километров и проехал в открытой машине — в кузове, без шинельки. Сняли совсем горяченького. Доставили в Згеж... Умирало их, маменька родная, поболее десяти в день. Нервы кончились. Война вся на костном мозгу держалась. Поди догадайся, что там внутри происходит. А там — пламя. Истлели косточки-то... Перед выходными было. Меня на танцы увели. Победа уже наступила, почему же не порадоваться на свободе. Я — девчушка, кровь весёлая. Вернулась через день — пустая постель, цветы на тумбочке. Я кинулась вниз. Всё! Жутко просто. Он дней десять без сознания был. Очнётся ненадолго, но где-то далеко-далеко. Одно утешение — блинчиками успела его накормить. Как в большую дорогу. Напоследок...

Вести оттуда, из 45-го, — они достали меня по неумолимому закону пересечения, взаимопроникновения пластов жизни. Я не легкомысленно вращал в живую почву реальности, чтобы меня могло сковырнуть сильное движение ветра. Лишние, нижние ветки, оборвало разом, но ствол уже набрал волокна, спрессовал кору, оставив мягкой сердцевину. Сукровица вызолотилась.

Мой диалог с отцом продолжался. Не диалог с появляющейся тенью на скалистом побережье, как у Гамлета, а — в любой повседневности, среди обыденных мелочей. Это можно было бы оценить и так — побег именно от жутких масок вздорного века, преодоление инерции, оцепенения, униженности и ограбленности. Тем самым я сохранял душевное здоровье, сохранял жизнестойкость.

Образ отца лепился, выглаживался усилием душевного тепла, изголодавшейся жадной заселить пустоту возле себя, дабы ублажить болезненно-ранимое воображение. Я, как птица, в укрытии собирал гнездо, — до баловства ли...

С направленным к сердцу злом я вроде бы и не встречался, ветерком его относил, а нутряной мрак приходилось освещать самому.

Чем больше я отчуждался от матери, говоря мягче, чем дальше я уходил от женского начала, тяготился им, тем чаще и продолжительнее беседовал с отцом. Мать, конечно, — святое, спасительное. Она величием самой природы обречена на вечную погоню — до гробовой доски — ловить, хвататься за ускользающий конец отрезанной пуповины. Это мучительный дар — спасти, оберечь! Дочери ближе и понятней матери, всё-таки знакомое, прочувствованное естество. Сын же — загадочен, непредугадан, он удаляется, удаляется, утверждаясь прямо на глазах. Мощь его мятежности, отрицание, казалось бы, разумного, взлелеянного равносильны разрыву обжитого, выверенного, оберегающего круга. Пожалуй, эта противоположность и есть

искренняя сила — возвращать своё одиночество вопреки магнетизму общения. Сын, сохраняя тяжёлые зёрна прошлого, обнаруживает готовность к моментальному бунту. Таков мир, демонстративно отделяющий себя, — мир Гамлета. Рука об руку с ним Тень отца — опора, предостережение, мера, знак одобрения, призыв к мужеству...

В Бакирово, узнав о смерти отца, я укрылся под рукой тяжелораненого дяди Жени, поверженного воина.

И вот, спустя сорок с лишним лет, меня достал телефонный звонок, совершенно невероятный по меркам сегодняшней жизни.

— Здравствуй, дорогой мне человек!

— Здравствуйте.

— И не пытайся узнать. Я — оттуда. Тот, кого ты называл «дядя Женя».

— Дядя Женя! — эхом откликнулся я.

— Как живёшь, дружок? Нашёл тебя случайно. Я же на приколе, в колясочке. Еду-не уеду с Курской дуги.

С Евгением Ивановичем Юницким я встретился. Грузный, с абсолютно бесчувственными ногами, он смеялся по-прежнему беззаботно, потому что сжился с бедой, приручил её, спрятал вглубь.

— А как ты плакал тогда. Я тебе по-татарски говорил: жылама, жылама*. Вывернулось, откуда не разберёшь, словечко. Поладили мы с тобой, привязался ты ко мне, не оторвать. Вот она какая — жизнь, большая и всемогущая! Я ещё машину вожу, прокачу тебя. И картошку-морковку доставим на зиму. Хочешь, фокус покажу, больно ты мои фокусы с прибауточками любил... Два года назад до Сочи ездил. Фотографии есть. Сопровитляемся, стало быть. Меня Сайдашев похваливал. Я, знаешь, как играл на мандолинах-гитарах! Там пивнушка была, Сайдашевка, любезное место для удали... Ну, рассказывай, рассказывай!

И на машине успели прокатиться, и наговориться в удовольствие, по-вспоминать до той поры, пока не притянула земля к себе тяжеленнейший узел-кряж.

Хоронили дядю Женю, Евгения Ивановича Юницкого, молодые солдаты-курсанты. Как положено, дали залп в небесную синь над взрыленной землёй. Прокатилось эхо к Курской дуге. Одной печалью в мире стало больше...

Образ отца сохранился в людях, чтобы я смог постоянно выходить к нему. Это не было навязчивой идеей, продвижением по вязкой чёрной пахоте, — я шёл налегке, как молодой олень по морозному похрустывающему насту.

Изменилось лицо времени. Grimасы, ужимки, усмешечки, подвохи, подозрительность искажают Лик, собираясь в морщины. Я не помню плохих слов об отце. Ко мне склонялись взгляды, переkreщивались, испытывая. На кого обижаться, гневаться? Обережение сущего — вот путеводная нить, безошибочно выводящая к добру.

* Жылама — не плачь.

Разве я не воспринял, не разделил позднее раскаянье Ахмета Исхака:

— Я, понимаешь ли, отодвинул его от гроба Такташа, друга, товарища отодвинул. Ах, понимаешь ли, бараний лоб подвёл, шайтан подтолкнул.

Сколько лет он носил в себе сожаление. И я был ему напоминанием застарелой оплошности, когда листались летние дни в дачном посёлке Займище. Я ещё был подростком, но молча востребовал покаяния, иногда резкий на поворотах, не ущербный, но ущемлённый по неразборчивости.

В Займище отдыхали в ту пору Кави Наджми, Назиб Жиганов, Хасан Хайри. И гости были — другие писатели. Я зорко присматривался, нет-нет да схватывал косо проскальзывающий укол. Не такой уж я был неуязвимый, самоуверенный. Больше ложилось на душу ласковое внимание, памятьливость, ревнивый присмотр, как слежение за стрелкой барометра: таким ли растёт, туда ли прицеливается, не заносчив ли? Но я только намечал дорогу и в строжайшей тайне хранил замысел, сознавая, предчувствуя, что мир художника может жить, дышать лишь под грозovým небом, перехлёстом стихий.

Меркой тому был отец. Планка поднималась, поднималась — к достоинству, чести, правдивости. Здесь всё сложно — в разворачивающемся клубке постижения. Да и речь сейчас не о противоречиях роста. Постигание *уходящего* предполагает бескомпромиссную, углубленную внимательность, настороженность к мелькающему, передвигающемуся окружению. Идёт мощный интуитивный процесс проникновения в суть, а поверху взглянуть — тишь да гладь, чем не Чарли Чаплин, помахивающий простодушной тросточкой.

Отец как бы поощрял меня в ранней самостоятельности. Помощников не будет, точно говорил он, полагайся только на себя. Жизнь, в сущности, тогда, когда она на лету, когда как на духу, не измышлена, а взята сердечной мукой. Остальное — житейская смута, свара, дребезги.

Зимним днём, нет, скорее весенним, потому как забор освободился от горок-сугробов, меня негромко окликнула женщина и протянула конверт: «Передай это маме!» И ушла. Я не успел даже разглядеть её.

Пахло повлажневшим снегом, почками, сырыми досками. Я ещё посмотрел незнакомой женщине вслед — поморщенные ботики, мешковатое пальто. Мало ли тут прохожих!

Сколотые льдинки нагрудились у стен. Обнаженный асфальт. Всё запечатлелось, как на плёнке. И этот странный сухой конверт. Наверное, она прятала его на груди, верхняя пуговица пальто была расстёгнута. Я отметил это мельком, а на бегу поразмыслил. Жаль вот, лица не запомнил...

Мать надорвала конверт и сомкнула губы. Прочитала быстро листок, спрятала в халат. Подняла на меня глаза.

— Чего она хочет? — спросил я.

— Потом, потом, — сказала мать. — Не до этого. — Впервые шевельнулось во мне враждебное чувство к чужому пришлому человеку. — Она несчастная, — сказала мать. — Попозже разберёшься, распутаешь узелки.

— Когда попозже?

— Ещё не время. Мало интересного. Поранишься лишний раз, а толку ни на грош. Пусть душа пока будет лёгкой. Да и война всех помрачила, никого не пощадила. Тебя — тоже. — И добавила, как отрубилась. — Не надо знать о бесполезном. Не твоего ума дело. В отцовы юбки пусть ветер дует.

Мать побледнела, перебегая руками по скатерти.

Озадаченный, через пару дней я отыскал листок из злополучного конверта. Да и таился он на видном месте под шкатулкой, обвитой резными костяными бусами матери — последним посмертным подарком отца. Бусы прислали с мелкими вещами. Мать надевала их очень редко, что-то отпугивало её.

Я выудил листок и, как заговорщик, в один миг проглотил разбежавшиеся строки. Что я выяснил? У меня есть сводная сестра Гузель! Она старше меня лет на тринадцать! Ого! С ума сойти, вот уж о чём не подумал бы. Ничего себе сюрпризик: не один я осиротел с окончанием войны.

Неделю я раскручивал этот сюжет, потом усмехнулся — и забыл. Живи и удивляйся, сказал себе, жизнь, как чайная роза (вон она стоит в горшке, как неопавший зимой куст), расцветает неожиданно и опадает скоро какими-то нереальными цветами. Пришло известие — и испарилось, как голос в глухом лесу.

Через паузу лет я стал получать письма, подписанные для конспирации завитками — Лео Норд. Складывалась вполне детективная история. Писала мне первая жена отца — Зайнаб Баширова, женщина, как я определил, любопытная, безосновательно подозрительная, обуреваемая вихревыми фантазиями. Она задалась целью реабилитировать отца за «джидегянщину», и пыталась подключить меня к действию. Об этом просила, беспокоясь о будущем потомков. Связь была односторонней: налетали вихри — и я получал очередное послание с маленькими подробностями прошлой жизни. Но все это мелочи, оживляющие, однако, серенькие будни, по сравнению с тем, что произошло много позже, когда я уже заканчивал университет.

Лео Норд назначила мне встречу, назвала адрес. Я зашёл в тёмный двор на улице Жуковского, поднялся по лестнице. Отодвинулись, громыхнув, щеколды, расщелкнулись замки...

Стены были увешены преувеличенными фотографиями отца. Под его взглядами, должно быть, жизнь как бы сохраняла неизменность. На портретах он был молод, улыбчив, необманчив. Возле такой многоликости одного-единственного образа старости нечего было делать — оставалось только молодеть, бесконечно фантазируя, путешествовать в изведанных дебрях погасших страстей, воскрешая заповедные уголки благоухающих садов царя Соломона...

Я уплетал пирожки, слушал тоскующий голос хозяйки, рассматривал фотографии.

Да, она была, увы — была, красива, приятна, во всяком случае, ласково приколдовывала со снимков, завлекала. Отец и покорился. А, может, по-

корил? Вон как волнуется до сих пор хозяйка, уставленная портретами властелина её дум. Неужто не владыка он здесь, если каждое слово — о нём, в зрачках — он, о мыслях что и говорить.

Не умирают чувства, а, затухая, преображаются, вдруг вспыхивая, сдирают обветшалые одежды, но чаще — тлеют умиротворенными угольками без ревности к пламени, без сожаления к утраченному жару.

А причиной разрыва послужила экстравагантная выходка... Вышли на улицу бойкие, смелые девушки, обнаженные по пояс, с лентами через голоплечие: «Долой стыд!» Трудно вообразить даже в наше расхристанное время. Дорисуйте это шествие, читатель, создайте собственное кино, срежиссируйте — и, я уверен, оно взволнует вас необычайностью.

В реальности же — разомкнулся союз, распалась неокрепшая семья. Прощается ли подобное супруге, к тому же — татарке?..

И мёртвого она пыталась отца спасти от старого, как пересохшая стелька, навета, обезопасить его детей. А я отмахивался от воображаемых преследователей безбоязненно, глухой к блуждающим вокруг угрозам. Шёл, по-моему, 61-й год, «жатва» продолжалась, как понимаю теперь... Я допил чай и простился.

Есть у Игоря Вулоха, художника когда-то казанского, картина предзимнего поля, обносимого позёмкой. Картина моего настроения, если не сказать больше — среднестатистического состояния. Тоскливость сжавшейся равнины, дрожащие былинки и жесткий, широкодышащий ветер — говорят об одиночестве и бесприютности пронзительного пространства.

Картина эта часто возникает передо мной. А во сне и того примечательней: в таком поле я встретился с отцом, он — в шинели, я — в демисезоне, почему-то оба нараспашку. Обогрели друг друга, сомкнувшись. Я отчётливо видел двух мужчин одинакового роста среди поля. И так это было жутко-реально, что я, проснувшись, долго не мог избавиться от холода. Лежал, взбудораженный сиюминутностью свидания.

Что-то произошло: ко мне вернулся горький запах, далёкий, уже совсем забывшийся, утренне-табачный, горьковатый запах отца в теплыни и благодати детского утра жизни, когда я слился с отцом до малой косточки. Только теперь было холодно и одиноко среди белого, белого — пустынного.

Позже написались стихи, но в них я подсознательно изменил место встречи. Вообще, это подсознательное преследует меня определением того или иного решения и, странно, я ему подчиняюсь.

Город видится кристаллом
издали,
а не камнем, не металлом
в пади утренней земли.

Снег — белее не придумать!
потереть лишь стоит, дунуть —
жизни тёмное стекло
станет ясно и светло.
Я вхожу в холодный город,
даже тихо не дышу.
Нет ни радости, ни горя,
лишь в ушах какой-то шум.
— Сын?!
— Отец...
И мост прогнулся.
— Мать жива?
Постой, постой...
Я с испугом оглянулся:
— Ты — мой сын? И ты — седой!

Но его слова не ранят.
Я вокруг, вокруг гляжу —
ледяные вижу грани
и теней не нахожу.

Ничего совсем не помню...
Гул в крови — со мной отец!
Светом белым переполнен,
никогда я не был здесь...

Отчего же он уходит?
Отчего же я стою?
Не зову, не плачу вроде,
глажу голову свою.
И к перилам примерзаю,
оторваться не могу.
И с открытыми глазами
леденею на снегу.

Давным-давно я написал первую строчку, «заболел». Ибо это истинно прекрасная болезнь без всяких кавычек. Потребна природы. Отец, разумеется, здесь очень даже причём: он сообщил моей крови ускорение и придал ей терпкий вкус.

Тайна жизни проста, но многозначность её принадлежит шифровальщику: ты несёшь прозрачную воду родника по неубывающей тропе, вода пахнет травой и глубиёю земли. Само по себе это чудо — переливающееся, подрагивающее при каждом шаге гладкое зеркало ясного неба, само чудо — и неубывающая

тропа. Сойдёшь с неё — понесёт живительную влагу другой. А что в промежутках? Сукровица на янтарном срезе раны. Тайна жизни неисчерпаема.

И я пошёл по неубывающей тропе со своим желанием исполнить жизнь так, а не иначе. Это было вне сомнений, раздумий, по разумению свыше — и придумывать, изобретать ничего было не надо. Когда человек следует естеству, наверняка он ближе к подлинности, дальше от конструирования идеи.

Но при сём был отец, он руководил, поощряя, моим желанием, руководил, не присутствуя в каждодневности поиска. Не было ни принуждения, ни пресловутой погони за славой — так растёт стебель, не зная — зачем?

А меня пытались увидеть зеркальным отражением. Но неубывающая тропа не терпит повторяющихся путников.

Одиночество и сиротство — разнокорневые стебли. На каменистой, обескровленной почве вырос последний, на выжженном пустыре, не по нечаянности отшибленный далеко за обочину.

Когда я думаю о своём возрасте, о неумолимо набегающих годах, меня не оставляет угнетающая мысль: я уже пережил отца, я намного старше его, но умудрённей ли?

Он расстался с жизнью вдали от родной земли, напрочь отрезанный от дома, расстался, не дожив до сорока двух. И я не могу избавиться от чувства вины, словно действительно от жадности перебрал лишнего, передышал...

Именно, подстерегающее всюду, насторожение вины, зыбкость и ненадёжность сменяющихся дней.

Я сижу на покосившейся веранде в окружении разлапистых елей. Флоксы теряют цвет. Касмии радуют глаз своей невинностью. Китайская ромашка прямо-таки поднялась до груди голубоватым дымом и, когда я несусь через сад воду в вёдрах, обнимает меня.

Дачная писательская усадьба пустынна — ни печного дымка, ни даже малого движения за стволами, ни стука, ни грюка.

Но летает бабочка в конце августа, и воздух её крыльев легонько касается лица прохладой.

Я поднял с травы несколько яблок, и вот они кругло стоят на клеёнке крестьянского стола рядом с чагой и длинными седыми еловыми шишками.

А ведь отец мог быть возле меня, думаю я, и тоже мог воспринимать, наслаждаться сердцем этой божьей благодатью. Слишком велика роскошь для меня одного и как ничтожен я подле нее. Живы его ровесники — Риза, Гумер. Правда, их не встретишь на желтеющих просеках жизни, ушли от суеты, прислушиваются к законной беседе листьев, — старость свила кокон.

Осень — расторжение узелков, она не распутывает их, а рвёт. Осень — осознание потерь, дальних и близлежащих, ещё трепещущих порванными концами.

Отец потерялся за стеной времени, давно, навсегда. Лишь моя дума, моё воображение способны воскресить его. Я виноват перед тобой, отец, прости, что пью доброе вино жизни в одиночку...

Чувство родины, корня, отца-матери, порога не затухает, как сегодня пытаются нам внушить безродные вещатели, а, наоборот, усиливается, наливается по осени соком, крепнет. Это несомненно, это естественно, как ток крови. Только слепой не увидит этого, замкнувший уши не услышит.

Пожалуй, главное знамение конца века и тысячелетия как раз возвращение, а не отвращение к истоку, к беспрекословной истине — родине.

Путь к роднику и путь от родника свиваются в одну неубывающую тропу.

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ТРИ БЛАГОДАРНОСТИ

Начало шестидесятых, страна покоряет космос, а мне семнадцать лет. И я иду по улице Центральной в Набережных Челнах. Греет майское солнышко, моя куртка перехвачена монтерским поясом с позвякивающей цепью, на плечах — монтерские же когти. После окончания школы я зарабатываю необходимый для поступления в университет трудовой стаж в районной конторе связи.

А под курткой у меня — недавно купленная книжка. Называется она «Солнце лежит на рельсах». В книжке рассказы о послевоенном детстве казанского подростка, успевшего познать безотцовщину, но с распахнутыми глазами открывающего для себя дворовую и прочую городскую жизнь. У этого мальчика — душа поэта, причём (удивительное дело!) поэзию он находит в вещах обыденных, примелькавшихся (медный таз, спрятанный в тёмном сарае, представляется солнцем). С книжкой я не расстаюсь уже целую неделю, рассказы очаровали меня прозрачностью, бесхитростностью, нежностью к окружающему миру и... бессюжетностью.

Хрущёвскую оттепель уже начинает подмораживать, но открытые шлюзы не может моментально захлопнуть никакой пленум. Я зачитываюсь журналом «Юность», с восторгом слушаю по радио Евтушенко, Вознесенского, Рождественского (юношеские иллюзии, связанные с этими именами, через годы развеются, как дым). Есть у меня и заветная тетрабочка с собственными виршами...

Вдруг я замечаю, что от пристани поднимаются двое: красивая женщина и мужчина, который, наверное, лет на десять постарше меня, я вижу в нём что-то знакомое. Тёмные, азартные глаза, чёрные вьющиеся волосы, лермонтовские усики. Неужели? Выхватываю из-за пазухи книжку, раскрываю её, смотрю на портрет автора. Точно, он!

Так я впервые в жизни встретил живого писателя, тоненькую книжку которого полюбил с первого прочтения. Конечно, я оробел и не посмел подойти, представиться — куда там! Но я с полчаса неотступно сопровождал пару по главной улице моего родного города. Наверное, они прибыли из Казани по Волге и Каме

на «Метеоре» по каким-то таинственным для меня творческим делам. Конечно же, гуляя по Центральной, они не прошли мимо книжного магазина. Я зашёл туда вслед за ними. Писатель купил тогда книгу «Моби Дик». Я последовал его примеру — правда, уже после того, как двое вышли из магазина.

И вот сегодня, спустя 47 лет, я говорю Рустему Адельшевичу Кутую запоздалое спасибо за добрую подсказку — какие книги надо выбирать. Когда бы ещё дошёл до выдающегося романа Мелвилла о существе по имени кит!

Вторая моя благодарность — за правду и прямоту. После армии, в шестьдесят восьмом году я пытался участвовать в семинаре, устроенном для молодых авторов Союзом писателей Татарии, представив на обсуждение стихи о любви к Родине (слава Богу, не к партии):

Мне шепчет Русь — не падай на колени.
Мне Русь, как мать, вовеки не изменит.
И я, как сын, Руси не изменю...

и т. д.

Кутую я встретил в коридоре ещё до начала семинара. Он назвал мои вирши никудышными:

— Понимаешь, это прокламации, не имеющие никакого отношения к поэзии. Если хочешь развивать тему, то учись у классиков.

И прочитал мне четверостишие Тютчева, давно ставшее знаменитым, но тогда я услышал его впервые («Умом Россию не понять...»). И ещё я навсегда запомнил совет: «Не спеши со скороспелыми декларациями. В жизни всё проще и тяжелей».

Вот так была укрощена прыть двадцатитрёхлетнего стихотворца, у которого, слава Богу, хватило ума, чтобы «остановиться, оглянуться». Есть ли за душой что-то кроме разрывания рубахи на груди? В общем, на семинар я не пошёл. И в течение долгих лет по капле выдавливал из своих сочинений банальную публицистику, на которой, видимо, набил руку, работая в газете. Кто знает, может, до конца и не выдавил — истинное от мнимого по сей день приходится учиться различать. А Рустем Адельшевич, как потом выяснилось, крест на мне не поставил. К моему удивлению, в конце восьмидесятых он написал очень добрую внутреннюю рецензию для Таткнигоиздата на мою вторую книжку «Орловское кольцо».

И третья моя благодарность писателю Рустему Кутую — за стиль, за верность себе, за его ассоциативное мудрое мышление. За то, что я до сих пор причисляю его лирическую прозу (скажу честно — поэзию меньше) к ряду наиболее любимых мною современных (и не только) авторов, чьи книги считаю своими настольными. Это Юрий Казаков, Виктор Лихоносов, конечно, Василий Шукшин. Это Константин Паустовский и, если поднять планку совсем высоко, — Иван Алексеевич Бунин...

ВИЛЬ МУСТАФИН

ДНЕВНЫЕ СНЫ И БДЕНИЯ НОЧНЫЕ

МОЙ КАЗЕМАТ

Я снова, словно взаперти,
но с тою разницей, что ныне
замок — внутри, а ключ, хоть вынут, —
крестом нательным — на груди:

гордыни сломленной — медаль,
свободы призрачной — мой орден...
В окне — гогочущие орды,
ретиво топчущие даль...

Спаси, убогий каземат,
последний метр моей свободы:
ты — мой кусочек небосвода,
ты — мой восход и мой закат...

О, не срывай моих вериг, —
пойми, что нет под ними кожи:
уж улыбаюсь я похоже,
уж на глаза надел парик,

уж скоро, растворив окно, —
 безгласый, — растворяясь в игре,
 я проплыву, — вперёд ногами, —
 былым желаньям на поклон...

ПРО МОИ СТИХИ

Чечке — сестре моей

Стихи мои — мои сироты, —
 лежите, съёжившись в углу, —
 укоротив свои длинноты,
 в пыль обернувшись, как в хулѹ.

Мы с вами, словно в заточеньи,
 верней, — в плену у забытья, —
 плывём, влекомые теченьем, —
 как облаченьем, — бытия.

И филигранность одичанья,
 и раны мрачной глубины
 укрыты кротостью молчанья
 и многократностью вины...

Вас даже друг не приметит, —
 (врагов мне Бог не посылал), —
 вас только ветер, тихий ветер
 порой сконфуженно ласкал:

войдѹт, бывало, пыль обдует,
 ладонь по строкам проведѹт, —
 вздохнѹт... и с видом обалдѹя
 до нас — улыбкой — снизойдѹт.

В ответ — ни лист не шелохнѹтся
 ни буквой, ни запятой, —
 лишь занавеска всколыхнѹтся
 несостоявшейся фатой:

взмахнѹт забытыми крылами,
 но вновь отложит свой полѹт...
 А за горами, за долами —
 во сне — сестра моя всплакнѹт...

AMEDEO MODIGLIANI

Борису Лукичу Лаптеву

Модильяни...
Амедео Модильяни... —
Это женщина молилась на поляне,
это пела полонянка одеяний
о свободе:
Модильяни...
Модильяни...

Это груди, — обнажаясь, — укрывали
потаённый плач неузнанных мелодий...
Истомлённые колени тосковали, —
словно сломанные крылья, —
о полёте...

В этих линиях дышало эхо лилий,
эти плечи проливали стоны ливней...
И молитва, — колыхая тополями, —
голубела:
Модильяни...
Модильяни...
А-а-амедео...

ВЕСНА И ЖЕНЩИНА!..

Весна и Женщина!.. Чудно
(иль будет правильнее — чўдно)
слились в понятие одно
во глубине души подспудно:

Весна-и-Женщина!.. Тех слов
весьма таинственно звучанье, —
как музыка забытых снов
иль трав неведомых журчанье:

Весна и Женщина!.. Вовек
неутолимое томленье, —
кровей ускоренный разбег,
судьбе сулящей обновленье:

Весна и Женщина!.. Цветок, —
 укрывши завязь лепестками, —
 хранит под бурными веками
 грядущей нежности исток:

Весна и женщина!.. Цари
 и благоденствуй во вселенной!
 И вечной жизни путь нетленный
 своим сияньем озари,

Весна и женщина!..

МЕДИТАЦИЯ

Любимой

Обними ты меня, обними, —
 темноту от меня отгони...
 Ты её... Ты меня обмани:
 ты её от меня отмани...
 Ты меня у неё отними, —
 обними ты меня, обними...

В миг бессилия собственной лжи
 я прошу: одолжи, одолжи...
 Я молю: ты меня окружи
 теплотою ласкающей лжи...

Обними ты меня, обними, —
 обмани ты меня, обмани...

НЕИЗБЫВНОЕ

Изумрудные волны далёкой реки
 всё колышат во мне память вешнего цвета...
 Но пустыни поля, что не знали рассвета,
 и остывшие звёзды, как ночью, близки.

Эта чудо-страна ожиданьем воспета,
 эта явность, — что сказочным снам вопреки, —

снова гонит и гонит от тихого лета
голосами: Прими!.. Привлеки!.. Увлеки!..

Только стоит забыть заботам домашним,
только стоит уйти от мирской суеты, —
возникает, — маня и моля о вчерашнем, —
та страна — как виденье забытой мечты...

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕБЫЛОМ

На полях весенних проросла зелень, —
вылезала будто из забытых лет
и впивалась в память — светлую капелью,
разбавляя зелье неразмытых бед.

Вспомнилось, как кто-то зазывал рукою,
приглашая вместе полетать-попеть.
Я смутился будто милостью такую
и, совсем по-детски, стал лицом краснеть.

Что там было дальше?.. —
Кто-то тронул плечи,
ласково и нежно выправил крыла...
Полетели души над певучей речкой,
сбросивши над рощей бранные тела...

И былым-былое уплыло в туманы,
выплыла навстречу светлая заря...
А из дальней дали чьи-то лики манят,
овевая крылья, радостью даря...

Долго ли леталось?.. Много ль видалось?..
Помню, что дышалось полно и легко...
Что за этим случилось, — память не призналась,
обративши в шалость белых облаков...

На полях весенних зелень пробуждалась, —
восходила жизнью новой и чужой...
Мне уж не мечталось и не вспоминалось, —
память расставалась с лёгкою душой.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Отошла зима с красотами белёсыми...
Любоваться ли иль просто наблюдать,
как снежинки тихо тают под колёсами,
не сумеет с насильем шины совладать?..

Наступили времена в природе грустные:
по друзьям прошла пороша — как парша,
дни пошли не столько постные, как пустные,
где-то по́низу, свершеньями верша...

Позамёрзли аж цветы на подоконнике...
Не пора ли заменить их на враньё
из бумажек, разукрашенных под «подлинник»
в те цвета, что раскричало вороньё?..

Разлилась беда над домом, распласталась,
белый свет застив от взора пеленой...
Что же делать-то, коль жизнь ещё осталась
непрожитой?.. С непрощённою виной...

* * *

По ночам вокруг меня — пусто,
ни души... А значит, всё — правда...
В ночь вхожу, как ухожу в пúстынь,
словно в тихую ложусь тра́ву...

Опускаются ко мне звёзды,
ласку неба я спиной чую...
И обиды, как вода — с вёсел,
и врываю я, — как вдох, — в чудо...

Так протяжно всё и так нежно,
словно боли навсегда смолкли...
До рассвета далеко — вечность,
до людей живых — ещё столько...

И часы перестают тикать.
уступая облакам место...
Даже время запоёт тихо
невесёлую, но всё ж — песню...

СТИШОК НА ВРЕМЯ

Несут меня потоки временные
в неведомые дали бытия,
где царствуют красоты неземные
и лики жития совсем иные, —
отличные от нашего житья, —
без всякой там жратвы и питания.

Несут, — смывая месяцы и годы, —
на тот простор, сокрытый от людей,
где воды, не похожие на воды,
мерцают светлой памятью дождей,
и — как слеза — прозрачные народы
не чтят своих невидимых вождей.

Несут меня потоки, растворяя
судьбу мою в минутах и часах.
И я плыву, — объятья растворяя,
как облако, — черты свои теряя
и растекаясь — цветом в небесах...

* * *

Как долго длится ночь,
когда душе тревожно, —
и трудно ей помочь,
а может, невозможно...

И удалиться прочь
из этой жизни ложной
не сметь... (или не смочь, —
хоть это и не сложно).

А душенька — как дочь —
чутка и осторожна —
смиреньем превозмочь
пытается тревожность...

Но — бесконечна ночь,
и темень — уж подкожна...
И жить уже — невмочь,
и помереть — безбожно.

ХОЛОДА

Откуда этот смрадный хлад
нисходит пять ночей подряд?
Здоровью, вроде, не вредит,
но душу тайно холодит.

А только солнышко взойдёт,
хлад незаметно отойдёт,
но вновь придёт к исходу дня —
и снова входит он в меня.

Так еженощно — пять ночей...
Его спросить хочу: ты чей?..
И что ты тщишься застудить? —
хочу, но не могу спросить...

Откуда ж этот хладный смрад?..
А может, мой иззябший брат,
устав от долгого пути,
нашёл ночлег в моей груди?..

Поспи, братишка, отдохни, —
здесь нет врагов, —
здесь мы одни...

НОЧЬ СУББОТНЯЯ...

Эта ночь — моя... Она — субботняя...
Значит, — снова быть мне без людей...
Значит, — снова — до рассвета позднего —
продышаться дам душе моей...

Всю неделю бедная затворница
пряталась, ютяся по углам...
Выпущу — как птаху — за оконницу:
пусть летит, — у ней свои дела...

Где-то там, быть может, — в дальней далишке
повстречает родственную ей:
посидят вдвоём, подышат рядышком,
отдохнут от тяжести плечей...

Без телес, — убогих и скукоженных,
без гордынь, а значит, — без забот:
попоют-повоют две заложницы
вдалеке от ханских позолот...

А потом... То ль время вдарит по лицу,
то ли память — посвистом камней:
вздрагнет моя душенька, опомнится
и вернётся, бедная, ко мне...

Будем снова ждать мы ночь субботнюю,
чтобы вновь остаться без людей,
и мечтать, что до рассвета позднего
чуть пожить удастся — мне и ей...

ВИДЕНИЕ

Салаху Атнагулову — отцу моему

Изувеченный, исковерканный,
как душа моя — зверь-инвалид, —
из ночного окна, как из зеркала,
на меня мой предвестник глядит.

В лике — мраки сказаньями скуляются,
взгляд — в попытках о чём-то сказать...
За спиной его — чёрная улица,
за плечами — прародина-мать.

Не увидишь ни зги в этой темени
и не вспомнишь тут, как ни тужись,
ни его позабытого имени,
ни его позапрошлую жизнь.

Но я чувствую боль его давнюю,
но я чую поток его ген, —
что камнями истории сдавлены,
что помяты изгибами вен.

Мне б ответить ему... Поприветствовать...
Мне б впустить его в дом и обнять...
Но рассвет начинает свирепствовать,
память крови пытаюсь отнять,

понуждая и дале сиротствовать
и в беспамятстве жизнь продолжать...

* * *

Уснуть в конце зимы, уснуть
и никогда не просыпаться, —
листвы не распускать в весну,
чтоб в осень ей не осыпаться.

Уснуть, забывши о долгах,
о всех заботах сердобольных,
не знать усталости в ногах,
добытой в муках добровольных.

И усыпить в себе вину
за свой народ, грехом объятый,
вновь возлюбить свою страну,
что предала тебя когда-то.

Уснуть таким крепчайшим сном,
чтоб даже в День Поминовенья
Усопших — не проснуться в нём
и не узреть ни на мгновенье

творений Высшего Суда,
его Божественных решений...

...и оправдательных речений
чтоб не услышать никогда, —
уснуть навеки, навсегда...

ОЖИДАНИЕ

Когда свидание с людьми
моё закончится по срокам,
я расстегну свои ремни
и весь отдамся власти рока:

вдохну блаженную печаль
как долгожданную свободу,
уйду к началу всех начал
где нет намёка на природу,

где обитают только сны
и время ползает ребёнком —
в сиянии голубизны,
не ограниченной ни кромкой,

где слабый свет — из дали в даль —
разносит музыкой беззвучья
благословенную печаль —
как счастье и благополучье...

ТИМУР АЛДОШИН

НЕПОСТЫДНАЯ КОНЧИНА

Памяти Виль Мустафина

Умные люди думают о смерти. В рассказе Зощенко «Беспокойный старичок» есть нянька, «глупая девчонка, которой охота всё время жить, и она думает, что жизнь бесконечна. Она пугается видеть трупы. Она — дура».

Я знаю многих таких (чуть не сказал — людей) разумных животных. Они энергично трудятся, «гандобят», по выражению Бунина, себе гнездо, зарабатывают деньги, славу и власть. Многие даже пишут стихи и получают за это дипломы и звания. Они не подадут копейки нищему, не пойдут на благотворительный вечер. Они не заглядывают ни в Библию, ни в Коран. Они рассчитывают жить вечно.

Виль Салахович Мустафин всегда знал, что смертен. Для того, чтобы понять это, не обязательно даже читать его стихи. Достаточно знать его дела. За несколько часов до его кончины, 16 сентября, прошло отчётно-выборное собрание Казанской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, которую он более десяти лет возглавлял. В финансовой отчётности оказалась нестыковка: расход более чем на десять тысяч превысил доход — сумму собранных членских взносов. Эти деньги вложил Виль...

В 2003 году, когда, как и многие на свете поэты, я был занят только физическим выживанием, и ни о каких публикациях не думал, вдруг, как снег на голову, раздался звонок Андрея Рощектаева: «Твоя книга вышла из печати!» Какая книга?!

...Оказалось — подарок ко дню рождения!! Тайком-тишком Виль и Андрей отобрали мои тексты, третий друг, Анатолий, набрал и сверстал — и вот она: тоненькая, в бумажной обложке, но такая дорогая!

Такое Виль Салахович с поэтами проделывал не единожды. «Среди радостей моих чуть ли не главенствующая роль принадлежит радости за русскую изящную словесность...», — сказал он в предисловии, продолжив затем: «И,

конечно же, глубокую радость ощутил я за изувеченную землю-матушку нашу, не отказавшуюся в муках своих рождать на свет Божий таких сынов, как имярек и его добропорядочные друзья».

Но пуще земли-матушки и словесности был предан раб Божий Владимир своей Небесной отчизне. Не разбивал лоб в поклонах по церквям (хотя истинно чтит таинства и каноны православия), а просто — «жил не по лжи», памятуя всегда, говоря словами другого великого ревнителя и страстотерпца земли Русской, что «нравственность есть правда».

За два дня до смерти Виль Салахович, тратя последние силы сгоревшей гор-тани, просил по телефону собрать всех на отчётно-выборное собрание городской организации СРП. Всё **зная** о своём сроке, назначил максимально близкий день — 16 сентября. Ему не хватило нескольких часов...

«Есть блуд труда», — сказал Мандельштам. Виль не блудил ничем — ни трудом, ни карьерой, ни почестями. Не был ни трудо-, ни алкоголиком. Но и в монахи не записывался. Его высокий внутренний аскетизм не нуждался во внешней поддержке образом «язвенника-трезвенника». «Что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, за-стольной беседы», — говорит булгаковский Воланд.

Виль Мустафин, **Праведником** будучи (на слове этом настаиваю абсолютно ответственно) — земных радостей не избегал. И добрую чару, и сердечную беседу с ним, отведавши, не забудут многие. А я вспоминаю, как несколько лет назад Москва «потеряла» приехавшего в Казань читать стихи классика метаметафоризма Ивана Жданова! Встретив старинного друга Виля, тот ушёл с ним в глубокое подполье на несколько дней... И никто не мог найти «партизан», пока они сами не объявились, усталые и довольные!

...И день прощания был погодой своей таким же светлым и красивым, как лучистый взгляд Виля, сухое серебро его бороды... В смерти не было ничего страшного. Солнце мешалось с летящими листьями, восходил к небу дым ладана... «Непостыдной кончины живота нашего у Господа просим», — поётся в церковном богослужении. «Прежде своей кончины никто не может назвать себя счастливым», — сказал греческий мудрец Солон. Лицо лежащего было спокойным.

«... мыслью, глубокой, высокою мыслью

Было объято оно: мнилось мне, что ему

В этот миг предстояло как будто какое виденье.

Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?»

Это надгробное Жуковского Пушкину звучало у меня в ушах, когда я, прощаясь, смотрел на Учителя. Христианство учит, что бояться нужно лишь **наглой смерти**. Это когда ты весь в греху, как в шелку, и ни у Господа, ни у людей испросить прощения не успел. Упал в смерть, как алкаш в канаву. А там твари ждут...

Уже на склоне лет уверовавший, Артур Конан Дойл, умирая, с улыбкой говорил скорбящим родным: «Меня ждёт новое увлекательное путешествие!» Для праведника оно легко.

...А когда вышли с поминок на улицу — всё было уже другим. Ни тепла, ни света — ветер и дождь. «Природа оплакивает», — молвил один из нас.

... 21 сентября в 21.29 раздался сигнал смс. Я открыл сообщение и увидел имя отправителя: ВИЛЬ!.. Текста никакого не было, «пустая строка». Услужливый мозг подсказал объяснение: это просто его близкие просматривали телефон, открыли мою эсэмэску, и по ошибке нажали: «ответить». Чудес не бывает, с того света не пишут.

...И одновременно с отчётливостью, не требующей доказательств, не лукавым рассудком, а «душой-христианкой» ЗНАЮ: это его Привет. Просто таких букв нет в земном телефоне и языке.

* * *

В том же 2003-м, когда Виль с друзьями подарил мне книгу, я написал стихотворение. Оно ему очень понравилось. Теперь я его ему посвящаю.

Вилю Салаховичу Мустафину

Отчим наш, тот, что рядом, с тяжёлым ремнём,
дай варенья из тёмных шкафов —
и клянёмся, папашка, ни ночью, ни днём
не пойдём мы гулять без шарфов!

Мы повынесем вёдра и вымоем пол,
уберём с потолков кирпичи —
не клади ни розетки, ни банки на стол, —
только дай нам от шкафа ключи!..

...Отчим наш, с голливудской улыбкой лжеца,
не давай нам звенящих ключей —
только нас проводи на могилу Отца,
на заросший участок ничей.

И тогда, захлебнувшись землёй и травой,
изблевавши червей изо рта,
мы поймём, наконец, что Отец наш живой —
потому что могила пуста.

Золотое дно

*Последние главы
из романа*

41

Когда, наконец, вновь собрались за столом, рядом с Маланиным сидел и старик Семико-была, лицо в розовых пятнах, ладони прижаты к столу, чтобы не дрожали.

«Господи, ему-то какой был смысл лететь в этот зной? — пожалел его я. Мы с Хрустовым переглянулись. — Неужто не рисуется, до самых последних сил тревожится за ГЭС? Или имеет свой, особый, денежный интерес?»

Самое странное: после всего, что я услышал, у меня не было сейчас на душе предпочтения никакой точке зрения. И вообще, чем больше говорили эти значительные люди, тем больше я понимал: никто не говорит главного, не открывает своей козырной карты. Никонов обнимался со всеми подряд, звонко хохотал. Ищук был улыбчив, как гармонист. Бойцов становился всё мрачнее, что-то записывал в блокнот. Зачем ему?! А может быть, и он здесь неспроста?

— Господа! Товарищи! — улыбаясь и глядя на палец, навис над столом, роскошно накрытом для ужина, Маланин. — Мы все живы, здоровы, мы все патриоты, все мы за наш бедный исстрадавшийся русский народ... и не только русский, — покосившись на Бойцова, вдруг поправился он, — хотя... — а вдруг обидел? — все мы русские, так? И вот, должны, как люди строившие нашу красавицу, ну, кроме Тараса Федоровича... должны, так сказать, решить, так сказать, как нам быть. Мы отзываем иск и — дирекция идёт нам навстречу с распростёртыми объятиями. Или — мы начинаем войну. Пока отдыхали, кое с кем перекинулись мнениями. Конечно, дело тут не в количестве. Дело в совести, как говорит Григорий Иванович.

Семикобыла, переводя дух, кивнул. За окнами быстро темнело. Воздух стал влажный, справа, со стороны юга, над поляной блеснул свет. Молния.

— Сама природа нас подталкивает к единению. Если мы пойдём против самовлюблённой Москвы, если мы скажем — энергия наша, мы сами хозяева, как на некоторых других ГЭС... а есть, есть такие в России... народ нас поддержит плечами. И ему будет что защищать. Ибо патриотизм — это самая великая сила, так?

Произнеся эту путаную речь, в которой многое было недосказано, но очерчено, Маланин глянул с улыбкой на Ищука.

Видимо, они уже сговорились.

— Я считаю, Владимир Александрович прав, — поднялся Тарас Федорович. — Жаль, конечно, что мы с Валерием Ильичем раньше не объединили усилия. Если бы в прошлом году сделали это, я уже говорил — один тоннель точно проколотил бы на свои деньги, клянусь! И мы бы сейчас пили, гуляли, в ус не дули. Но никогда не поздно. Особенно под крышей... в самом хорошем смысле этого слова... под крышей территории почему, наконец, не объединиться? Вместе — не пропадём.

«Интересно, как он-то против Москвы собирается выступить? — не понимал я. — Его родня, миллиардер Циллер, там... или, может быть, намерен сам потом стать губернатором, если не здесь, то где-то рядом? У них же имеются ещё три алюминиевых гиганта... есть где утвердиться и вдали от Москвы».

Поскольку молчание затянулось, Маланин, видимо, решив, что Туровский дрогнет, поднял на колени кейс, вынул пачку бумаг и пустил вдоль стола.

— Всё решают акционеры... я лично оплачу их прилёт... Шаблон для решения я подготовил. Им только проголосовать. В конце концов, против такой силы, как ГЭС, алюминий и родная Сибирь, никто не пойдёт.

Пара скреплённых листочков попали в руки и мне. Я торопясь вчитался: «ОАО «Южно-Саянская ГЭС»

Место нахождения: Российская Федерация, Саразия, пос. Вира.

Код эмитента 40103-F

Дата появления факта (события, действия)... сентября 2005 года.

Код факта (события, действия) 1240102F32052003.

Вид общего собрания — экстраординарное.

Форма проведения общего собрания акционеров — совместное присутствие акционеров для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование.

Место проведения: пос. Вира, пр. Комсомольский, д. 2, ДК «Энергетик».

Время проведения:... сентября 2005 года, 10-00 по часовому поясу г. Саракана.

Кворум общего собрания акционеров — в работе собрания принимало участие 150 (сто пятьдесят) акционеров, обладающих 450000000 (четыре-ста пятьдесят миллионов) голосами, что составляет 100 % от общего числа голосующих акций общества».

— Откуда вы всё это взяли?! — воскликнул Туровский. — Бред какой-то! Хотя цифры...

Маланин таинственно улыбался.

Я вчитывался в мелкий текст. Далее шло:

Вопрос № 1... «Образование счётной комиссии»...

«ЗА»....

«ПРОТИВ»...

«ВОЗДЕРЖАЛОСЬ»....

ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ:

Прекратить полномочия счётной комиссии, созданной решением общего собрания акционеров ОАО «Южно-Саянская ГЭС» 22.06. 2000 г. Выполнение функций счётной комиссии поручить ОАО «Регистратор Р. О. С. Т.», являющемуся держателем реестра акционеров общества.

Вопрос № 2 повестки дня собрания: «Утверждение порядка ведения (рабочего регламента) общего собрания акционеров открытого акционерного общества «ЮСГ».

Итоги голосования:

«ЗА»...

«ПРОТИВ»...

«ВОЗДЕРЖАЛОСЬ»...

ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ:

Утвердить порядок ведения.....»

Далее шли вопрос № 3 (утверждение годового отчета), вопрос № 4 (Утверждение Устава в новой редакции). Ах, вот где суть вопроса! Они хотят поменять Устав ОАО... Далее: вопрос № 5, касающийся утверждения размера дивидендов, формы и размеров их выплаты... И наконец, вопрос № 6: «Избрание совета директоров общества». В списке шли фамилии:

Туровский Валерий Ильич «ЗА»... % «ЗА»

Маланин Владимир Александрович «ЗА»... % «ЗА»

Ищук Тарас Фёдорович «ЗА»... % «ЗА»

Васильев Альберт Алексеевич «ЗА»... % «ЗА»

Бойцов Алексей Петрович «ЗА»... % «ЗА»
Семикобыла Григорий Иванович «ЗА»... % «ЗА»
Никонов Сергей Васильевич «ЗА»... % «ЗА»
Хрустов Лев Николаевич «ЗА»... % «ЗА»

.....
Дальше шли совершенно мне не знакомые фамилии, которые, как и Валерий Ильич, очевидно, давно состояли в совете директоров. Всего 20 человек. Ишь, как подольстился Маланин — и Льва Хрустова вписал...

— Ну как?! — воскликнул Маланин, перекрывая шум за столом. — И справедливо, и несёт огромный смысл единения! — Он снова посмотрел на палец и добавил: — Я нарочно попросил распечатать такой текст... чтобы вы увидели и подумали: а почему нет? Я убеждён, акционеры против нас не пойдут.

Наступило и вовсе мёртвое молчание. Никонов усмехнулся, руки сжал в кулаки и положил на стол. Хрустов смущённо опустил голову. Васильев был невозмутим. Бойцов косился на Никонова, словно от него ждал чего-то.

Почему Туровский молчит? Наконец, он отшвырнул бумажки, растерянно засмеялся.

— Что за игры ты затеял, Володя? Ну не дети же мы!

— Это ты, как ребёнок, до сих пор многого не понимаешь. А вот давайте, господа, выпьем и подумаем. Алексей Петрович как сказал? Полезно и после рюмочки обсудить, когда наша совковая трусость куда-то улетучивается.

«Изменился, изменился Маланин», — ещё раз подумал я. Туровский обернулся к Васильеву.

— Альберт Алексеевич, а вы что скажете?

— Я?! — Васильев непроницаемо смотрел на него. — Если вас интересует моё мнение, Валерий Ильич, то отдавать станцию алюминщикам ни в коем случае нельзя, даже как бы и под общей крышей территории. У них и так сверхприбыль за счёт несоблюдения экологии... фтор, бензопирен... а вот постараться выбить льготы для трудившегося здесь населения, а это, согласимся, вся область, можно и нужно.

Никонов заплодировал своими ладонями-лопатами.

— РАО на это не пойдёт, — жалобно пробормотал Туровский. — Вы же знаете. Что скажет Сергей Васильевич?

— Я скажу попозже, — откликнулся Никонов. — Хотя, для затравки, послушайте анекдот.

— Какой анекдот?! Зачем анекдот?.. — недоуменно уставился на него губернатор. — Товарищи, идёт серьёзный разговор...

— А вот послушай! — усмехнулся Сергей Васильевич. — Ты же рассказывал?.. Итак, в ломбард приходит женщина с мужиком. «Мне нужно десять тысяч, вот мужа в залог оставляю». — «Гражданка, вы ошиблись адресом! —

говорит хозяин ломбарда. — У нас тут драгоценности, золото...» — «Знаю! Петя, открой пасть!»

Никто не рассмеялся, все ждали продолжения. Все почувствовали: Никонов вдруг повёл себя как-то по новому. Он сейчас был непохож на себя. Уверенно оглядывает всех, налил себе в рюмку коньяка, понюхал, поставил.

— Ну, что смотрите? Альберт Алексеевич правильно говорит. Более подробно скажу позже. Пусть выскажутся другие товарищи.

Васильев кивнул Хрустову:

— Что думает рабочий класс?

Лев Николаевич сидел рядом со мной, бледный, уставясь на листочки, которые ему передал Маланин. О чём он размышлял? Наверное, лихорадочные его мысли касались и плотины, которая внизу, и сына, который лежит сейчас в больнице, с трещинкой в черепе, избитый шпаной, мстящей ему за то, что имеет работу на этой проклятой ГЭС, за то, что он не пьёт, не колет, за то, что красивый...

Лев Николаевич пробормотал, не поднимая головы:

— Не знаю. — Наверняка ему было стыдно за свои слова, но, вполне возможно, он и в самом деле не ведал, как правильнее ответить.

Хмыкнув, Маланин обернулся к Семикобыле:

— Григорий Иваныч... ваше мнение?

— Моё мнение? — И вдруг старик, чуть отсев на стуле, искоса глянул на губернатора. — Володя, отступись. Не можешь промышленность наладить, не можешь молодых бизнесменов поддержать, от тебя все бегут... конечно, если будет бесплатная энергия, тебе станет легче и тебя переизберут ещё раз... тут ума большого не надо. — Семикобыла сжал костлявые кулаки. — Ребята, пусть ГЭС сама по себе работает на страну. Не трогайте её.

Измученный Туровский не нашёл, что и сказать. Он полагал, что старик давно уже впал в маразм и прилетел поддержать только Маланина.

— Интересное кино, — усмехнулся Васильев. — Тогда о чём речь?! Давайте же, в самом деле, выпьем по рюмочке и полетим домой! Если, конечно, Владимир Александрович возьмёт нас на борт. Не нравится мне эта погода. Начнётся ливень — за неделю не выберемся. А?! — Он кивнул губернатору: — Вызывай машину, милый.

— Минуту! — Никонов поднял руку. — Я ещё не говорил, дорогие мои кореша. И Алексей Петрович. Или мы уже выступили?

— Нет, конечно!.. Давайте, давайте!.. — спохватился Маланин, может быть, втайне надеясь, что Сергей Васильевич и Алексей Петрович как раз и поддержат его, хотя люди издалика и какие у них здесь могут быть интересы. Впрочем, у Бойцова, который, как всем известно, советник председателя правительства и член совета директоров двух нефтегигантов, могут, могут быть здесь свои предпочтения...

Маланин буквально поклонился над столом Бойцову.

— Я не считаю возможным вмешиваться в ваш конфликт, — медленно ответил Алексей Петрович. — И думаю, Сергею Васильевичу также не следовало бы.

Никонов усмехнулся.

— Поздно. Я уже вмешался. Я от имени строителей, не от имени вчерашних балаболов-комсомольцев... имею заявить следующее. Я выкупил акции ГЭС у Валерия Ильича. А также у многих владельцев. Здесь поработали мои коллеги с Дальнего Востока. И они же сегодня навестили алюминиевый завод с сотрудниками СОБРа... а также — одновременно штаб-квартиру СА-РАЗа в Москве... всё сделано по закону: имеется иск одного из владельцев акций САРАЗа, есть решение суда о приостановке полномочий генерального директора... Кстати, на господина Циллера открыто уголовное дело, он обвиняется в сокрытии доходов... Короче, я выкупаю у господина Ищука акции завода и оставляю его директором. Или... он лишится всего.

В наступившей тишине я услышал хрип Ищука:

— Да это ж бандитизм!

— Мы это не позволим!.. — поднялся над столом Маланин. — Что ты, Сергей Васильевич, тут кино устраиваешь?

Никонов упёрся взглядом в его напуганные глаза.

— Это не кино. И ты не останешься губернатором... мы сделаем всё, чтобы ты отдохнул. Григорий Иванович прав: ты пустое место. Найдём человека. Я лично прошу пойти на эту работу Алексея Петровича. Честный, наш кадр. Наша бригада.

Маланин старательно изобразил смех.

— Тогда и Хрустову найди место!

— И ему найдём. — Никонов был совершенно серьёзен. — И ГЭС, и СА-РАЗ, и моя ГЭС на востоке, и ещё один завод становятся частями нашей системы. И особо хочу предупредить Тараса Федоровича: или ты со мной, или смотри... Жить хочешь?

До этой фразы я воспринимал слова Никонова как вполне понятные и вполне обычные в сфере нынешнего передела собственности в России. Но вот откровенно бандитская, именно бандитская (тут Ищук прав, хотя он сам точно так же приходил к власти и богатству!) угроза Никонова: «Жить хочешь?» вдруг открыла мне глаза. И Хрустов в ужасе прошептал:

— Серега, ты с ума сошёл?!

— Кончай базар! — цыкнул Никонов. И помедлив, поморгал ему глазами, как ребёнку. — Мы восстановим справедливость. За мною стоит много народа. Я эту систему строил лет десять. Сегодня по телевидению Москва расскажет о нашем слиянии.

— Тебе Чубайс голову оторвёт, — пробормотал Маланин.

— Чубайс великий человек. Он поймёт нас. Ему главное что — чтобы ГЭС работала. А я собрал деньги. Мы уже сегодня подписали договор с «Новтоннельстроем» о начале работ: по правому берегу начинаем бить два

дополнительных водосброса... Что ещё нужно? Ведь это главное? Туннели диаметром двенадцать метров... вода из них будет попадать в отводной канал, где такие ступеньки... скорость воды гасится и спокойно сливается в Зинтат...

На Маланина был жалко смотреть. Ищук сидел, вытаращив глаза. Я подумал: а вот сейчас Никонов заржёт, как он ржал в молодости, и крикнет: «Да разыграл я вас!» Но Никонов медленно взял со стола у губернатора трубку мобильного телефона и протянул Ищуку.

Тот торопливо принялся тыкать в кнопки.

— Алло?.. Это я. Кто это? Почему? А где секретарша? Ясно. — Тарас Федорович криво усмехнулся и вернул трубку Никонову.

— А я... — хрипло спросил Маланин. — Я же, извините, ещё до декабря губернатор? Я... я...

— Что? Арестуешь? Майнашев не даст разрешения. Мы поддержим местную нацию. Что ещё?

— Ничего, — пролепетал Владимир Александрович и умолк.

Никонов глянул на Бойцова. Тот отрицательно покачал головой.

— Почему? — спросил Сергей Васильевич. — Лёша?!

— Так решать безнравственно.

— А тебя ввели в два совета директоров... человека, совсем далекого от нефтяных проблем... Нравственно?

— Меня ввело государство. Для контроля. А здесь я вижу взбесившийся бизнес...

— Так ты и здесь будешь от государства. Губернатор — это же моська на поводке!

— Ты потребуешь, чтобы был моськой.

— Плохо меня знаешь. Я хочу одного: чтобы были наши. На нашей земле.

— Нет. Это страшная индульгенция.

Никонов крутнул головой:

— Хорошо. Хорэ. Есть ещё один человек, достойный во всех отношениях. Трудяга, был коммунистом, но не скандалил, выходя из КПСС. Его поддержат и те, и эти. Валеваха. Я его нарочно оставил, чтобы держал всё под контролем, помог моим людям транспортом, связью.

Маланин всё порывался что-то сказать. Наконец, шевельнул пунцовыми дергающимися губами:

— Так ты, Сергей Васильевич, специально всех уговорил лететь в горы? Чтобы там, без нас, внизу, твои люди...

Никонов даже не ответил, только усмехнулся.

— Я хочу домой... — сказал Лев Николаевич. — Или мы летим, или я... пешком. Да, да!

— Не сходи с ума, — прошептал я и сжал ему дрожащую от происходящей жути руку.

На какое-то время все замолчали. Васильев опёр голову о ладонь и, морщась, скалясь, смотрел в стол. Семикобыла закрыл глаза.

— Как же так?!.. — забормотал, уже заискивая, вконец потерявшийся Владимир Александрович. — Я хотел как лучше... баня... уха... Но как скажете. Можно? — Он кивнул на собственный мобильный телефон. — Я на счёт вертолёта.

— Нужно, — уже весело отвечал Никонов, закуривая.

Маланин набрал телефонный номер.

— Алло?.. Треск какой-то. Алло? Кто? Это я, я! Слышите меня?.. Слышите или нет, чёрт вас возьми?! Да! Вылетайте. Поняли? Ничего, тут вполне тихо. О чём? Кто звонил?.. Связь прервалась. — Он набрал ещё раз номер, но вдруг все услышали приближающийся гул.

Глянули в окна — хлынул дождь, бурля струями по крыше и стёклам. И стало ясно — если даже крылатая машина из Саракана доберётся сейчас, обратно она не пойдёт — мрак стремительно окутывает склон, в тучах над зеркалом искусственного моря, ослепляя глаза, идут чередой вертикальные молнии, грянул гром, вот ещё и ещё...

Люди высоко в горах оказались в ловушке.

Неподалеку забормотал, заработал дизель, и в доме засветились электрические лампочки. От этого показалось, что за стенами в ту же секунду наступила глубокая ночь, устрашающая, с пламенем по небесам.

В тишине Васильев негромко произнес:

— Нас всегда губило пристрастие проводить совещания на природе.

Ему никто не ответил.

Ищук плеснул себе в стакан водки и, кивнув Никонову, выпил.

— Дай-ка и мне!.. — взяв телефонную трубку у губернатора, Тарас Федорович набрал номер. Но в микрофоне только шипело. — Ни хрена себе!..

— Гроза пробежит — восстановится, — успокоил его с улыбкой Никонов.

Но все мы, наверное, сейчас с затаённым страхом думали об одном: как же сюда летит и долетит ли губернаторский вертолёт из Саракана, а если долетит, вернёмся ли мы вниз, на «дно», живыми. А может быть, надо было переждать? Может быть, не надо было вызывать? Может быть, лётчики сами сообразят и повернут назад?

— Когда ничего невозможно поделать, — хмыкнул Ищук, — надо хоть удовольствие получить. Так говорят женщины. Давайте по кругу, у кого какие хорошие анекдоты? Я могу рассказать первым. Устроился мужик на завод. А на следующий день попал в больницу. Приходит друг: «Що случилось-то?» — «Да захожу в цех, кричу напарнику: Вася, кинь мне ключ на двадцать семь!» — «Ну и що?» — «Да знал бы я, что там столько Вась...»

Никто не засмеялся. Со страшным хрустом, аж содрогнув землю, ударила молния совсем близко, кажется, в кедр — что-то полыхнуло во мраке, рассыпалось и померкло. И ещё раз, словно кто дёрнул за угол дом — бутылки на столе и рюмочки попадали, покатались, зазвенели.

— Стихия, — буркнул Бойцов, спокойно поднимая и ставя на место посуду. — Я такую грозу видел однажды во Вьетнаме. Но там-то всё время жарко.

— Да и нынче в Сибири погодка даёт угля, — еле слышно откликнулся Семикобыла. Он хрипло дышал, обтирая платком лицо.

Васильев, с бесстрашным, слегка насмешливым лицом, отошёл к самому окну, прильнул к стеклу, взирая на фейерверк природы. Хрустов поднялся и снова сел, обречённо замер — итак, он не сможет, никак не сможет в ближайшие часы попасть к сыну и к жене. Господи, ведь эта гроза уже и до Виры докатилась...

— Связи нет? — спросил он у Владимира Александровича.

Маланин включил трубку и, посмотрев на экранчик, выключил.

Хрустов пробормотал:

— Это всё за грехи наши.

— Да какие у тебя грехи!.. — вдруг зло откликнулся Сергей Васильевич.

— Есть, много... ты прекрасно знаешь.

— Да пош-шёл на хер!.. — Сергей Васильевич, с грохотом уронив стул, метнулся на выход, повернул назад и принялся бегать от окна к окну. — Ну давай, падла, вали скорей отсюда!.. Сейчас, господа, полетим.

Гром сотряс весь горный склон, и одна из трех лампочек под потолком взорвалась.

Хрустов вскочил со слепыми глазами:

— Мы никуда не улетим!.. Нас здесь сожжёт небо!.. — И вскинул руки. — Жги, жги нас!..

Альберт Алексеевич молча поймал его за руку и остановил возле себя. Только головою покачал.

— Но ведь правда! — заскулил, приникая к нему, Лев Николаевич. — Чем мы тут занимались?! А там сейчас, может быть... а у моей Гали аритмия, систолы...

— Тебе не систолы — тебе сиську надо! — заорал Никонов. — Замолчи! У моей Таньки тоже... глаза болят... давление... но от имени рабочего класса должны были...

Сверкнула страшная, буквально рядом на поляне, молния, и, показалось, гром повернул дом, как детскую карусель на оси.

Маланин пригнулся и, оглядываясь на окна, тыкал в кнопки телефона.

— Алло?.. Алло?.. — Но связи по-прежнему не было. Трубка трещала.

— Ты её совсем отключи, — посоветовал, наливая себе ещё водки, Ищук. — Ещё шарахнет по наводке, как Дудаева шарахнули ракетой. Принцип тот же.

— Налейте и мне!.. — тихо попросил Семикобыла. И поднялся, и, шатаясь, как на палубе в шторм, семена подошёл к Васильеву и Хрустову, обнял их:

— Ребята... даже вот так рад был увидеться с вами... Алексей, а ты чего?

Бойцов кивнул, приблизился к друзьям, стал медленно читать:

— Стихи Заболоцкого:

*Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Всё труднее дышать, в небе облачный вал шевелится,
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.*

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья...

— Ты стал какой-то равнодушный!.. — зло бросил Никонов.

Алексей Петрович, не глядя на него, помедлил и продолжил:

— Человеческий шорох травы, вещей холод на тёмной руке,

Эту молнию мысли и медлительное появенье

Первых дальних громов — первых слов на родном языке.

Так из тёмной воды появляется в мир светлоокая дева...

— С-сука!.. — воскликнул Никонов, грозя небесам кулаком.

Бойцов прервал чтение, отвернулся к окнам. Хрустов вдруг нервно засмеялся:

— А я вспомнил, Альберт Алексеевич, как меня арестовали тогда, в семьдесят восьмом году. По моей же просьбе. У милиционеров тогда не было КПЗ, отгородили угол кроватями...

Васильев молча обнял его.

— Я лично не был виноват, но кто-то должен был ответить за случившееся?..

— Перестань, — ласково сказал Альберт Алексеевич. — Я должен был за всё ответить... и, кажется, немного ответил. Можно так сказать: «Немного ответил»? Что думает историк?

Я кивнул и подошёл ближе к дорогим мне людям.

Никонов держался в отдалении, глядя исподлобья, победитель, но совершенно чужой отныне человек. Впрочем, старые узы дружбы ещё не отлипли, притягивали и его, и он, делая вид, что ничего особенного-то и не произошло полчаса-час назад, крикнул:

— Йотыть, пусть сверкает! Мы не боимся! Всё будет путём, как говаривал Иван Петрович!

И снова гром потряс землю. И мы снова все замолчали.

Такого тяжёлого ливня, да с невероятной, многочасовой грозой в Саянах не помнил никто.

Семикобыла, отсев от сверкающих окон подальше в угол, как провинившийся школьник, с лицом белым, как тарелка за стеклом шкафа, время от времени неловкой рукой крестился.

Ищук, вконец пьяный, безмолвствовал, положив волосатые ладони на стол и уставясь мутным взглядом в рюмку.

Васильев тоже сел, он молчал, выпрямься, прикрыв глаза, лицо его, тёмное, почти чёрное, ничего сейчас, казалось, не выражало.

Бойцов ушёл на крыльцо, в гул дождя, стоял там, под навесом, курил, вдыхая банный дух жаркой грозы. Я последовал за ним, горя, что не могу сообщить жене, что жив. Наверное, беспокоится.

— Красиво, — сказал Алексей Петрович и протянул руку под дождь.

Из дома выскочил Хрустов, вцепился в локоть Алексея Петровича:

— Лёшка, не надо дальше...

— Ты чего? — удивился тот.

— Я ничего. А ты чего?..

— Ну тогда ладно. — И Хрустов, путаясь в словах, смеясь и утирая глаза, напомнил мне и самому Бойцову, как однажды Алексей на спор во время летних гроз (это уже после описанных в летописи событий) вскарабкался по пожарной лесенке на крышу Дома культуры и стоял там, среди ослепительных молний, в одних плавках, босой и, размахивая руками, срывая голос, кричал стихи Маяковского, обращенные к Богу: «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою отсюда до Аляски!..»

— Я сегодня уважаю всё живое, — мягко ответил Бойцов. — Никому нельзя грозить. Это уже не по совести.

Выбежал Маланин с телефонной трубкой, сверкая заячьими зубками, он вопил:

— Подлетают!.. Я, кажется, поймал... они рядом...

О чём он?! Неужели про вызванный в Саяны вертолёт?!

Подлетают!..

Непостижимо! Как может лететь в такую погоду вертолёт? Перепады давления могут его просто разломить, как сухой пруттик! Не говоря уже про то, что молнии вокруг...

Но что это?! Боже!.. В рокоте грома возник посторонний, как бы жестяной звук — это неподалеку пробирался, тархтел там, в низине, над зеркалом искусственного моря некий комочек с мигающим красным светом.

— Это они!.. Сюда!.. — замахал руками Владимир Александрович, выбегая под дождь и сразу сделавшись с ног до головы мокрым. Но разве увидят? Они скорее увидят свет в окнах...

— Сюда!.. Сюда!..

— Эй!.. Эй!..

Появившиеся на крыльце соседнего дома-сауны егеря выстрелили из двух ружей в небо.

— Но что это?!

Блеснула молния, да такая слепящая, хлёткая — будто ударила прямо под ноги, но нет — она пронеслась мимо, раскраивая небо, как огненный изнутри арбуз... и в ту же секунду метрах в ста — или в полукилометре, трудно сообразить — вспыхнул, словно комок смятой бумаги и повалился в бездну летевший предмет... Господи, неужто вертолёт?! Это вертолёт?! Через мгновение донесся глухой хлопок — взрыв?.. — и более ничего нет.

— Господи, — пробормотал Бойцов.

Всё произошло так быстро и так страшно, что все мы замерли, как в пугающем кино. Ногой не могли шевельнуть.

А ливень продолжается, сверля землю и воду с пугающей силой, как буровыми головками, молнии наотмашь хлещут справа и слева, словно раздавая огненные пощёчины. За что, за что?! — маленьких, живых, тёплых людей, которые летели по приказу вызволять себе подобных?!

Это как несколько лет назад, 11 сентября в Америке! Весь мир смотрел, потеряв дыхание и рассудок, как прекрасным днём огромные самолёты, битком набитые людьми, таранят небоскрёбы Нью-Йорка!.. Я помню, что первые минуты, сидя перед телевизором, с раздражением подумал: интересно, это компьютерная картинка для детей или особое наложение видеокэдров?.. Зачем же они так жутко балуются?..

— Как же это?.. — только и бормотал мокрый, сверкающий, словно облитый стеклом губернатор, продолжая стоять под ливнем, не сообразив, что надо бы подняться на крыльцо, под навес. Он тряс в руке трубкой спутникового телефона, пытался что-то набрать. А что набирать и куда звонить? Пылающая машина на их глазах рухнула в отвсечивающую, словно кипящую воду искусственного моря и как будто не было её никогда!

Выбежал из дома Альберт Алексеевич. То ли хлопок расслышал, то ли вскрики среди гула и шелеста ливня.

— Что случилось?

За ним появился, хватаясь за косяки, Тарас Федорович.

— Что, летят?!

И вышел медленно, как во сне, высокий, зыбкий Никонов.

Владимир Александрович посмотрел на трубку с антенной и, рыдая, про-
вершал:

— Я хотел как лучше... они упали... молния!.. Я хотел как лучше. Это был самый толковый экипаж. Ведь почти прилетели. — И закричал истошно. — Эта гадина-дождь!.. Змея мокроногая!.. — Он, рыдая, обнял столбик, под-
пирающий крышу крыльца, у него началась истерика.

Бойцов взял его под руку и завёл на сухие доски.

— Там ещё девчонки летели, — рассмеялся Ищук, играя чёрными бровями. — Три мисс Саян. Первая мисс, вторая мисс и третья...

— Я хотел как лучше!.. — плакал губернатор. К нему подошёл охранник, обхватил за плечи и увёл в дом.

Хрустов очнулся, подпрыгнул.

— Может, пойдёмте?.. Поищем?.. Вдруг кто выплыл.

Алексей Петрович отрицательно покачал головой.

— А вдруг?!

— Да сгорели они, как бабочки над костром. А если даже... пока спустимся по склонам... — И вдруг дёрнул плечом. — Хотя, конечно, чем чёрт не шутит. Идём!

— Да, да! — ожил и Васильев. — Фонарики есть?

Из мрака выступили егеря, в руках у них горели — один ярче, другой тусклее — два электрических китайских фонарика.

— Где они упали? — Альберт Алексеевич вышагнул под дождь и словно даже не ощущал его.

Бойцов показал рукой.

— Но вы, Альберт Алексеевич, не пойдёте, это дело тяжёлое, вы здесь держите ситуацию. Тарас Федорович?

Ищук заржал.

— Мужики, бросьте херню городить! Радуйтесь, что не вы там, в железной коробке, сидели. Пойдёмте, выпьем. К утру всё утихнет, вызову свою «муху» — и вернёмся в Виру.

Ничего не ответив, забрав у егерей фонарики, Бойцов в штормовке поверх белой курортной одежды, Хрустов и я за ним побежали, пригибаясь, под сплошным пулемётным ливнем к краю поляны, к крутому угору, чтобы попытаться спуститься по смутно различимой даже при электрическом свете земле вниз, к берегу.

За нами последовали и два егеря.

Но в эту минуту под ногами людей земля словно скакнула — как стол или табуретка, и Лев Николаевич, потеряв равновесие, плашмя рухнул на кусты, расцарапав лицо и руки. Здесь росли шиповник и волчья ягода.

— Ты где?! — запрыгали мы над ним с Алексеем Петровичем, я нашарил в темноте левую руку Хрустова и потянул к себе, упав на колени и сползая по мокрой траве вниз. Мне помог Алексей Петрович, и вот Хрустов стоит, шатаясь, держась за наши руки.

В это мгновение землю дёрнуло ещё и ещё раз, уже поменьше, но ливень, показалось, грянул с ещё большей силой, исполосовывая молниями небеса и землю...

«Землетрясение?..»

Пришлось вернуться наверх.

Все мы, перепуганные гости губернаторской дачи, кроме Семикобылы (у старика не хватило сил подняться с дивана), и сам губернатор с охранником снова столпились на крыльце, боясь, что дом из-за толчков может рухнуть и, если что, можно будет выскочить на поляну.

По приказу Васильева дизель отключили, свет погас. И только молнии в ночи освещали пространство.

— Ничего страшного, — чётко произнёс Альберт Алексеевич. — Наша плотина рассчитана на восемь баллов. Но здесь никогда более трёх не фиксировалось.

— Было один раз четыре с половиной... — еле слышно отозвался Туровский. — В две тысячи третьем. Но мы всё равно посмотрели, нет ли разрывов.

Кстати, где был всё это время Туровский?.. Уходил в свою комнату? Где-то отлеживался?

— Вот на Алтае — да... — напомнил Ищук. Он уже был почти трезв, серое лицо исказилось. — Тряхнуло недавно. Может, оттуда донеслось?

— Скорее, оттуда, — Бойцов кивнул в верховья Зинтата.

Да, наверное, эпицентр в Китае, подумал я. Наверное, так решили и другие. Но очень уж сильно передернулась земля. Сколько же баллов там, вдали?

— Нет-нет, ничего страшного, — повторил Альберт Алексеевич. — На бетонных плотинах Койны, это в Индии, Алексей Петрович?..

Бойцов кивнул.

— Да в Иране, в Серифуде, при десяти баллах появилось всего лишь несколько трещин... системы устояли.

Все молча слушали.

Туровский сосал-сосал свою трубку, подпаливал табак, но огонь всё равно гас. Валерий Ильич сжал её в кулаке — и трубка хрустнула. И полетела в траву, под дождь.

— Правда, есть одна проблема. Если бы мы полностью возвели плотину, а уж потом наполнили водохранилище до нормального подпертого уровня... А мы же рывками: поднимем — добавим воды... Не получилась ли горка масляных блинов?

Альберт Алексеевич нахмурился, покачал головой.

— Так практически во всём мире строят. Идеальных условий не бывает... Эх, жаль, не смогли мальчики спуститься, где вертолёт упал... а сейчас опасно... покатитесь, как шарики...

Никонов, стоявший в проёме двери, молчаливый, как монумент, ткнул кулаком в спину Маланину, прохрипел:

— Включи! Может, работает?

Владимир Александрович, не понимая, смотрел на него.

— Трубка, трубка! Телефон, блядь, фурычит, нет?! — прорычал Сергей Васильевич.

— Вы почему на меня кричите?!.. — вдруг воскликнул Маланин. — Вы невоспитанный, ужасный человек! Бандит, бандит! — И обняв трубку, как ребёнка, смаргивая воду с век, решительно пробормотал. — А вот не дам! — И кивнул охраннику. — Майор, держи его на мушке.

Никонов переменился в лице.

— Ты не балуйся!.. — И яростно обернулся к охраннику. — Позвонить-то домой надо?! Как они там?.. — И уже просительным тоном. — Ребята... тысячу долларов заплачу... ну дай же ты, комсорг!

Губернатор какое-то время смотрел на него, потом нажал на кнопку и протянул трубку.

— Слышишь? Шум, треск.

Хрустов, прикрывая и открывая глаза, пробормотал:

— Шум и натиск. Или как, Лёша? Гейне с друзьями группу организовали...

— Не помню, — раздраженно ответил Бойцов. — Не о том говорим. Плохо дело, друзья мои. Все мы попадаем под уголовное дело. Приехали отдохнуть, называется. Блядей вызвали.

— Каких блядей?! — побледнев, затопал ногами губернатор. — Это... это наши комсомолки, чтобы дух поднять! Они бы спели!

— Теперь мы споём.

Хрустов закрыл уши ладонями, простонал:

— Как же мы изменились! Господи боже мой!.. Что с нами стало?! А ведь были хорошие, честные ребята...

— Хорошие?.. — повернулся к нему и словно дерево проскрипел Валерий Ильич. — А не ты на полях своей летописи написал: всё ложь!.. И нынче всё повторял...

— Ложь была... — тихо согласился Лев Николаевич. — Но была она как... пароль. А жили по правде. А сейчас правда пароль... зато всё наоборот... И самое ужасное — так поколение за поколением... Что за страна?! И ведь не бежим все сто пятьдесят миллионов отсюда, как от чумной... и не потому не бежим, что нету ног... а потому что любим, любим... За что? И когда она убивает, кричим: «За что?!» И себя спрашиваем: «За что?!» Только потому, что здесь родились?

Бойцов вздохнул:

— Я бы утешил тебя... что во всём мире, а может и во вселенной, всё движется по ленте Мебиуса... мы ещё вернёмся когда-нибудь сюда в виде мирных и честных коров или голубоглазых бабочек... но в это надо верить... — Алексей Петрович хмыкнул. — Но даже если сам веришь, земного судью не убедишь, что ты бабочка.

Ищук ругнулся сквозь зубы, пригнул голову и бегом, боясь нового толчка, вынес из столовой бутылку водки и два стакана.

— Кто со мной?!

Маланин, продолжая смотреть на Никонова, протянул руку.

— Правильно, Владимир Александрович. Там разберёмся.

Сергей Васильевич хотел что-то сказать, но только злую слюну прожевал.

— Нас может спасти, — продолжал Алексей Петрович, — если только где-то рядом произойдёт ещё бóльшая беда. Но я бы этого не желал.

— Да ничего там не должно случиться, — негромко повторил Васильев. — Ну, дождь... наверное, уж точно льётся через край... Валерий, что скажешь?

Туровский только судорожно вздохнул, поджав ноздри, и замер.

— Может, зайдёте в дом? — кивнул, дрожа, массивный Маланин. — Не бетонный же... если и треснет, не завалит...

— А загорится? — Тарас Федорович кивнул на небо, и в эту именно секунду оно разорвалось пополам прямо над головой, полыхнув пламенем, и жутким, и знобящим, как само небытие...

— А давайте анекдоты рассказывать... — Владимир Александрович посмотрел на свою растопыренную пятерню и ничего не вспомнил. И снова зарыдал. — Я хотел как лучше!..

Васильев толкнул в бок Хрустова.

— Лев, ты же умел смешить до слёз! Как вспомню те наши грозные годы — начинаю хохотать: сразу вижу тебя. Как ты говорил? Сала много в стране, а мыслей мало. Вот если бы членам Политбюро хоть иногда дрова колоть, мозги бы встряхивались — и хорошие идеи рождались...

— У него сын в больнице, — буркнул Бойцов и обнял за плечи друга. — Держись.

44

Под утро мы устали маяться на ногах под дребезжащей крышей крыльца и рискнули, перебрались в круглый зал, сели поближе друг к другу на стульях и на диванчике под сверкающим время от времени зеркалом и забылись. Кто водки напился от страха и угрызений совести, кто — валерьянки из бутылочки Туровского (Хрустов и сам Туровский). Семикобыла, как сидел мешок мешком на диване, так и далее дремал, всхрапывая и всхлипывая, при этом открывая совиные невидящие глаза.

По приказу губернатора егеря вновь включили дизель, и во всех комнатах дачи горел яркий электрический свет, который как бы умирал влетающий в дом свет молний.

Молчаливый охранник Владимира Александровича ушёл в сауну хлестаться веником. Егеря там же где-то пили подаренный им ящик водки. Слышалась песня:

*— Гори, гори, моя звезда...
Звезда любви приветная.
Ты у меня-а одна заветная...
Другой не будет никогда-а...*

Ливень лил и лил по-прежнему, но гром уже стихал, огонь небесный бежал всё больше вдали, в северной стороне, над ГЭС...

Дай бог, чтобы всё там обошлось.

Нас разбудил вороний крик Маланина:

— Ищук! Связь наладилась. Вызывай своих!..

На небесах, во мраке ещё дождливого утра что-то уже высвечивалось над горбатой горой с названием Орёл — там словно орёл присел, сложив крылья.

Тарас Федорович, скалясь от возбуждения и тревоги, роняя и поднимая трубку (слава богу, с мягкого ковра!) набирал номера своего завода:

— Алло?! Ещё спят, собаки?! Алло?! Алло?.. Я вам сарвелата в десять кило!.. Алло?! Наконец-то!.. Кто?! Константин Васильич? Ну что? Как вы там перезимовали? Говори, я всё знаю... как ГЭС?! Что?! Что?! — и замер.

Нам, смотревшим на него в эту минуту, показалось, что он потерял сознание. Ищук качнулся и негромко, почти шёпотом добавил.

— Немедленно... вылетайте...

И машинально вернув трубку Маланину, Тарас Фёдорович повернулся к Туровскому и, как робот, молча пройдя шесть или семь шагов, изо всех сил ткнул его широким кулаком в лицо:

— Н-на, блядь чубайсова!..

Взвизгнув, Валерий Ильич покатился по полу среди стульев.

— Ты что, Тарас?! — бросился к Ищуку Никонов.

Шмыгая, обливаясь кровью из разбитого плоского носа, Туровский отполз в дальний угол комнаты и, задрвав голову, поднялся на ноги.

— З-за что?..

Никонов с размаху ребром ладони резанул Ищука под горло, тот согнулся и, хрипя, осел на пол.

— Товарищи, товарищи!.. — заныл губернатор, бегая вокруг. — Что вы себе позволяете?!

Тарас Фёдорович с пола процедил, с ненавистью оглядывая старых друзей:

— Вам не жить, шушера бетонная!..

— Что?! — заорал, подсакивая, Никонов. — Это ты мне грозишь?! Ты, подстилка олигархова!

Васильев железной ладонью оттолкнул Сергея Васильевича и, наклонившись, помог подняться Ищуку.

— Тарас Фёдорович! Молодой, сильный... не стыдно вам со стариками связываться?! — Усадив на стул, заглянул в лицо. — Всем нам страшно. Что, что там?

Ищук смял толстые губы и зарычал, заплакал.

— Ну, говорите же!.. — толкнул его в плечо Бойцов.

— Завод заморозили... свет же вырубился... — И снова вскочил, хотел рвануться к Валерию Ильичу, но был тут же усажен на место Васильевым и Бойцовым. — С-сука! Каждый за себя... Если бы объединились...

Маланин, тыча пальцами в кнопки, уже звонил куда-то. И, выслушав ответы, выбежал из столовой.

Хрустов пошёл за ним:

— Владимир Александрович, дайте домой позвонить.

Маланин стоял на крыльце, запрокинув голову, словно и у него, как у Туровского, текла кровь из носу.

— Лёвочка, всё пропало... всё...

Вынув из его безжизненной руки трубку, Лев Николаевич набрал свой домашний номер, но телефон молчал. Он молчал в самом прямом смысле слова — не было даже гудка. Не ответила и больница. Почему?! Безмолвствовал и детский сад, где через ночь сидит охранником Хрустов. Видимо, из строя вышла телефонная сеть Виры! «Боже мой! Что же, что там?!»

Хрустов застонал и вдруг вспомнил телефонный номер Саши Иннокентьева — тот несколько лет назад вернулся в свой родной Иркутск, не раз писал оттуда, наверное, можно отсюда дозвониться хоть к нему?

Код, кажется, 395?.. И о чудо! Он услышал знакомый, торопливый говорок Саши:

— Я вас очень внимательно слушаю!

— Саша!.. — закричал Хрустов. — Саша! Это я, Лёва с ГЭС... то есть, я в тайге... а у нас дома телефоны замолчали... ничего по телику не было?!

— Как же не было!.. — отвечал Саша. — Туда летят самолеты МЧС... там всё залило, волна прошла, говорят, тридцать метров высоты... у вас же землетрясение было.

— Да, — тихо ответил Лев Николаевич и, закрыв глаза, замер, на крыльце гостеприимного дома среди саянских гор. Он долго слушал своего друга. Наконец, бессильно опустил трубку.

— Можно и мне?.. — попросил я мобильник, но Маланин, выхватив его из руки Льва Николаевича, побежал на поляну, стал ещё куда-то звонить.

Мы с Хрустовым вернулись в круглый зал. Хрустов, шатаясь, бормотал, как безумный, про волну в тридцать метров. Туровский сидел за столом, прижимая к переносице мокрое полотенце, Васильев с Бойцовым стояли над ними.

Услышав слова Хрустова, Валерий Ильич вскинулся, как от удара снизу в подбородок.

— Кто, кто сказал? Причём тут Иркутск?! Бред!.. Лёва, Лёва!.. Повтори!

— Я вам говорю! — И он передал слова Саши полностью:

По телевидению выступил президент России. Он сказал, что весь наш народ скорбит по погибшим и что немедленно будет оказана помощь, как для восстановления великой Южно-Саянской ГЭС, так и для переселения потерявших жильё граждан в новые дома...

Затем представитель РАО «ЕЭС» пообещал возместить материальный ущерб: семьям погибших — по 500 тысяч рублей на семью, за получение увечья — по 50 тысяч рублей на каждого.

Сразу же по другим телеканалам выступили лидеры партий. Они заявили, что предложенные властями деньги смехотворны, надо платить в десять раз больше... И ещё прошёл слух, будто бы представитель «Единой России» намекнул, что местное руководство совершило огромные, невосполнимые ошибки в недооценке природных катаклизмов... Значит, возможен Указ Президента о снятии губернатора Саразии, а также наверняка заменят директоров ГЭС и САРАЗа...

И ещё. Волна, прокатившись вниз по Зинтату, как по лестнице со ступенями, натворила много иных неприятностей. В общей сложности по берегам были смыты около тридцати сел и шесть пристаней, сорвано с якоря и унесено множество теплоходов и лодок, размыв один химсклад в Саракане, скотомогильник в селе Тяжино, вышвырнуты тонны циана из отстойников Алексеевского золотого рудника, потревожено два кладбища. Кроме этого, в бешеном паводке утонули — если народ не привирает — с полтысячи коров и несколько тысяч овец, не считая обезумевших от страха собак и кур...

Пересказав с пятое на десятое слова друга, Хрустов повалился лицом вниз. Он потерял сознание. Мы бросились ко Льву Николаевичу, уложили его на диванчик, я открыл бутылку минеральной — и шипучей пеной обрызгал ему лицо. Наконец Лев Николаевич очнулся.

Васильев, погладив ему слипшиеся кудри, внятно сказал:

— Успокойся. Паводок через гребёнку не страшен.

— Дайте мне!.. Я в Москву позвоню!.. — словно вспомнил, что есть связь, Ищук. Но Маланин с телефонной трубкой бегал за окнами.

— Какой смысл звонить, — пробормотал Туровский. — Надо скорей выбираться отсюда. Конечно, это лучше, что волна просто перекатилась, как водопад. Вот если бы во время землетрясения плотина выступала над водой, удар мог бы быть ужасный.

— А завод, а посёлок тебе не жалко?! — захрипел Ищук, вцепившись руками в край стола.

— Ну, зачем вы так?.. — ноющим голосом отвечал Туровский. — Ну, посадят меня, не вас же.

— Сашка Иннокентьев сказал: по НТВ говорили — волна тридцать метров, — повторил Хрустов. — Может, преувеличение? Они часто врут.

Никонов отрицательно покачал головой.

— Когда дергается земля... цунами... как у нас на Востоке.

И какое-то время все молчали. Ищук скрежетал зубами и плакал. Конечно, всем было понятно: при землетрясении могла, могла родиться высочайшая волна. И она, взлетев в искусственном море при грандиозном толчке снизу, покатила вниз... Но почему же тридцать лет назад проектировщики ГЭС про землетрясение не подумали? Шли на авось, на шарапа?! Или сейсмологи успокоили? Они всегда, везде писали: в Саянах малосейсмичная зона. И словно отвечая на эти неизбежные вопросы, Алексей Петрович негромко произнес убийственные слова:

— Землетрясение может быть спровоцировано и в малосейсмичной зоне — гигантским давлением новоявленного моря на плиты. А кто это может учесть? Разве что теперь начнут об этом думать...

Я тоже понимал: не паводок страшен. Страшнее любого паводка волна — локальный таран воды. Господи, неужто всё так и произошло?! Что же там с близкими? Что с народом?

Вертолет завода прилетел через полтора часа после телефонного вызова. Лихорадочно погрузились. Первым занесли и положили на брезентовый полог Григория Ивановича Семикобылу, сунув ему под голову чью-то куртку, — от усталости и всего пережитого он был невменяем. Обмякшего пьяного Маланина, затащив вовнутрь, пилоты усадили под самой кабиной, справа. Губернатор спал с открытыми глазами. Ищука уложили в ногах,

слева, на вынутую из чехла палатку. Через бочку с керосином от него на железных сиденьях примостились Бойцов, Никонов и Туровский. Хрустов и я сели на мягкие мешки у выхода. Морщась, лег возле нас Васильев.

И пока летели, все безмолвствовали. И никто никуда больше не старался позвонить. Да и вряд ли дозвонились бы из вертолета — металлический корпус экранирует связь. А пилотов просить ни о чём не хотелось.

Летчики, судя по их лицам, уже знали, что где-то здесь, внизу, на дне погорит сожжённый молнией ночью такой же точно винтокрылый зелёный аппарат с людьми. Мне даже показалось: пилоты неприязненно оглядели всех своих сегодняшних пассажиров, принимая на борт. А за что уважать? Улетели решать дела на природу, да ещё девиц, видите ли, захотелось пощупать в сауне... Так говорит народ. А народ всё знает.

Вертолёт под ветер несло быстро. Внизу посвечивало бескрайнее наше рукотворное море, словно кипящее из-за ветра и редкого дождя. И вот она, плотина! Мы все метнулись к иллюминаторам...

Её почти и не видно — она сокрыта под движущимся пенным слоем воды — так в кино показывают обвал Ниагары. Хрустов вскрикнул, оттолкнул меня, прильнув щекой к стеклу. И я рассмотрел из-за его плеча: вздрагивая, показались домики Виры... но почему их так мало?... Валяются бетонные плиты, как костяшки домино... а где бараки, которых ещё оставалось штук двадцать? Где склады? Где столбы с проводами? Где люди? На правом, более высоком берегу, стоят каменные здания более поздней застройки, и в одном из них квартира Хрустова... но что это? У всех у них со стороны плотины окна черны, стёкла выбиты... неужто так высоко хлестнул вал?

Позвольте, даже ЛЭП легла на скалу... и крепчайшие провода взвились, как тонкие струны над гитарой... градобойный трос, как пружиночка, трепещет... Неужто это не сон?! Господи, где люди???

«Наверное, до моего города не дохлестнуло... — со стыдной радостью подумал я. — А вдруг и наших достало?..»

— Больница!.. — закричал в грохоте движков Хрустов. — Я не вижу!.. Где?!

И в самом деле, деревянной старой лечебницы, стоявшей на холме за новым ДК, словно и не было никогда... деревья, посаженные вокруг, лежат вповалку...

Хрустов задергался в истерике, в слезах — его крепко обнял Бойцов и прижал к себе.

— Сделайте круг!.. — подскочив к лесенке, ведущей в кабину, закричал Туровский.

И вертолёт снизился, прошёл над изогнутой водяной горой. Я метнулся к другому иллюминатору — водобойный колодец наверняка размозжен, вывернут... — тысяч шестнадцать, а то и двадцать тысяч кубометров воды в секунду — такого не бывало в мировой практике. Если бы было, я бы знал — просмотрел в интернете для музея множество страниц информа-

ции... Впрочем, станция, её гидроагрегаты, внутренняя техника могли уцелеть. Вал прогремел поверху, разве что когтями вырвав двери и стекла... ГЭС была мгновенно обесточена и простоит так до той поры, пока не про-

верят механизмы, не восстановят подстанцию и высоковольтные электрические линии...

В самом деле, если бы не высокий поводок, созданный ливнем, если бы не вода, уже переливавшаяся поверх гребёнки, мощный водяной удар мог бы оторвать и опрокинуть обычно выпирающую верхнюю часть плиты.

— Боже мой!.. — причитали мы, глядя вниз. Очнулся Ищук, очнулся и Маланин, полезли, скользя на ребристом стальном полу, к иллюминаторам.

Лишь один Сергей Васильевич Никонов, словно закаменев, сидел на железной скамейке, глядя под ноги. И Васильев, один раз глянув вниз, снова отполз в хвост вертолёт и, царапая пальцами грудь, упал лицом вниз.

Бойцов несколько раз оглянулся на него и, через минут пять, почуяв неладное, проскочил по салону, схватил за кисть.

— Что?! — в страхе, немыми губами спросил Туровский.

Бойцов склонился над стариком, прижался ухом к груди. Снова попытался поймать пульс.

И глядя в глаза мне, Валерию Ильичу и Хрустову, так же беззвучно ответил:

— Альберт Алексеевич мёртв.

— Сажайте!.. — заревел вверх, через дверку пилотам Ищук. — Не тяните кота за хвост!

Он и Маланин пытались отсюда, сверху дозвониться с сотовых телефонов до своих близких, до своих помощников, но связи не было... И не судьба Васильева их сейчас, конечно, волновала. Умер так умер.

— Быстрее!!!

Вертолёт неожиданно взмыл, почему-то пошёл прочь от вертолётной площадки и начал кружить — над опушкой тайги, над холмами и каменными карьерами.

— Что такое?!

Вертолетная площадка оказалась занята, это мы сейчас увидели: на ней стоят с работающими двигателями три вертолёт МЧС. Ни справа, ни слева для того, чтобы приземлиться, места также нет — повсюду валяются бочки, доски... развёрнутые ветром и разломанные АН-2...

Наш вертолёт двигался, рыская, то вправо, то влево.

Скоро, скоро он выберет какое-нибудь подходящее место и приземлится, и мы, наконец, увидим всё, что случилось, и обо всём узнаем.

И я расскажу вам о том, что увижу и узнаю.

А сейчас, пока мы кружимся в небе над местом гигантской катастрофы, остаётся вослед за Хрустовым воскликнуть: а стоила ли эта грандиозная, из железа и камня стена до небес столько слёз и горя?

Ведь если не эта стена, так была бы другая...

И ни при чем здесь Москва, всякие РАО, начальники, партии...

Есть что-то выше всего этого. Это когда человек кричит через века.
Или в этом также нет смысла? Скажите, птицы и змеи, бабочки и коровы,
пчёлы и лошади, львы и крокодилы, марсиане и простые люди!..

1978–2005 гг.
г. Красноярск

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ДО И ПОСЛЕ АВАРИИ

Вспомним Марину Цветаеву — не зря у неё однажды вырвалось: «Стихов стараюсь не писать — они сбываются». Но литературная работа — не профессия, а призвание, отказаться от которого писатель не может. Он всегда — тот самый андерсеновский ребёнок, который первым кричит, что король — голый! И этим он неудобен не только власти, но и обществу. Люди при жизни писателя часто видят в нём лишь возмутителя спокойствия. А писатель искренне желает только одного — поделиться своей тревогой и попытаться предостеречь всех от надвигающейся беды. Правда, к нынешним авторам «другой литературы» это не имеет никакого отношения — они занимаются бизнесом, а я веду речь о русской литературе...

Роман Солнцев выпустил при жизни несколько десятков самых разных книг. Это пьесы, рассказы, повести, романы и, конечно же, стихи. Мы публикуем сегодня (с разрешения вдовы писателя Галины Николаевны) последние главы романа «Золотое дно», в котором предсказана реальная катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС.

Пророчество это или предчувствие — так ли уж важно? В произведениях Романа Солнцева запечатлелась наша общая эпоха — эпоха оттепели и смуты, эпоха незаживающей памяти о репрессиях и о великой Победе в священной войне, эпоха покорения космоса, гигантских строек и развала СССР. В них запечатлелась личность самого автора, имевшего кроме Божьего дара ещё одно неоценимое качество — совесть.

Растрёпанная совесть, неутраченная боль за всё, «что с нами происходит», — вот что отличало Романа Солнцева от «детей Арбата» и что сближало его с Астафьевым и Шукшиным.

В 1993 году вместе с Виктором Петровичем он создал и возглавил в Красноярске литературный журнал «День и ночь», здравствующий, слава Богу, и поныне. Чем отличался и отличается «ДиН» от московских «толстяков»? Журнал наиболее полно показал — русская литература существует и за пределами Садового кольца. Недаром Солнцеву нравилось крылатое выражение Поля Вер-

лена: «Поэт рождается в провинции, а умирает в Париже». Журнал объединил на своих страницах всю литературную провинцию от Калининграда до Владивостока, а также русское зарубежье — и ближнее, и дальнее, открыл сотни новых имён. А ещё важно то, что в «Дне и ночи» нет идеологических баррикад, какие существуют, например, в «Нашем современнике» или в «Знамени». Солнцев публиковал и левых, и правых, почвенников и космополитов, наивно пытаюсь собрать вместе тех, кто после развала Союза разбежался по углам. Он изо всех сил доказывал писательскому сообществу: грех разрывать русскую литературу на куски, можно и в одном издании спорить открыто и честно, лучший аргумент в споре: качество текста. Качество текста в журнале «День и ночь» не уступало столичному.

Роман Солнцев! Какой всё-таки точный псевдоним выбрал себе в начале литературного пути (а начинался этот путь в Казани, на физмате) татарский парень из Мензелинска Ренат Суфеев, цыганистый смолоду и моложавый, несмотря на седину, в неполные шестьдесят восемь — всего лишь... Его скосила неизлечимая болезнь, а способствовала ей боль души — боль за всех нас.

Мы были лично знакомы только девять лет. Однажды Коля Беляев в письме ко мне назвал его — «Солнышкин». А красноярские друзья дали ему прозвище «Ромашка». Я думаю, что псевдоним земляку помогали выбирать небеса, куда он и ушёл, исполнив своё земное предназначение честно, достойно, талантливо и светло...

Романа Солнцева не стало в апреле 2007 года. «Золотое дно» было им написано, если я не ошибаюсь, в 2005-м. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС случилась в сентябре 2009 года. Нужны ли комментарии?

ПОЭМА СОЛНЦА

Памяти художника Алексея Авдеевича Аникеёнка

*Если кто-нибудь скажет,
что предлагаемая рукопись — поэма,
я с ним соглашусь.*

*Если кто-нибудь скажет,
что предлагаемая рукопись — не поэма,
я с ним соглашусь тоже.*

Николай Глазков

I

Картина невозможна без теней.
Чем тень темней,
Тем яростнее солнце!
Мы бьёмся с тенью прошлого, но ей —
Увы! —
Густеть местами удаётся.
Так может быть —
Чем явственнее солнце,
Тем наши тени резче и черней?

1962

II

Я спешил,
Мороз не отставал —
Драл с непосредственностью
Неотразимой.
Навстречу мне рассвет поднимал
Красные веки над улицей синей.
А чёрные ветки молчали едко.
Хлопали двери.
Вздрагивали дома.
Воробьи для памяти
Клинописью
Пометки
Оставляли на белом снегу двора.
В каком-то оконце
Девчонка пропела: «— о це
Утро!»
И я улыбнулся.
И выкатилось солнце,
Будто...
Впрочем, не бойтесь,
Не солнце-символ.
Обычное, будничное,
Сивое...

1962

III

Это просто —
Вы вслушайтесь
В трамвайную прозу:
Слово двоятся, словно
тоненький язычок кобры:
«Будьте добры...»
Что это — лозунг?
Или — подозрение твердолобое,
Что все окружающие — недобры?!

1962

IV

Дорожные знаки!
Знаки восклицательные,
Предупреждающие зигзаги,
Полинявшие указатели —
Судьбой моей озабочены,
Мелькают они за обочиной.
А шоссе — петляет,
Шоссе дурит,
В леса ныряет,
На холм взлетит,
Вниз спускается,
Разгоняется, мчится...
И вдруг в ковылях — обрывается...
Я вышел к былинному ветру степей.
Я вижу следы богатырских коней.
Здесь Русь начиналась,
Здесь битвы велись,
Здесь правда и вымысел переплелись...
И в тридцатые царства земли
Тропы заветные пролегли.
Но где же камень?
Где надпись на камне?
Щебёнка...
Какой многомудрый дурак
Вместо сказки, что так нужна мне, —
На столб водрузил
Вопросительный знак?!

1961

V

В безверии,
Как в безветрии,
Не чувствуешь назначения.
И крутят тебя и вертят
Таинственные течения.
Все компасы с корнем вырваны.
На кой они — компасы, полюсы...
Ведь сердце всегда ориентировано
Перпендикулярно подлости!

Но в чём-то ты врёшь.
 Под робой,
 Не уставая гудеть,
 Сердце колотит о рёбра
 Рыбой, попавшей в сеть.
 И руки у парня натруженные.
 А ведь рядом, чёрт побери,
 Ходят мальчики, розовые снаружи
 И бесцветные изнутри...

1962

VI

— Здравствуйте, профессор, знаток Горация...
 Скажите, местный
 титан эстетической мысли,
 Как появилось в русском языке
 Словечко — «девальвация»?
 И ещё
 мне очень хотелось бы выяснить...
 (Он щурит холодные глазки.
 От света ли?)
 — Скажите честно —
 Скольких вы предали?
 Взрагивает.
 Стирает испарину липкую.
 Он стоит перед нами
 Ободранной липкою.
 Мысли мечутся, словно собаки у брода...
 И, не найдя другого исхода,
 Профессор прячется в розовую
 резиновую улыбку.
 Он давно её носит.
 С тридцать седьмого года.

1962

VII

На чёрном стекле — звезда.
 У неё оранжевые ресницы.
 Странно: московское — шесть,
 А ночь — словно дна ей нет.

Что, если никогда
Больше не состоится
Рассвет?

Никогда не рухнет сноп золотой
На доски щербатого подоконника,
Навалится
Мрак холодной плитой...

.....

Я щёлкаю клавишами приёмника.
Жду, широко распахнув глаза,
Жду...
Как долго катоды греются!
Сердце, спокойнее, так нельзя...
Но — громыкает по комнате сердце!
И вот — уверенно, беспристрастно,
Вплывают,
Отскакивают от стены,
Сталкиваются,
Окрашенные в рассветные краски
Гулкие позывные моей страны.
И я поднимаюсь.
И мне смешна
Изобретённая мной тишина.
Тишина
С лицом кибернетического уродца,
Каплями долбившая меня по темени.
И это не сердце моё колотится —
Это сигналы поверки времени,
Поверки готовности
Сквозь бессонницы
Круглосуточно
Видеть солнце!

1962

VIII

Пылают оранжевые деревья,
Цветут голубые весенние реки,
Сияют снега...
Сколько доверия,

Сколько солнца в одном человеке!
От солнца каморка, как небо — бездонна,
Солнце таится в холстах на полатах,
Оно в перевязанных пачках картона
Спрессованное,
Валяется под кроватью.
Сколько весёлого, доброго солнца!
Оно воюет, оно не сдаётся,
Хлещет рекой, опрокинув заплотину,
Лечит,
Недобрую накипь смывает,
И я узнаю янтарную родину,
Которой так часто мне не хватает.
Пылают оранжевые деревья,
Цветут голубые весенние реки,
Снега полыхают...
Но недоверие
Ещё не задушено в человеке.
Ведь кто-то ещё живёт по старинке
В плену потёмкинских декораций.
Ну как им искусства не опасаться?
Как решиться на дерзкую операцию
С собственным глазом? —
Не озираться,
А на людские сердца опираться.
Штампуют картинки.
На них — ни крупинки
Солнца будущих навигаций.
Герой:
В руках — кирпича половинка
И ключ —
Сорок восемь на девятнадцать!
А парень на холст из обеда выкраивает,
В стеклянные двери стучится напрасно,
Где всех однобокая мудрость устраивает:
«Солнце в подобных дозах — опасно!»
И сквозь коммунальные коридоры
Уходит творец — непокорный, угластый...
Но солнце...
Люди!
Ведь солнце скоро
Достигнет своей критической массы!
Люди!

В нашем дворе,
В тридцать третьей квартире,
Под кроватью —
Солнце!

1962

IX

Осень.
Пустынная очень.
Холоден вечер, мглист.
Я занемог.
Осень
Поселилась в грудной клетке.
Сегодня я одинок,
Как последний осенний лист
На голой,
Продрогшей от ветра ветке.
Брожу по скверам,
По листьям серым,
По ржавым страницам своей судьбы.
Болит голова.
Это просто нервы.
Махнуть бы куда-нибудь по грибы!
Но вот, миную оградные копыя...
(Снова, снова всё-таки встретился!)
Живая, дьявольски точная копия,
Двойник железного Феликса!
Шинель комиссарская.
Жесткие брови.
Острый,
Как ветер, пронзительный взгляд...
(В городе нашем о нём, не скрою,
Много всякого говорят).
Кто он?
Случайный ночной сумасшедший?
Трагик, пожизненно вжившийся в роль?
Жертва эпохи недоушедшей?
Алкоголик?
Или — герой?
Недоумок?
Или блюститель

Линии, гнувшейся волей вождя?
В битве с народом палач-победитель?
Разделены мы решёткой дождя,
Но разговор наш идёт, тем не менее,
Ибо мы оба сегодня — артисты...
— Кто ты? Чекист?
Ну а как при Берии?
Не обижал?
(Ну ответь: — катись ты!
Ну обзови сопляком, подонком,
Звонкой пощечиной награди!)
Старик в усы улыбается тонко,
Как памятник — прячет ладонь на груди.
Играет...
Кого — он и сам не знает.
— Думайте, юноша!
Время не ждёт,
Время над вами звездой нависает
Пятиконечной...
Она обожжёт
Ваших мыслишек сырую глину.
Успейте хотя бы чашку слепить,
Чтобы в суровую, злую годину
Друга водой из неё напоить...
— Дядя! Звезда — это символ.
Не надо
Высокопарностей.
Сыты. Всласть.
Друг — инвалидом вернулся из ада.
Он воевал за советскую власть.
Ну а сегодня чинушей речистым,
Властью — зачислен в её же враги.
И формалистом чествуют, и фашистом...
Где там — и пикнуть теперь не моги!
Тут не в идеях разгадка, поверьте...
— Юноша, дай вам бог поскорей
Найти на дороге в красивом конверте
Энное количество тысяч рублей!
Уходит...
Пижон.
Сухостой.
Пустышка.
Я-то думал — калёный тип...

Пообщаться — и то не вышло.
Осень.
И — нервный, под глазом, тик.

1962-1970

X

Над кладбищем, над символами тлена,
Над шелестом разросшейся травы
Талантливо,
Светло и вдохновенно,
Грохочут молодые соловьи.
Рокочет торжествующая лира,
Тревожа вечернюю высь.
Что — мертвецы?
Что — все могилы мира?
Мы, соловьи, поём весну и жизнь!
...Но чёрная, как старая берёза,
Проходит женщина тропой тишины.
Ей соловьиные рулады не слышны.
Её словами не утешить.
Поздно.

1961-1962

XI

Не с сусального сосулечного бреда
И не важно — осень или лето —
С дружеской улыбки и привета
Начинается
Весна света!
С чёрных пашен
И с космической выси
Начинается
Весна мысли!
С песни, спетой
Без оглядки, без испуга
Начинается
Весна духа!
С человеческого доброго участия
Начинается весна счастья!

1963

XII

Читаем стихи в молодёжном кафе.
Людно. Накурено. Пьяновато.
Подходит —
Высокий, седой, нагловатый,
Бросает одесское:
— Мальчики, фе!
Я только тень.
Я уже нетипичен.
Я чисто случайно зашёл с дружком.
Стихозой балуетесь?
Мило... Отлично.
Но вот что я вам шепну на ушко:
Не захлебнитесь своими трелями,
Тирольцы, умники...
Там, на севере,
Я пачками вас, комсомольцев,
Расстреливал.
Остатние — только в солнце и верили...
Зрачок ледяной.
Волевое лицо.
Не винтик с головкой заподлицо —
Фанатик...
Лбом разобьёт подоконник!
Он всё ещё вертится, как колесо,
Толкнул которое — сам.
Покойник.
Мой друг ему руку кладёт на плечо:
— Сосед, не надо...
Давайте спокойно.
Вы пьяны.
Вас мучает одиночество.
Но вы не из тех,
Кто кончает в удавке.
Я буду помнить ваше пророчество.
Но вы-то, полковник, того — в отставке.
Нам не о чем больше.
Я так считаю.
Ступайте к себе, допивайте водку...
Меня вызывают.
И я — читаю,
Микрофон, как полковника, взяв за глотку.

Кричу — запальчиво, победительно —
О подлой жизни,
О честной смерти...
Но вы не аплодируйте речам обличительным!
Потому что когда я сажусь,
Подают треугольный конвертик
И в нём:
«Дружище!
Это — неубедительно...
Всё было куда сложнее, поверьте!»

1962-1963

XIII

Вечерний час пик.
Но пикать как-то не принято.
Острое чувство локтя,
втиснутого меж рёбер.
Вот так — на работу, с работы,
сквозь город...
Сквозь время и ветер.
Хоть времени — жалко,
А оно исчезает,
Словно билетик,
Скатавшийся в зябком пальце перчатки.
Кондукторша
(одна из последних!)
выкрикивает названия остановок:
— Радищева...
— Гоголя...
— Льва Толстого...
— Площадь Свободы...
— Ленинский садик...
— Простите, вы на следующей — сходите?
— Не беспокойтесь, там все сойдут...

1963-1964

XIV

Тайга изнывала в жаре комариной,
Сизая, словно черничник густой,

И переспевшей скрипела лесиной,
 И по ночам — леденела росой.
 Смотрела на звёзды.
 А звёзды — яснили.
 И руки вода обжигала в ручьях.
 И травы на сочных болотцах черствели.
 И что-то готовилось в этих ночах.
 Рябину знобило.
 Предчувствуя осень, крепилась...
 К утру её бросило в жар. И — началось!
 И пополз по откосам
 Красок осенних бездымный пожар...
 Безумствовал цвет чистоты невозможной.
 Тут слово бессильно.
 Взываю, молю:
 — Где ты, мой старый товарищ,
 Художник,
 Чьи «дикие» вещи —
 Любил и люблю!

Кузнецкий Алатау, 1963

XV

Одиночество.
 Гулкое,
 Как морозная белая степь,
 Где в ночном бездорожье
 В отчаянье ходишь кругами,
 И толчёным стеклом
 Визжит пронзительно снег
 Под смертельно промёрзшими
 Сапогами.
 Одиночество.
 Дом.
 Коммуналка, клетушка, музей...
 Дом, в который, порой,
 Возвращаться —
 И думать не хочется.
 Одиночество.
 Даже среди друзей.
 И с любимой женщиной — одиночество.
 Но когда по грунтовке отчаянно-рыжий мазок

Полоснёт
За предел, за черту —
Начинается творчество!
Не жалейте меня, не смешите:
— Ах, одинок!
Позавидуйте счастьем моего одиночества!

1964-1965

XVI

Прометей принёс человеку огонь.
И боги жестоко покарали героя.
Но человек — стал человеком.
Он сложил
популярную песенку о Прометее
и — задумался...

Потом — с дымящимся факелом Разума
Спустился куда-то в глубины атома,
Что-то открыл...

И не стало двух городов —
Хиросимы и Нагасаки.

Боги — самый жестокий народ.
(Боги — продукт коллективного творчества!)
Несколько тысячелетий назад
Они посмертно реабилитировали Прометея.
Но до сих пор говорить об этом
В обществе смертных
Как-то не принято...

1965-1967

XVII

Мы — люди.
Мы чудовищно горды.
Мы любим повторять на все лады,
что различаем и лелеем свет
звезды, которой — может быть, и нет.
Мы, люди, сверхъестественно горды —

мы доблестно молчим на все лады
о том, что мы не знали сотни лет
другой,
давно уже пылающей звезды.

1967

XVIII

В стеклянном магазине грампластинок
товарищ в пиджачке вполне приличном
довольно долго изучал «вертушку»,
и наконец — спросил:
— Почём Бетховен?

Молоденькая продавщица вздрогнула,
дежурно улыбнулась:
— Что? Бетховен?
— Да-да, Бетховен,
подсчитайте, девушка,
мне для подарка.
Я — всего возьму!
Покаюсь — исподлобья, с интересом
Я целый миг разглядывал мужчину.
И вдруг почувствовал себя
Усталым нищим.
И счёты протянул ему:
— Читайте!

(Считайте сами —
Сколько стоит детство,
умноженное на талант и мудрость,
Считайте сами — сколько стоит ветер
и горе над могилами надежд.
Почём безумье соловьиной ночи,
почём молчанье,
взрывы вдохновенья,
подушка, мокрая от слёз,
и пробужденье,
И ужас наступленья глухоты...)

Я говорил.
Он — ничего не слышал.

Ему коробку обвязали лентой,
И он ушёл — спокойный, деловитый,
И треть Бетховена
Подмышкою унёс...
А я купил бутылку «Ркацители»
и пряников.
И двинулся к художнику,
которого ещё не растащили,
не расценили в тугриках и злотых
и не купили.
И пока ещё бесценны
его улыбка и его сарказм.

1967

XIX

Падчерица-провинция
навекы повинна в том,
что варится,
что — звенится
в столице, за дальним холмом.
Москва высока, красива,
и в главном, порой, права...
Но что же такое Россия?
И что — без России —
Москва?

1967-1970

XX

Сразу всех обмануть нельзя.
Нам навстречу, сквозь время, горько! —
Светом тягостным бьёт в глаза
проницательный взгляд историка.
Он — забвение, слава, казнь —
три статьи из кодекса вечности.
Но сквозит даже в нём — боязнь
до конца понять человечество.

1966-1967

XXI

Только нищим даровано высшее счастье —
горьким ветром жестокой свободы дышать,
с небесами на равных —
гремять и смеяться в ненастье,
видя в сытой толпе —
как всеильны недобрые страсти,
боль в груди затаив,
Предначертанный путь совершать...
Только нищим доступно проклятое счастье —
горьким ветром жестокой свободы дышать!

1967

XXII

В ожиданье поворотов и событий,
как мальчишки,
мы играем в «да и нет». Не говорите —
в кошки-мышки.
В общепринятые тягостные игры —
в прятки-жмурки,
в незатейливые, в общем,
фигли-мигли,
в шуры-муры...
Так уж, видимо, ведётся:
если двое —
третий лишний.
Ну а трое — неизбежно,
аж до воя —
по рублишке...
У судьбы в кармане крашенные фиги —
рупь за штучку.
Отпустите в детство!
Я хочу не в кинга —
в «почемучку».

1968

XXIII

Опять от эпохи отстали мы.
Пришло вчерашнее «завтра».

Уже аплодируют Сталину
в тёмных кинотеатрах.
Но чудится за экраном,
за всем постановочным блеском,
что кладбища под Магаданом
уже поросли перелеском.
Что всюду приняты меры:
в Тайшете и на Урале
исчезли таблички фанерные
с безликими номерами.
И землю сухую, рыжую,
тощую, невесеннюю
трактора измурыжили:
«Осторожно — посеяно!»
Нет!
Осторожно — растоптано!
Осторожно — убито!
Восторжествовала подлость
и всё осторожно забыто.

...А вы, в залузганном зале
родной районной киношки,
аплодируйте Сталину,
ведь он вам —
как свет в окошке.
Ведь рукоплескать — привычнее...
И трудно жить без иконы.
Естественно — дело личное...
Но как же те — миллионы?

1968

XXIV

Художника сожгли
на собственных холстах.
Развеяв прах по свету, ликовали.
А он вернулся песней на устах,
такой, что сердце заходило от печали.
Тетради нотные макали в керосин,
с опаской пляшущую спичку подносили...
Но через час — вздыхал в гостинной клавесин
и всё о том же девки в поле голосили.

Вгрызался в глыбу мрамора резец.
И вновь — ваятеля волок жандарм к ответу.
Не знаю — будет ли когда-нибудь конец
у этой сказочки.
И сказочка ли это.

1968

XXV

Есть у птицы своя беда.
Пострашнее иных болезней
соловьиная слепота,
соловьиная верность песне.
Ослеплённый свободой своей,
с болью, страстью неистребимой —
роще, небу и птахе любимой
весь себя отдаёт соловей.
И в туманный рассветный час
в краснотале, в черемухе пенной,
как он свищет самозабвенно,
прикрывая бусинки глаз!
Есть у птицы своя беда.
Но охотнику — тоже известны
соловьиная слепота,
соловьиная верность песне.
О, умелец, подлец, ловкач,
меж деревьев бесплотной тенью
он крадётся, хищен и зряч,
подчинён своему вдохновенью.
У него ни ружья, ни свинца.
Он — знаток,
Он толк понимает...
Миг —
и вместе с трелью певца
с ветки
голой рукой снимает.
Зоревые, прощайте навек —
роща, небо над головою...
Аккуратный большой человек
ослепит соловья иглою.
Чтобы песня стала больней,
исступлённее, чище, слаще,

чтобы млели сердца:
— соловей!
Видно — курский, слепой, настоящий...
Над кроватью, скрипучей, как смерть,
не в зелёном раскидистом лесе —
пой,
обязанный в песне —
прозреть,
возродиться
с другими вместе!
Ты согласен на эту роль?
Уничтожат, распнут — воскресни!
Это наша слепая боль
у людей называется песней...

1970

XXVI

— Брось, не стоит соваться,
судить — не нам...

Затухают вулканы,
утихают огромные волны...
Романтики в двадцать, к тридцати годам
наших глупостей прежних
заботливо, насмерть
не помним...

Зарываемся в тину.
Уходим от схваток прямых.
Ни оценок разящих,
ни слепящего белого солнца.
Ах, мы ценим покой.
И бесстрастен узорчатый стих,
как морозные пальмы
на стеклах слепого оконца.

Стыдно прятать глаза,
чтоб не выдать глубинную боль
за отчизну родную, когда её так лихорадит.
Быть — трудней, чем не быть.
Да.

Но как омерзительна роль
в пышной свите певцов
при вельможном глухом бюрократе!

Правда — горькая, малоприятная вещь,
состоянья всегда наживались
расчётливой ложью.
Лучше нищим в постель
натошак от усталости лечь,
чем трубить о победах,
что в общем-то, очень несложно.

Жизнь настойчиво гонит,
как волны, свои «почему?»
Слабых духом ломает,
нечестно тасует колоду.
И поди предскажи —
одолеем, развеем ли тьму,
Иль надежда — навек
камнем канула в чёрную воду...

1970-1978

XXVII

Уехал художник из города,
такой-сякой и раззатакий...
Сбросив осеннее золото,
деревья голыми ветками
долго махали вслед ему...
Ветры поналетели —
лужи к часу рассветному
бельмами обледенели.
И тишина гнетущая
краном на кухне тешилась.
Но палитра цветущая
городу не примерещилась!
Мёрзнут дровишки в штабеле.
Мы не зря их пилили...
Не думайте, будто ограбили
город,
Будто убили
душу тысячелетнюю

отрицанием сказки.
К другу входя в переднюю,
вижу — пылают краски,
освещают всю комнату
вечным светом надежды!
Бродит мальчишка по городу.
И все дворы — белоснежны...

1970

XXVIII

Январь. Обида, душно. Колко.
А память крутит стрелки вспять.
Там — детство: подарили ёлку
и тут же уложили спать...
Подушка жаркая измята.
Молчи, молчи!
А в горле — ком.
И ночь глуха и необъятна
за тонким ледяным стеклом.

1972

XXIX

Мы весело начинали!
Бледнея, ложь обличали.
Стихи,
как время, колючие,
не читали — кричали.
Мы весело начинали.
В корявой строке звучали
С надеждой на что-то лучшее
гражданские наши печали.
Мы весело начинали,
кричали, но не молчали!
И всё же все наши крики
самих нас поукачали.
Мы гневные рты закрыли.
И смолкло живое эхо.
О боже, как тяжки крылья,
с которыми — не до смеха.

Судьба — разбрелись, разъехались,
 что-то порастеряли...
 Кого понесло в словесность,
 кто — ринулся в пасторали.
 Один починает ходики,
 порой — мелькнёт в периодике,
 и то скорей как утопленник:
 то руку покажет,
 то — лоб на миг.
 Другой — в болотце общественном,
 зато — на собственной кочке
 возводит хоромы.
 Естественно —
 под лозунгом: «В год — ни строчки!»
 Один ушёл в попечители,
 двое — в автолюбители,
 А этот мозгами раскинул,
 собрал, дай бог, половину...
 И сам я хорош —
 ушами
 прохлопал до сорока,
 а что нанёс на скрижали —
 найдётся ли хоть строка?
 Мы весело начинали —
 все, с мала и до велика!
 Но тихо в округе, тихо...
 А тишина — безлика.
 Мы весело начинали.
 Но это не оправдание.
 Всего лишь воспоминание.
 Воз...
 И — поминание.

1970-1973

XXX

Двадцатый век. XX-й съезд.
 И нам — по двадцать лет.
 Огромен мир!
 И волк не съест.
 И впереди — рассвет.
 Туманный...

Это ничего —
ведь мы идём вперёд
и твёрдо знаем —
что почём,
а что — наоборот.
Вот в космос первый человек
взлетел, коснулся звёзд.
И время — ускоряет бег,
и надо жить всерьёз.
— Успеем, право!
Жизнь — одна.
Одна... Куда спешить?
В бокале — далеко до дна.
Вот песню бы сложить!

Но слишком громкие слова
толпятся под рукой,
им всё на свете — трын-трава,
в них веры — никакой...

Охота к перемене мест
аукнется потом.
Друг не предаст.
Чека не съест.
Окно затянет льдом.

И, вспомнив молодости дни
с товарищем былым,
всё, что забыто, — помани
тем, тихим и незлым...

1973-1975

XXXI

Уехал художник из города,
в сферах иных витает.
И не знает, что городу
так его не хватает!
Мёрзнут дровишки в штабеле.
Мы не зря их пилили —
кому-то тепла прибавили,
в ком-то лёд растопили.

Всё это правда сущая,
 и в этом оттенок вещей есть:
 уехал художник в будущее,
 которое не примерещилось.
 Там всё по-иному сложится,
 прекрасней, добрее, чище.
 Там проще любые сложности
 и с мастерской, и с пищей.
 Он крепок. Сумеет. Сбудется.
 Своё, заветное, скажет.
 От максим своих не отступится,
 в яблочко — не промажет.
 Он там, вдалеке, блаженствует,
 на письма не отвечает.
 По главной улице шествует —
 встречных не замечает.
 Там — классиком стал и гордостью,
 в хоромах живёт, не тужит...
 Как страшно ударит новостью:
 там было не лучше — хуже...

1970-1987

XXXII

Прут бульдозеры на художников!
 Зашумел, загудел пустырь...
 — Формалисты! Дави острожников!
 — Опровергнем их в грязь и в пыль!
 Заревели моторы дикие,
 словно взвыла всеобщая дурь:
 — Отстоим идеалы великие
 без особых общественных бурь!
 — Пусть враги о своей демократии
 от восторга трубят в трубу...
 — Нам она — до свинячьей матери,
 мы видали её в гробу!
 Прёт бульдозер...
 Рукой искалеченной
 холст спасая,
 бывший танкист
 на бульдозерный нож, отечественный,
 свой, родимый, запрыгнув, завис...

— Во даёт, диссидент проклятый!
— В каталажку его! Ого-го!
— Солнце? Вряд ли...
На солнце пятна —
вот что главное для него!
О, какую мы дичь сморозили!
Не отмыться теперь вовек...
Просыпаюсь — ревут бульдозеры,
давят нас, аморальных калек...

1979-1988

XXXIII

Проклят год моего рождения.
Проклят путь мой, но я иду.
Ни сочувствия, ни снисхождения
я сегодня от вас не жду.
Потому что других виноватее
тот, кто видел, знал, понимал.
И вина моя тем необъятнее,
что всю жизнь я стишки писал.
Бесполезные и бестолковые.
Вам не знать их ещё сто лет.
Участь жалкая им уготована —
пусть пылятся, желтеют в столе...

1983-1988

XXXIV

Не кричу, не ищу понимания.
Сам сегодня себя не пойму.
Ночь зову — потемней, потуманнее,
чтобы просто побыть одному.
Чтобы выплакать неизречённое,
то, что камнем на сердце легло.
Я потом догадаюсь о чём оно,
что услышать над Волгой смогло.
Потерпи, не впервые такое с ним,
и не комкай в кармане платок.
Боже! Как бесприютно и горестно —
пароходный прощальный гудок...

1984-1987

XXXV

Колюч, независим, насмешлив,
в суждениях — резок и смел,
за что и щелчков, и затрещин
всю горечь изведать успел.
Его обвиняли в уменье
плодить не друзей, а врагов,
поскольку он весь — исступленье,
поскольку талантлив — как бог!
И что ему ваши каноны,
творцы современных пустот,
когда он пейзаж законный
за принцип вселенной берёт,
и весь его переиначит,
безжалостно перекроит...
И с тихой улыбкой ребячьей
на холст сотворённый глядит.
Там, в мире, который он создал,
от нас удаляясь навек,
обросший избёнками —
к звёздам
в телеге плывёт человек!

1987

XXXVI

Новую бессонницу в трубочку сверну,
гляну, вставив стеклышко, далеко увижу...
Нашей нищей юности гордую страну
оптикой немислимой хоть на миг приближу.
Дачного скворечника стильный неуют.
Ярою рябиною наш чаёк приправлен.
Но полотна яркие на стене цветут,
А под ними сидючи — сам художник явлен.
Он столичной выставкой громко знаменит.
Здесь — не признан начисто, фронтовик аника.
Славными коллегами в спорах не убит,
Хоть чинуш заслуженных бесит он до крика.
Все они, естественно, нас переживут.

Сытые, по выставке будущей пройдутся.
И оставят записи: мол, приятно тут,
радостно —
к прекрасному глазом прикоснуться!
А пока трагедия в силу не вошла,
Нам дано печалиться о делах сердечных:
явится-не-явится та, что обожгла,
и с холста, прелестница,
Так сияет в вечность!
Ревностью пока ещё не изрезан холст,
и улыбка чистая наши души лечит.
Боль в глазах художника и немой вопрос.
А она с другим уже, далеко-далече...
Живы мы пока ещё, молоды пока,
Нам ещё закатами любоваться можно,
наблюдать, как медленно гаснут облака,
и холсты подсохшие трогать осторожно...

1969-1988

XXXVII

И всё же мы видели Солнце!
Хоть сердце щемит от боли:
с талантом — трудней живётся,
с колючим, прямым — тем более.
Ведь кто ты — известно заранее,
ты сам не играешь роли.
А всё своё понимание —
держи в себе, как в подполье.
И умирай непонятым,
как советуют — молча,
Как все, кто ушёл от погони — в дым,
где стая бессильна волчья...
И всё же ты видел Солнце!
И человека видел.
Такое не всем даётся.
И ты на мир не в обиде.
Солнце тебя спасало,
когда ещё не светало,
ни света, ни тьмы не имелось.
Миром правила серость.
И назывался мраком
свет в перевёрнутом мире.

И обладали двояким
 весом любые гири.
 Каждый, кто видел Солнце,
 числился на подозренье,
 состоял на учёте
 за особенность зренья.
 И всё же мы видели Солнце,
 знали — оно вернётся,
 мрак — сгинет на дне колодца,
 а тем, кто верил — зачтётся!
 Взлетайте, орлы молодые,
 парите, сегодня — *можно*...
 Но — помните каждое имя
 тех, кто так горько не дожил.

1988

Тут, наверное, и кончить поэму надо было бы, попрощаться с ней; вроде бы, опубликована она уже в книге «Воз воспоминаний», выпущенной Татарским книжным издательством в 1991 году, огромным по нынешним понятиям тиражом — в целых 3.000 экземпляров! Но что делать — пишется она с 1961 года, продолжается всю мою жизнь... И всё — нет-нет, да и вспомню я лицо своего художника, взглянув на подаренные им холсты, или — наткнувшись, роюсь в бумагах, на старые почеркушки, фотографии, письма друзей... И снова — щемит сердечко, рождаются какие-то строчки... Видно, крепко повязала нас судьба.

Может — прав Вознесенский, сказавший когда-то, что в искусстве иногда парами существуют? Как сообщающиеся сосуды? Не знаю. Не мне судить. Я вряд ли что-то для него значил. А он оказал на меня влияние — какое старший брат на младшего не всегда оказывает... Поэтому — добавлю в «поэму» еще несколько стихотворений. Кажется, роковая цифра 37 — уже не так обязательна... По Высоцкому — я — из «нынешних», из тех, кто «проскочили». Может потому, что это — год моего рождения?

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Странной виноваты мы виной.
 Нами двигал вечный дух сомненья...
 Не спасли ни знанья, ни уменья,
 вот и нет фигуры ни одной
 в нашем (бывшем славном!) поколенье,
 кто бы знал — что делать со страной
 в час её прозренья и — затменья...

1996

* * *

*Памяти казанцев —
Бориса Михайловича Козырева
и Бориса Лукича Лаптева*

Деревня, хлынувшая в город, растворила
его в себе. И от культуры городской,
хотя бы той, официальной, разрешённой,
дистиллированной — остался только пшик,
отдельные молекулы в растворе, а то и атомы:
два-три интеллигента
на миллионный город,
чаще — физики
и математики —
в профессорских сединах
и странно: с родниковыми глазами
мальчишек любопытных...
Я застал
их поздний возраст
и навеки благодарен
Судьбе
за то, что их вниманьем благосклонным
отмечен был, и от общенья с ними
храню в душе частицу их тепла —
живой, горящий уголёк,
с которым
всё веселей в эпоху одичанья,
когда все звёзды — это шоу-бизнес,
весь космос — достоянье ВПК.

1996

* * *

Искусство — то счастливое «чуть-чуть»,
которое и гению даётся
не каждый день...
И тут — не обмануть,
как ни усиливай тенями, цветом — солнце...
Бессильны хитрости, уловки, мастерство,
ночей бессонных чёрная водица...
Ведь холст — не зеркало, в котором естество

по мнению публики способно отразиться.
 Всё, всё в тебе должно преобразиться
 и переплавиться в иное вещество!
 Иначе — стоило ли с красками возиться...

1997

МИХАИЛ ВРУБЕЛЬ

Как густеет в космосе куста
 сумерек сиреневая сочность!
 И прохладой веет от холста,
 колдовством...

«— Какая к чёрту точность!
 Или — смелость... В чём её нашли?
 Просто зренья честная работа,
 чтобы все поверили, вошли,
 ощутили — есть на свете что-то...»

Но всё ближе грозный пересверк,
 рокот голосов чужих, тревожных:
 «Только тот, кто демона поверг,
 одолел — не то что Бог — художник!»

1999-2000

* * *

Время охры и кадмия, ярко-лимонной листвы,
 жаркий отсвет багрянца и пурпура в зелени стойкой,
 краски осени щедрой небрежно-пастозны, густы,
 да ещё перечёркнуты птичьей стремительной стайкой...

Как не вспомнить о том, кто этюдник таскал на плече,
 по окрестностям шастал, холмы и откосы Заволжья
 прославляя, и сам — стал легендой в известном ключе,
 как борец с обязательной и общепринятой ложью.

Чьи холсты научились светиться, пылать, полыхать
 симфонической мощью раздумий, глубинностью чувства,

жаждой — каждое поле для нового сева вспахать,
чтоб на нём расцвело и созрело святое — искусство...

1999

* * *

Это на Волге в тумане — гудки,
это осенние предупрежденья,
зябкие будни великой реки,
плюханье плиц и буксиров круженье.

Это вода остывает, дымит,
лижет
ледком обрастающий берег,
звоны и шорох, шуршанье шуги.
Кто глубину этой грусти промерит?

Дохлая рыбина вмёрзла в припай.
Камни мазутом пропитаны рыжим.
Низкий, взахлёб нарастающий вой.
Словно по всем безымянным, погибшим.

1999

* * *

Человек из прошлого выносит,
если светел — пониманья свет,
только этим и богата осень,
чьей листвы пылающий букет
на скатёрке белой — невозможней
и непостижимей — жизни всей.
За работу — если ты художник,
если не болтун, не фарисей...

1999

* * *

Человек поднялся над средой.
 Выломился. В небо. Как-то разом.
 А среда учуяла:
 — Пстой!
 Так негоже...
 — Ты к-куда, зараза?
 — В люди? Значит все мы — не того...
 — Вырос, значит?
 — Гоп! Ату его!
 — Чтобы новой не стряслось беды —
 гнать его из нашенской среды!
 — Что б ни балабонили чего там,
 а болото быть должно болотом!

2000

* * *

Художник Дюфи, Рауль — утверждает,
 сто лет как стоит на том! —
 контуры тела не совпадают
 с его цветовым пятном.
 В красочность мира — вносите поправку,
 чувствуйте зыбкость границ —
 чтоб ни писали — зелёную травку,
 женщину, музыку, птиц...

2000

* * *

Прошрое, как на закате — тень
 оживает, все твои движенья
 плоско пародирует: задень,
 тронь его — оно, как наважденье,
 будет над душой стоять всю ночь.
 Не сдавайся, бормочи, пророчь —
 что возобладают силы света...
 Верь в простой и мудрый ход вещей.

И заря вознаградит за это,
тьнь растает, как в кино — Кощей.

1999

* * *

Есть места в России, где пейзаж
даже нехудожников волнует —
то пологим склоном, то откосом,
то — отвесом дальней колокольни,
То изгибом речки своевольным,
отраженьем неба и куста,
речкой перевёрнутого...
Сколько
довелось поездить, исходить,
вроде — должен был бы наглядеться,
красотой пресытиться, устать,
но — опять тропинка полевая
зазывает за деревню, к роще,
в лес, который всё недостижимей,
а всего-то — поле перейти...

2000

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

*За последние десять лет уточненная цифра
наших потерь в Великой Отечественной войне
выросла на семь миллионов.
Пять миллионов из 27 — без вести пропавшие.*

— я — из них, из без вести пропавших.
безымянный, как валун в полях,
нас всё больше...

Вам, живым, не страшно?
Вы — живые, или тоже — прах?

2000

Художник Алексей Аникиёнок и его работы

Пастухи

Алексей Аникиёнок

Домики

Озеро

Квартет

Лесничество

Портрет поэта Н.Бе

Мельницы на холме

Клоун

Возвращение с сенокоса

Церковь ночью

Окресности Пскова

Зимний дворик

Радуга за дървениями

Гуси-лебеди

* * *

Для художника точка на чистом холсте —
композиция... Буква на белом листе —
это точка прорыва в бессмертную речь,
клятва — помнить её, понимать и беречь.

2000

* * *

«Чтой-то звон, да чтой-то звон...» —
из-за острова.
Как в ночи — мужицкий стон,
беда острая...
Это к нам беда в ночи
обращается —
лупит в колокол, кричит,
возмущается...
Но — свалил повальный сон —
до набата ли?
— Всех один связал закон —
виноваты мы...
— Придавило всех виной
необъятною —
лечим водкой ледяной
боль набатную.
— Заливаем, чтоб не встать,
нрав не выказать...
— Пей, гуляй, едрёна мать!
— На-кось, выкуси!

2000

* * *

Сыны гармонии — не истиной живут,
земным страстям, иллюзиям подвластны.
Но музыка спасает их, несчастных,
когда над ними — ангелы поют...

Они и сами до конца не сознают
глубин, провалов, взлётов и контрастов,
когда на плоскости полотен создают
виденья, отблески мелодии прекрасной.

.....

Бесмысленен, ужасен русский бунт.
Но песня горняя —
не может быть напрасной.

9.12.2000

ЭСТАФЕТА

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЕВА

ПОЧЕРК

* * *

Где-то сломана программа:
мне опять не снятся сны.
Осень, осень — слишком рано,
слишком долго до зимы.

Непостижная немилость.
Непьянящее вино.
Как нелепо получилось:
слово — не объяснено.

Лишь дождей немые плети,
лужи, мутные до дна.
Тесно, тесно! Нету в клети
ни простора, ни окна.

Мало неба для разбега;
нечем дни соединить;
ни клочка сырого снега,
чтобы вспомнить и забыть!

Износились переплёты,
отвалились по куску;

ни одной метельной ноты,
чтоб вплести свою тоску.

Нет покоя, чтоб забыться
иль задуматься всерьёз;
нет сугроба, чтоб зарыться
и уйти в анабиоз.

И не скрыть имён от ветра,
молча стелет по земле;
ни снежинки, ни ответа,
ни узора на стекле.

Только листьев накосили
как цветов для похорон.
Осень без анестезии.
Мёртвый, гибельный сезон.

* * *

Ни о чём не попрошу.
Ты добрее, старше, лучше...
Здравствуй. Я тебе пишу
оттого, что снег всё гуще
загораживает свет;
он белит свои уголья,
и меня почти что нет
на пороге новогодья.
А стекло как рябью — льдом.
Тень дрожит в пустом вагоне,
и снежинки за окном
чуть не в пол моей ладони.
Звонкий рельсовый оскал
да усмешка семафора;
и летит моя тоска
в ночь, задёрнутую шторой.
Щемит сердце. Как впотьмах
среди твоих блуждаю строчек.
В напечатанных словах
всё равно проступит почерк.

Сон — последнее звено
и последняя отрада,
да твоё горит окно
за стеною снегопада.

* * *

То ли «нет», то ли «да».
Синеватая наледь.
Вот и всё. Холода.
Ничего не исправить.

Ты не то чтобы лишней,
но грустит у перрона
поезд в Нижний —
всего-то четыре вагона.

Гам. Дымит самокрутка.
(Ночи сумрачно лунны.)
Отъезжает маршрутка
до Парижской коммуны.

Перевозчиков прыть,
с багажом суматоха...
Я стараюсь не быть.
Получается плохо.

И гудки говорят
даже слишком понятно.
Холода. Снегопад.
К декабрю, вероятно.

* * *

Соприкасались плечи. А душа
была уже не здесь. Она металась
в такой дали, что становилось страшно
и пусто без неё. Она хотела
вернуться, но похоже, не могла.
Хотелось плакать, биться головой,
и что-нибудь крушить. И понималось

с холодной трезвостью, что это ни к чему;
истерики бессмысленны и пошлы,
а вещи так и вовсе ни при чём,
и в восемь на работу. Было душно...
И длилась ночь. И утро наступало.
И два чужих друг другу человека
лежали рядом, не соприкасаясь
ни клеточкой бессмертия души.

* * *

Память, завёрнутая в слова,
голос, твердящий, что я жива,
снегом набитые закрома —
вот оно, время моё, зима.

Приговорённая к вещим снам,
я ли учила тебя словам,
я ль берегла тебя, не спросив,
мне ли расспрашивать, как ты жив?

Жив — или сгинул в наплыве дней?
Тяжкие тени на дне трясин,
оторопь мёрзнущих тополей,
дрожкая дрёма нагих осин.

Может, сведётся и мне дожить:
прошое, вросшее плотью в лёд,
смоет однажды, перекрутив,
грязной лавиной весенних вод.

* * *

Как слово на губах рождается неслышно,
под шёпот облаков и шорох снежных круп...
Но белые поля заколосятся пышно
и слово невзначай я выпущу из губ.

И слово упадёт на землю будто семя.
Неужто мне уже не видется с тобой?

А я тебя люблю. И прорастает время,
и наступает год две тысячи седьмой.

А я тебя люблю. Какой расклад несложный!
Да простота сейчас немного не в чести.
Но удивлённый взгляд — растерянный, тревожный —
мне не забыть уже, и глаз не отвести.

Но вуют февраля бесщётные метели,
да время не спешит ускорить свой разбег.
И я иду. И все мосты обледенели.
И холодна Нева. И бесконечен снег.

* * *

Время — бесплотная тень — заморозило,
словно лесное эхо водит кругами,
с толку сбивает, тянется, точно жила,
сладко, струной звенящая между нами.

Вечер протяжен, сон не таит обмана.
Утро торжественно, радостно и морозно.
Снова: то я готова, но слишком рано,
то отвлекусь — ан глядь, уже слишком поздно.

Так и петляю, и удивляюсь реже,
щёлкают то ли числа, а то ли счёты.
Так в музыкальной шкатулке идут всё те же
заданные заранее повороты.

Круговерченье, снеговорот и смуту
вписываю прилежно в столбец абзаца.
Только и надо-то — выбрать одну минуту, —
но упускаю её, и не жаль, признаться.

А отчего? — от радости ожидания,
от ощущения, что в воздухе всё застыло...
Зыбкое слово «будет» милее знанья,
легче чуть суховато-глухого «было».

Боже! Среди неурядиц, когда задачи
прячут решенье (конечно, совсем простое),

как хорошо, когда впереди маячит
звёздочка, тишина, островок покоя.

И наступает безвременье, повторенье.
Дни застывают пёстрыми витражами.
Маленькая лагуна, стихотворенье,
строчка рефрена, шуршащая камышами.

Но постепенно, спрессовывая мгновенья,
дни, неизбежность, нежность, иносказанья,
время спружинит — и явью спаяет в звенья
«завтра», туман предутренний, обещанье.

Перебираю возможное. В каждом слое
(наперечёт, наощупь их ворох плотный) —
время моё, насмешливое, родное,
призрак блуждающий, мой огонёк болотный.

ДИНА САДЫКОВА

ЖЕЛАНЬЕ ЖИТЬ

* * *

Меняется почерк, и время —
Его направление и суть.
Лишь мёртвое сорное семя
Бесцельно блуждает, как ртуть.

Меняются в пьесе актёры,
И вновь превращаются в прах
Движения Терпсихоры,
Застывшие в мраморных снах.

Без трепета и сожаленья
Бумажный кораблик река
Волной поглощает. Мгновенье
Не спорит, что жизнь коротка.

И капля, точившая камень,
Уходит с волной в океан.
Ты веришь, что в Лету мы канем
И жизнь — только сон и обман?

* * *

Точно шерсть с дворовой, тощей псины,
Сходит грязными клочками снег.
С громкой музыкой проносятся машины,
И идёт куда-то человек.

Отсыревший ветер сушит крылья
На убогих ветках. Бледный свет
Безразлично смотрит в окна или
Оседает в лужах. — Там, где нет

Ни надежды, ни любви, ни муки...
А в затылок — тычется весна.
«Пачка сигарет» от зла и скуки
Не спасает. Выборы. Страна,

Где, скажи, твоё собачье счастье?..
Сделайте хоть Ношпу, медсестра!
Проявите малое участие:
Может быть, отпустит до утра.

НОЧНОЙ БЛЮЗ

Город, уснувший на женском плече
Только под утро, как будто
В шёлковом блеске холодных ночей
Счастья познал он минуты,
Спит, утомлённый своей же игрой
Праздных бессонных иллюзий,
Спит, как ребёнок, укрытый тобой
Мягким туманом, и в блюзе
Света неоновых ярких огней
Прячет усталости тени,
Шелест купюр, шелест лип, тополей,
Пульс фонарей, заведений...
Любящий скорость азартный игрок
Спит, как невинный младенец.
В русской рулетке финальный курок —
Лишь на ногте заусенец.
Город, скрывавший морщины свои,
Тюрьмы, больницы и шрамы
В роскоши звёздной тщеславия и
Мнимой свободы, так странно:

Ты не заметил, что вены дорог
Вдруг опустели под утро.
Первый трамвай. Блудный сын — на порог.
Брезжит рассвет в перламутре...

СНЕГ

Всё проходит: радость, дни, недели,
В кокон памяти вплетая жизни нить.
Остаётся тонкий запах ели,
Голос сердца и желанье жить...
И летят на белый клевер снега
Газовые бабочки огней.
Думая о новом — верю в небо,
И душе становится светлей.

СЫНУ

Ты узнаёшь меня по голосу.
По тёплым каплям молока...

А в небе самолётик полосу
Рисует через облака.

Он исчезает, будто не был,
В бездонно-синей вышине.

И убаюканное небо
Мне улыбается во сне.

Родное крохотное счастье
Спит сладко на моих руках.

Какая маленькая тайна
В твоих зажата кулачках?

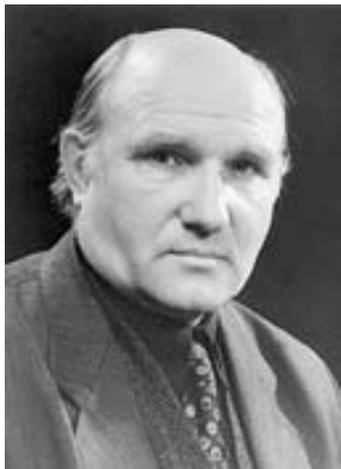
Ушедшее крылом прощальным
Растает в белых облаках.

Дыханье вечности и страсти
Дано мне в детях и стихах.

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ВЫШЕ РАДОСТИ И ГРУСТИ

* * *

Я вижу ясно и поныне
Всё то, что я не позабыл:
И берег речки в красной глине,
И росчерк ласточкиных крыл.

И поле, пахнущее хлебом.
И голубую лебеду.
А это я под тёплым небом
Белёсый, маленький иду.

Вот клевер в бархатной сорочке,
Вот чёрный жук, вот стрекоза...
Всё разгляжу до малой кочки,
Хоть завяжите мне глаза.

* * *

*Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.*

В. Ходасевич

Я потерял ключи от дома.
Там крыша в ожиданьи грома,
В окно в сиреновой ночи
Там ливнем ломаются лучи.
Там в летний полдень тишь и дрёма,
Там девочка у окоёма
Вся золотая, как солома,
Там сказка снится на печи,
Там столько близких, — хоть кричи...
Я потерял ключи от дома,
От мира целого ключи.

ПРИТЧА

Может, это придумка — не боле.
Вышла древняя бабка на свет
И взглянула на русское поле:
Что такое? А полюшка нет.

Удивилась. И слабую свечку
Подняла чуть не к самой звезде.
Посмотрела на синюю речку:
Что такое? А реченька где?

Бабка вышла, конечно, из Леты.
Если хочешь, возьми и проверь.
Оглянулась: ах, батюшки-светы.
Тут погост был. И где он теперь?

Кобылицами ржут магнитолы,
Всюду Моника вместо Марусь.
Это что же, неужто монголы
Возвернулись с Мамаем на Русь?

Где же ты, молодецкая сила?
Но ни песен родных, ни знамён.
...И плиту над собой затворила —
До иных,
до победных времён.

* * *

Привет тебе, забытый уголок
Моей Руси,
Моей любви и муки!
Цветёт во ржи весёлый василёк
И просится, как в детстве, прямо в руки.

Здесь на крылечко ветхая изба
Устало навалилась, как на посох.
Гриб, не снимая кепочки со лба,
Глядит на небо — вылитый философ.

Бежит речушка,
Светится вода,
Шмель разрывает солнечные сети...

Как много раз я приезжал сюда,
Чтоб убедиться,
Жив ли я на свете.

* * *

Сияет небо голубое,
Овраги в зарослях малины!
А жизнь — сплошное поле боя,
Куда ни ступишь, всюду мины.

Тебе всю душу продолбили,
Измолотили всю дорогу.
Тебя не раз уже убили,
Но ты живёшь — и слава Богу.

О эти сплетни, слухи, враки,
Витающие над тобою!
...Но есть малина, есть овраги
И это небо голубое.

* * *

В моду снова вошли скоморохи,
Балом правит циничный делец...

Я, наверно, отстал от эпохи,
Как от стаи — уставший скворец.

Вон мелькают за облаком белым,
Вон последние скрылись вдали.
Я прижался тоскующим телом
К увяданью родимой земли.

Птицы, птицы, хоть вы бы спросили,
Покидая болота и мхи,
Что так русскому плохо в России,
За какие такие грехи!

Что же это содеяно с нами,
Чем таким одурманили нас,
Что сама Богородица в храме
Не скрывает заплаканных глаз?

Сколько смеха, и крика, и глума,
Разодрали и душу, и плоть...
Потому и смотрю я угрюмо
В эту земь дорогую и водь.

Лишь одно моё сердце голубит,
Свято эту надежду таю:
Божья Мать в слезах, значит — любит,
Не оставит Россию мою.

* * *

Корень, может быть, и древний,
Вросший в самый шар земной...
Я не в лучшей жил деревне —
В пьяной, рваной, разбитной.

В божьем храме — склад колхозный,
Клуб по окна врос в бурьян.
Что ни царь в стране — то грозный,
Хоть один бы из крестьян.

Потому в душе острожник
Каждый труженик в селе.

Самый пыльный подорожник
Там стоит навеселе.

Всей душой, не зная рынка
И не плача о судьбе,
Там последняя былинка
Посочувствует тебе.

Потому что знает цену
Этой жизни горевой,
Где о землю, не о сцену,
Бьются буйной головой...

* * *

Мне никакого дела до гренад, —
Цвети, Гренада, как над лесом зорька!
Конечно, я певец родных пенат,
Родного дома, края —
Но не только.

Я сын России. К Родине душой
Я прикипел с весёлой колыбели.
И малую не смею от большой
Я отделить, как вы бы ни хотели.

Её просторы, слава, имена,
Избыток сил в движении упругом.
Я всю её люблю, она одна —
С моим селом, с Кремлём и с Петербургом.

Я по крупицам в сердце берегу
Всё, что с ней было — с самого начала.
И жжёт меня и «Слово о полку»,
И слово, что ещё не прозвучало...

ВЫШЕ РАДОСТИ И ГРУСТИ

Эти маковки, колонны, и кресты, и купола
Выше правды и неправды, выше горести и зла.

Выше тучки, выше точки самолётной в небеси,
Выше славы эти главы на незыблемой оси.

Эти фрески и апсиды, эти ниши, этот звон,
Этот свет нерукотворный от намоленных икон —

Выше радости и грусти...
От мирских утех далёк,
Это знает, встав на паперть.
даже бедный стебелёк.

* * *

Висят паутинки в сухом бересклете,
И птицы прощально кричат на заре.
Ещё одна грусть об утраченном лете,
Ещё одна осень стоит на дворе.

На дачах уже зажигают камини,
Сырые туманы встают над рекой.
И ветер дешёвые бусы с калины
Срывает в овраге железной рукой.

Под вечер иду закрывать ворота я
И вижу, как осень крадётся меж гряд.
А листья, уже ни о чём не мечтаю,
Вокруг одиноко летят и летят...

И ПЛАТОК ЕЁ...

В тёплых мальвах и в черёмухе ограда,
Плющ зелёной занавеской у окна.
Пропадаю — никакого с сердцем сладу,
Прихожу сюда, когда цветёт луна.

Прихожу сюда, когда плеснёт в колодце
Золотым хвостом упавшая звезда.
Дверь откроет, обомрёт и улыбнётся —
Кареглаза, и нежна, и молода.

Как поют в ночи невидимые трубы,
Как взлетает моё сердце и парит!

И она мне что-то тихо, губы в губы,
Что-то ласково и сладко говорит.

И всё ярче, всё пышней в оконной яме
Неба звёздного полночная парча.
И платок её с цветами и кистями
На пол падает с округлого плеча.

В тёплых мальвах и в черёмухе ограда,
В тонких пальцах только ласковая дрожь:
«Не ищи другую, милый мой, не надо,
Ты другой такой вовеки не найдёшь...»

Не нашёл. И эта встреча не вернётся.
Оттого в душе такие холода.
Не плеснёт уж мне таинственно в колодце
Золотым хвостом упавшая звезда.

СПАСИБО

*Никого посторонних,
одни лишь свои — мужики...
Н. Тряпкин*

«Ну вот что, — сказали деду, — мужик ты у нас
степенный,
Какая идёт свистопляска и сам ты понять
должон.
Лошадь возьмём, корову, опишем дом
пятистенный,
Ты только, Сергей Иванович, не лезь, не при
на рожон».

Дед побелел, ручищей схватился за толстый
шкворень:
«Да у меня же восемь, и все они мал мала...»
Стояли. Чесали затылки. «Ну вот что,
едрит твою в корень,
Ночью в лесок укройся, — сказали, — и все дела.

Ты вот что, Сергей Иванович,
спрячься на Решетихе,

В омшанике перебьёшься, не ссылка, чай,
не острог.
Строгай там грабли и вилы, сиди себе только
тихо,
Детей как-нибудь накормим, пошлём и тебе
кусок...»

И дом в этот день огласился таким и воем и плачем,
Как будто нещадно кожу сдирали с людей живьём.
Вот так в том двадцать девятом и был мой дед
раскулачен,
Забрали всё, но, спасибо, оставили детям дом.

Спасибо, что дед не помер, спасибо, что бабка тоже,
Спасибо, что лишь на фронте погибли их сыновья.
Тем мужикам спасибо, что выдохнули: «Поможем»,
Спасибо, что смог родиться и всё рассказать вам я...

* * *

Я земные дороги пешком исходил,
В небесах, словно птица, летал.
Дратвой времени, сколько хватало мне сил,
Я душевные раны латал.

И любовь я узнал, и с изменой знаком.
Задышался порой от потерь.
И грущу лишь о том, что в родительский дом
Навсегда заколочена дверь.

И страны, о которой сквозь слёзы я пел,
Больше нет в этой жизни земной.
И не сладко там пил, и не жирно там ел,
Но зато я гордился страной.

На святые сегодня гляжу образа,
Им не будет вовеки замен.
Под ногами — земля, надо мной — небеса,
Остальное всё мелочь и тлен...

* * *

Коль пашет он — цветёт долина.
Коль в бой идёт — так до Берлина.
Коль влюбится — до смертной пытки.
А коль пропьётся — так до нитки.

* * *

Так вот всему и вся итог,
К чему пришли в своей гордыне.
Смотри: вот — Запад, вот — Восток,
А мы опять посередине.

Нам щит уже в который раз
Держать направо и налево
От жадных рук, от хищных глаз
И вулканического гнева.

Теперь от собственной нужды,
Спасая и родную кровлю,
Нам заливать чуму вражды
Своею жертвенною кровью.

Теперь одно осталось нам:
Иль впредь стоять, как исполины,
Иль пасть угодливо к ногам,
Для бития подставив спины.

Но если меж свирепых рас
Не будет нас — взгляните шире:
Всемирной ярости фугас
Поставит крест на этом мире.

* * *

Отгремела вьюга жестяным ведром...
Кто — пером гусиным,
Я — простым пером:
Всё о том, как стало мне невмоготу
Ждать, когда взорвутся яблони в цвету,

И пройдёт гармошка,
падая с плеча
От задорной песни, как от первача.
Отгремела вьюга...
Значит — скоро гром.
Скоро ливень хлынет чистым серебром.
И фиалка снова выбежит на луг,
Встанет предо мною: ты ли мне не друг?
Руки молодые вскинет, как во сне:
Это я, любимый! Вспомни обо мне...
Вспомню. Залюбуюсь. Напишу потом
Не пером гусиным,
а простым пером,
Как гремела вьюга, как из темноты
Мне фиалкой нежно улыбнулась ты...

* * *

Ты всё понимаешь неверно,
Уж лучше меня отпусти...
Прости. Сдали нервы, наверно.
Конечно же — нервы. Прости.

Мы столько летели по кругу,
Забыв оглянуться назад.
Погибельно в русскую вьюгу
Стремиться к себе наугад.

Все чувства в пути разметало,
Все чистые наши мечты.
Прости. Ты, конечно, устала.
Ведь ты не совсем уже ты.

И тело, и душу, и мысли,
Сгорая, как песня — дотла,
Ты всё этой призрачной жизни,
Не чужая в ней лжи, отдала.

И карта у каждого бита,
И каждый страстями распят...
Но снег всё летит под копыта,
Но кони летят и летят.

* * *

Свет бы сиял голубой,
Видеть бы только дорогу, —
Всё перетерпим с тобой,
Выдержим всё понемногу.

Меч сохранили и плуг,
Есть и молитва в подмогу.
Мы же в России, мой друг,
Русские мы, слава Богу.

Истина тем хороша,
Что и звучит непреложно,
Родина — это душа,
А без души невозможно.

Милый родительский дом
В снежной январской извёстке...
Бездну — и ту перейдём
Ради родимой берёзки.

Может быть, в стуже земной,
Ложью пропахшей и кровью,
Мир и спасётся одной
Нашей несчастной любовью...

СВЕТЛАНА САВИЦКАЯ

Три сказки

ТИН – ТИ – НЕЙ

Она родилась как сотни, как тысячи детей на планете, но он полюбил её сразу, с первого взмаха крохотных детских ручек. Он назвал её Дин-Дин, потому что её звонкий первый плач разбудил в его душе трогательную песню.

Дождь ворвался в открытое окно, чтобы дотронуться несколькими успокоительными каплями до её ангельского личика и подсказать матери, как следует назвать девочку. Так прошло крещение.

Дина росла на радость матери спокойной и неприхотливой. Никто не заметил, как тёплый дождь Тин-Ти-Ней уверенно поселился возле маленького городка, наполняя округу волшебным шелестом. От его чудодейственной силы не только благоухали цветники, пополнялись реки, умывались крыши, от его прозрачной светлой песни, льющейся с неба, маленькая Дин-Дин сразу переставала капризничать, плакать и улыбалась во сне.

На зиму дождю приходилось улетать далеко на юг. Но в город, где жила Дин-Дин, он возвращался теперь даже зимой, принося себя, как подарок, истекая лучистой музыкой среди холодных сугробов.

Дин-Дин жила как сотни, как тысячи других детей, росла и училась. Она ничем не отличалась от них. Она очень долго не понимала, что приносит ей удачу.

Кто-то в школе прекрасно пел, кто-то рисовал, кто-то занимал первые места на соревнованиях. Дина ничего этого не умела, а может быть не хотела уметь... Когда на выпускном вечере мальчишки стали приглашать подруг танцевать, Дина посмотрела в зеркало и загрустила.

Без плаща и без зонтика она вышла под дождь. Её никто не догнал. О ней никто не вспомнил. Но она ощутила чьё-то заботливое присутствие. Струи дождя вытирали ей слёзы, тушили вспыхивающие щёки. Тин-Ти-Ней, точно верный пёс, шагал рядом, качая ветки акаций.

Дина обернулась, но никого не заметив, пошла дальше. Она всё убыстряла шаг, потом побежала. И поняла, почувствовала, как дождь засмеялся, глядя на неё:

— Ха! Ха! Ха! От меня не убежишь!

И действительно. Он был вокруг. И справа. И слева. И сверху. И снизу. Он проникал в неё каким-то умиротворяющим тихим счастьем, торжественно барабанил по всему, что останавливало взгляд его королевы.

Так Дин-Дин полюбила гулять в дождь одна. Длинноногий Тин-Ти-Ней был от этого просто в восторге.

Он приносил девочке из дальних стран пыльцу тропических растений, пускал на лужах пузыри. Но всё ещё боялся заговорить с Дин-Дин.

Наконец, однажды вечером, он осторожно постучался к ней в балконную дверь.

С какой радостью бросился Тин-Ти-Ней её обнимать и целовать, когда Дина впустила его в комнату. Она замерла, точно ждала этого всю свою жизнь, не отводя от него полные глаза то ли дождя, то ли счастливых слёз.

— Я люблю тебя, — первое, что сказал ей Тин-Ти-Ней.

— Кто ты? — удивилась девочка.

— Дождь.

— Дождь? И я люблю тебя, Дождь! Меня зовут Дина.

— Нет! Тебя зовут Дин-Дин. Это я назвал тебя так.

— А тебя? Как зовут тебя?

— Ты запомнишь?

— Попробую.

— Тин-Тин-Ти-Тан-Тан-Та-Дин-Дин-Ди-Ней, мама зовёт меня Тин, а братья Тиней.

— Я буду звать тебя Тин-Ти-Ней. Хорошо?

— Хорошо.

Они долго беседовали в ту ночь, рассказывая всё, что ещё не знали друг о друге.

— Понимаешь? — говорил Тин-Ти-Ней, — у каждого дождя есть своя мелодия.

— Да, и свой характер, — соглашалась девочка.

— Откуда ты знаешь?

— Я вас различаю.

— Правда?

— Правда. А тебя люблю больше всех.

Тин-Ти-Ней удивился и обрадовался:

— Почему?

— Ты добрый, — сказала девочка, — а ещё весёлый. А за что ты любишь меня?

— Ты подарила мне мелодию моей жизни.

— А можно её услышать?

— Конечно.

Тин-Ти-Ней взлетел от окна к проводам и наиграл нежный высокий мотив, показавшийся ей давно знакомым.

Дин-Дин взяла гитару и повторила песню дождя. Так они встречались всё лето.

Никто в целом свете не знал, что девочка дружит с тёплым летним дождём по имени Тин-Ти-Ней и играет ему по вечерам на гитаре.

Но шло время. Девочка выросла.

— Почему ты грустишь, Дин-Дин? — как-то спросил у неё дождь.

— У всех есть друзья. А у меня только ты.

— Разве этого мало? — насторожился Тин-Ти-Ней.

— На меня никто не обращает внимания. Когда ты уходишь, наступает пустота. Мне так одиноко. А я так хочу, чтобы у меня кто-то был!

— Ты уверена, что это принесёт тебе счастье?

— Ну, конечно!

— Хорошо, — сказал Тин-Ти-Ней, — я исполню твоё желание, но тогда мне придётся уйти из города. Если ты поймешь, что это не для тебя, назови моё полное имя. И я вернусь.

— Что мне делать, чтобы я была любима?

— Сыграй мою мелодию.

— И всё?

— И всё.

Так жизнь Дины переменялась. Стоило ей взять гитару и заиграть волшебную мелодию, как юноши забывали обо всём, кроме неё. У Дины появился парень. Потом другой, третий... Наконец, она стала менять их, как перчатки.

Город постигло неурожайное время. Посевы побивало градом. Они гибли от засухи.

Душа Дины очень скоро устала от всевозможных встреч. Ей стало горько и тоскливо. Она поняла, что такая любовь ей вовсе не нужна. От дождя до дождя прошло не так уж много времени. И следующим засушливым летом девушка открыла окно и тихо позвала:

— Тин-Тин-Ти-Тан-Тан-Та-Дин-Дин-Ди-Ней! Это я! Твоя Дин-Дин! Ты был прав. Мне вовсе не надо того, что я просила. Вернись!

И дождь вернулся, излившись теплом в её ладони.

Они долго беседовали весь вечер, рассказывая обо всём, что случилось за время разлуки. И Тин-Ти-Ней утешал её, плачущую, как мог.

— Я хочу теперь семейного счастья. Хочу, чтобы у меня были дети. И муж.

— Разве тебе плохо со мной?

— Мне хорошо. Но понимаешь...

— Понимаю.

И всё повторилось. Девушка наиграла мелодию своему будущему супругу. И дождь ушёл надолго. На двадцать лет.

Дина растила детей. Штопала носки. Варила борщи и компоты. К ним в город заходили другие дожди. Скучные осенние, холодные, заунывные, гневные, грозовые, летние... не было только тёплого и тихого Тин-Ти-Нея.

Казалось, Дину больше никто не понимал. Дети выросли и разъехались. Жизнь вроде бы удалась. Но не было теперь в ней ни волшебства, ни счастья. Всё шло размеренно и благополучно.

И мерзкой ветреной осенью, когда с деревьев уже облетела вся листва, Дина открыла окно и отчаянно назвала имя своего старого друга.

Тин-Ти-Ней тут же окутал тёплым туманом дома и кварталы, дыхнул далёким морским бризом ей в лицо.

— Почему ты пришёл? Ведь я предала тебя. Ведь я никто! И ничто! Я ничего не достигла в жизни! Я как тысячи других живу на этой земле! За что? За что ты любишь меня? — рыдала повзрослевшая Дин-Дин.

— Просто ты такая. И всё.

— Ну какая я? Какая? Скажи!

— Не знаю. Просто я тебя понимаю. Просто ты — моя песня.

— Я устала.

— Я знаю.

— Мне надо что-то изменить.

— Что?

— Я хочу, пока ещё не поздно что-то совершить в жизни. Может быть... стать известной?

— Ты же знаешь, что надо делать.

— Я знаю.

— Тогда бери гитару. И иди.

— А ты?

— А я буду ждать, когда ты поймёшь, как ты не права...

Вскоре появилась новая рок-звезда. С экранов улыбалось её напомаженное лицо, и имя Дианы несколько лет не сходило с губ зачарованной молодёжи. Новый хит «Песня дождя», усиленный звучанием синтетических современных инструментов произвёл фурор. Её снимали в клипах, передавали по радио. Стал знаменит и город. Друзья и знакомые считали за честь, если Диана одаривала их своим вниманием. Только не было самого дождя. Он где-то скитался в дальних странах.

И что-то сломалось в ней. В её душе. Стареющая, утопающая в славе и богатстве, она вдруг поняла, что никому не нужна. Ни мужу, ни детям, ни друзьям. Что её никто не понимает, не слышит и не любит.

И холодной зимой, бросив всех, она вернулась из прекрасного особняка в свою старую квартиру, достала запылившуюся гитару. И заиграла мелодию совсем не так, как играли её синтезаторы, а тихо и нежно, как пел когда-то Тин-Ти-Ней. Но дождь не приходил. На улице стояла лютая стужа.

Дин-Дин с трудом вспомнила забытое имя и прокричала его, захлебываясь вьюгой.

И в тот же миг полил дождь.

— Ты вернулся! Вернулся!

Она хотела обнять старого друга, но не смогла.

— Да ты пьян!

— Потому что ты рядом, — ответил Тин-Ти-Ней.

— Ты так любишь меня?

— Люблю!

— Но за что? Ведь всё, что было у меня, сделал ты! А я сама такая же, как сотни, как тысячи других!

— Нет! Ты такая, а они не такие, — повторил он старые слова.

— Сможешь ли ты остаться душа моя! Мне так тебя не хватало! Всю жизнь мне не хватало тебя!

— На дворе зима. Думаешь, легко было долететь до тебя? Я вернусь весной. Хорошо? — ласково погладил её по голове Тин-Ти-Ней.

— Хорошо, я буду ждать столько, сколько ты захочешь.

И он вернулся, когда у Дины родилась первая внучка. Вернулся в тысяча первый раз, как тысяча первая сказка Шахерезады, утешая первый детский плач.

— Теперь ты будешь любить её? — спросила совсем поседевшая Дин-Дин.

— Нет! Я не могу любить её, как тебя.

— Но, почему?

— Потому что она не такая как ты, моя Дин-Дин!..

А потом Тин-Ти-Ней долго плакал на её могиле, облизывая одинокий крест. Он знал, что теперь никто из людей не сможет услышать и понять его песню.

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

В непролазной чаще чёрного леса стоял когда-то угрюмый город. И жили в нём несчастные люди. Свои драгоценности они прятали в сундуки и сейфы. Дома обносили высокими заборами. И свирепые псы бегали в каждом дворе.

Но самое страшное — лица свои люди прятали под масками. Когда шли на работу, надевали маску научности, когда шли в магазин — маску самодовольства. На все случаи жизни у них были свои маски. Они изворачивались, лицемерили, и всяк норовил обмануть другого. Со временем души у всех так зачерствели, что превратились в песчинки...

Но вот однажды в городе появился дом, совсем не похожий на остальные. Окруженный садом с невиданными белыми цветами, благоухающими на весь город, он вызывающе стоял на центральной площади без решеток и заборов, и от него исходило белое сияние. А среди цветущих вьющихся растений качалась на качелях молодая женщина с длинными рыжими волосами, которые, как костёр на снегу, полыхали среди белого сада.

Жители надели маски превосходства и безразличия, хотя, конечно, разглядели всё до мельчайших подробностей. Дождавшись ночи, они надели маски жуликов, и пришли воровать белые цветы.

Жадными руками вырывали они всё с корнями, а клумбы затоптали, ведь их нельзя унести с собой. Каждый житель посадил в своем чёрном саду белые цветы, но к утру они опустили головки и зачахли.

Днём жители угрюмого города, надев маски любопытства, пришли к необычному дому. И опять, будто нетронутый, благоухал белый сад, а женщина безмятежно качалась на качелях.

— Да она издевается над нами! — подумали жители, и ночью одели маски убийц, чтобы отомстить ей.

Но когда они проникли в дом через открытые окна и двери, тот оказался совсем пустой, лишь тени метались по стенам. Обезумевшие, они ломали дом, топтали сад, но стоило им отвернуться, как всё снова возвращалось к своей красоте.

Без сна провели жители города остаток ночи. И что-то переменилось в них.

Неудержимая сила тянула всех к непокорному дому. Утром они окружили его кольцом, даже забыв надеть маски, и спросили женщину, которая с улыбкой на лице поливала цветы:

— Кто ты? Зачем ты появилась у нас? Почему ты без маски? Почему нет забора вокруг твоего сада? И почему тебя не охраняет свирепый пёс?

— Я? — женщина засмеялась, и всем сразу стало легко на душе. — Я — ваша мечта! Я долго ждала, что вы придёте без масок, и вы пришли. За это я подарю каждому по цветку.

Складки одежды женщины расправились, и все увидели прозрачные крылья. Незнакомка стала перелетать с цветка на цветок.

— Выбирайте, — говорила она, — вот это белые хризантемы — цветы надежды, белые орхидеи — цветы совершенства, белые гвоздики — цветы дружбы, белые розы — цветы чистой любви, белые пионы — цветы невинности, белые лилии — символ чистоты... Возьмите их, они ваши!

Тогда каждый осторожно и недоверчиво выбрал себе по цветку, чтобы посадить его в своей душе. И город сразу заискрился светом. И рухнули заборы. И разбежались собаки. И открылись кованые сундуки...

А на месте волшебного дома взметнулось большое рыжее пламя. Жители собрали все, теперь уже ненужные маски и бросили их в это пламя. И оно поглотило их.

И расступился чёрный лес. Теперь это самое счастливое место на земле, которое можно назвать раем. К нему сто дорог. Загляни в себя. И если ты найдёшь в своей душе хоть один белый цветок, тебя с радостью встретят в этом городе.

ПУСТОЙ ОРЕХ

Старая Орешница знала, что он пустой, но тратила на него времени столько же, сколько на остальных своих детей, только, глядя в его сторону, длинно и прерывисто вздыхала. Орешки росли и зрели на дереве, отягощая ветки с завидной уверенностью, не догадываясь о внутренней пустоте своего брата.

Когда дети дозрели, Орешница сделала всё, чтобы поровну поделить землю между ними для последующего роста и разбросала их в разные стороны.

— Растите в большие деревья и давайте плоды! — наставляла она.

Пустой орех тоже получил свой кусочек земли.

Но заветы матери удалось выполнить только несколькими укатившимся в траву, поскольку их не заметили женщины из соседней деревни. Остальных собрали и понесли на базар.

Как обрадовались орехи, попав в корзину. Ещё бы! Им предстояло большое путешествие! И пустой орех тоже обрадовался.

На рынке их сдали оптом и, подержав немного на складе, повезли на поезде в большой город.

— Мы едем в дальние края! — загордились орехи. И радовались до тех пор, пока не попали на стол.

Это был день рождения мальчика. Пустой орех лежал на большом блюде вместе со всеми и так же, как полные братья, надувал щеки от важности.

— Съешь меня! Съешь меня! — пищали они.

— И меня! — повторял за ними пустой орех.

Но мужчина, который колот орехи, отложил его в сторону. Орех ведь был лёгкий, поскольку пустой.

— На, — протянул он орех имениннику после того, как ушли гости, — сделай что-нибудь.

У мальчика уже была коллекция самодельных человечков из шишек, желудей, репейника.

Не долго думая, мальчик нарисовал на орехе носик, ротик и очки, приделал туловище и сказал ему:

— А ты будешь президентом!

И посадил его на верхнюю полку, на зависть остальным человечкам.

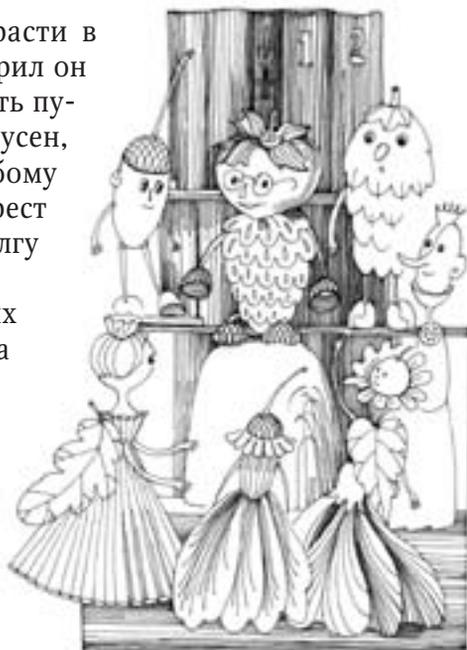
Пустой орех, конечно, всегда догадывался, что он не такой, как все, но чтобы стать президентом целого шкафа самодельных человечков!.. О таком счастье он просто не мечтал!

— У меня была возможность вырасти в целое дерево, — снисходительно говорил он своим подданным, — была возможность путешествовать по всей стране, я так вкусен, что стал бы лучшей приправой к любому блюду, но я должен нести тяжкий крест руководителя и я буду верен своему долгу до конца...

У барышень в юбках из высушенных цветов от такой проникновенной речи на глаза наворачивались слёзы, они подпрыгивали на своих спичках и пищали:

— Да здравствует Орех! Да здравствует Орех!

И все подхватывали эти слова в восторге. Ведь пока не раскусишь, трудно понять, что орех пустой!

Мои слова в потоке времени

Миниатюры

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Я ощущаю, как во мне переливаются песочные часы. Бесконечность неба втягивается в глубины вод. Песок медленно льётся в узкую воронку. Не сыпется, а именно льётся. Каскады преобразуют ручьи. Вода с тихим шелестом ниспадает к корням деревьев. Лианы оплели вековые дубы. Кольца на срезах хранят застывшее время. В суровом ботаническом саду на берегу моря нежным розовым огнём вспыхнул миндаль. Японская магнолия засыпает траву хлопьями белых лепестков. В щели между стенками домов и булыжной мостовой вырываются красные тюльпаны. В каждом дворике на крохотном зелёном пространстве умещаются столик и кресла. Жизнь, сжатая камнем. Груды гальки вместо песка вдоль полосы прибоя. Камни, отшлифованные волнами, нежны и гладки. Время замерло в них. Разрушенные каменные арки превратились в знаки вопросов. Радость сущего в его бесконечности. Песок в часах заканчивается. А всё остаётся. И переливы моря,

и перезвоны колоколов, и цветущие сады. Можно конечно перевернуть песочные часы и снова начать отсчёт. Но это не в твоей власти.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Мыльные пузыри легко выдувать соломинкой и выпускать на волю! Сколько волшебства заложено в плавном полете! Какое это чудо: из ничего возникает лёгкий, сверкающий перламутровыми боками воздушный шар. Надо стараться, чтобы он как можно дольше не оторвался от соломинки, чтобы он стал большим. И тогда он полетит выше и дальше других мыльных пузырей. Только бы не перестараться, а то он лопнет сразу, не успев взлететь. Оболочка его стенок становится слишком тонкой, а потому очень уязвимой. Последним выдохом направить его в проём растворённого окна. Хорошо почувствовать себя повелителем создаваемых миров. В телевизоре солидный учёный, похожий на Эйнштейна, усердно раздувает щёки, чтобы мыльный пузырь стал размером с экран. Вот так же расширяется наша вселенная — поясняет диктор.

Я хочу подсказать ему:

— Вселенная выдувается и происходит из ничего. Творец дарит ей своё дыхание — и она становится мыльным пузырьём немислимых размеров. Время от её расширения до того мгновения, когда она исчезнет, тянется для нас бесконечно. Творец наблюдает, как расплываются в пустоте выдутые им пузыри и лопаются один за другим. Для него всё происходит в течение нескольких секунд. У нас разные понятия о времени. Секунды творца измеряются миллионами лет.

Диктор не слышит меня. Он не понимает: каждый может быть Богом. Легче всего это сделать в детстве. Надо запастись соломинками и мыльной пеной и пускать мыльные пузыри. Они так плавно парят над землей. Они и есть расширяющиеся вселенные. Галактики нашего детства, в котором война лишила нас игрушек, взамен позволив сотворять прозрачные и призрачные миры.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Окутанный пеленой сна, в какие-то мгновения проживаешь длинные мучительные годы. Холодный пот выступает на лбу. Сейчас свершится непоправимое, и ты ничего не можешь сделать. Ты не волен изменить сон. А возможно, это вовсе и не сон. Вот тебя ласкает женщина. Рыжие завитки волос пахнут полынью. Ты знаешь, как хрупко счастье, ты знаешь — сейчас она исчезнет, растворится в наполненном зноем воздухе. Ей грозит гибель, которую ты не можешь предотвратить. Ты кричишь, широко открывая рот, но никто тебя не слышит, ведь ты не издаёшь ни звука. Руки налились свинцом. Тебе уже нечем дышать. Сердце сдавило.

Тебя окружают со всех сторон люди, перед которыми ты виновен. В чём твоя вина — не ясно даже тебе самому. Велят раздеться и стать к стене. Надо сопротивляться. Надо ушипнуть себя, чтобы прекратить кошмар сна. Проткнуть его тонкую призрачную оболочку. Очнуться и обрадоваться наступившему утру. В полудрёме возвратиться в обычную жизнь. А вдруг — её нет, нет вовсе этой обычной жизни. Просто она приснилась когда-то. Ты прервал надоевший сон и очутился в бездне страданий. Нельзя ничего прерывать насильственно. Проткнёшь оболочку сна, и очнёшься в ещё более ужасном мире. Но что может быть ужаснее ожидания пули возле саманной стены. Это же целинный барак, вспоминаешь ты. Это всё уже было. Пьяные комбайнёры, закончив уборку, разбивали свои комбайны о стену барака. Чтобы не достались казахам. Тогда ты встал на их пути. Не повторяй ошибку дважды. Та другая жизнь — вещий сон. Пусть сильней разгоняют свои машины. Стена должна рухнуть. Ты приготовился к прыжку. И рыжая женщина парит над тобой. Весна Боттичелли дарит свою улыбку. Конвоиры задрали головы вверх. Стена беззвучно оседает, вздымая степную пыль. Какое счастье, что ты не прервал сон. Ты ведь мог очнуться совсем в другом времени, там, где нет надежд на спасение. Ты мог очнуться в огне Варшавского гетто. Здесь же, в твоём сне, хотя и царит степная жара, ты свободен. Ты бежишь босиком по траве, бежишь навстречу своим друзьям. Они давно уже живут в этом сне и объясняют тебе наперебой, как опасно пробуждение.

ОДИНОЧЕСТВО

Прозрачно безоблачное небо сентября. Море тяжёлое, тёмное, но всё ещё сохраняющее летнее тепло. Призрачные тени деревьев наползают на береговой песок. Перезрелые яблоки скатываются с обрыва. Но ещё почти нет жёлтых листьев. Море ровное и гладкое вдаль, у берега вздымает волны прибоя. В ложбинах, среди дюн, где совершенно нет ветра, можно ощутить, сколь ещё тепло и щедро солнце ранней осени. Можно даже загорать. Наверстать то, что не успел в это утомительное лето, не оставлявшее свободных дней. Осенний загар не смывается так быстро, как летний. Он ровный и словно дан тебе от рождения. Будешь мулатом, нынче это модно. Кожа лоснится и переливается коричневым блеском. Песок легко скатывается с неё от малейшего твоего движения. Что может быть чище песка в дюнах. Никого вокруг. Непуганые птицы затевают прощальные пересвисты. Тебе нужен всего лишь один день, чтобы побыть наедине с самим собой. День, посвящённый молчанию. Молчание сберегает слова, сохраняет их для бумаги. В зимние ночи эти слова будут выстраиваться на бумаге, можно будет выстроить их, подобрать одинаковый цвет, как на гранях кубика-рубика, заставить тех, кто будет читать эти слова, сопереживать тебе и видеть, как одиноко человеку, затерянному среди дюн.

Пусть думают, что одиноко. А ты совсем не одинок даже среди самых дальних дюн, куда не доносится шум моря. Ты погружаешься в тишину, в которой становится слышно, как поют песчинки и шелестят крылья бабочек. В зелёной полосе ельника, подступающего к дюнам, прорастают грибы, ты слышишь, как они чмокают в ожидании дождя, это их поцелуи открывшемуся небу. Вдалеке, в просвете между дюн, взблёскивает море. В окаймлении песка, оно застыло картиной в бронзовой раме. Одинокий сборщик янтаря появился неожиданно на этой картине, с суковатой палкой в руке, в водолазном костюме. Не хватает только шлема. Появился на мгновение и исчез. А возможно, он просто рождён воображением. Человек, жаждущий одиночества, на самом деле ведь ищет встреч с другими людьми. Он хочет поведать им о своём одиночестве. Собеседника можно сотворить для себя. Вот появились на небе первые перистые облака. Это карета катится по склонам дюн. Колёса застревают в песке. Царевна-лягушка выпучивает глаза. Лук легко можно смастерить из ветки дерева, тетива — резинка, стрела — авторучка. Выпускаю её на лист белой бумаги. Бумагу засыпает песок. Облака тают вдали. Небо наливаются голубизной и постепенно эта голубизна становится синевой, сливается с морем. И никаких карет.

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Хожу вдоль берега моря и разбрасываю слова. Зачем дарить их бумаге. Зачем сохранять в компьютере. Слова скрывают мысли. Заволакивающие книжные миры, созданные словами, размягчают разум. Я, словно библейский Онан, не желающий дарить семя нелюбимому лону, орошаю словами побережье чужого города. Мои слова теперь по утрам тают вместе с росой, извлечённые солнцем из травы. Мои слова проглатывает набежавший прибой и, откатываясь на глубины, перемешивает их с солёной пеной и криками чаек. Мои слова засыпает песком пляжей. Мои слова стонут под башмаками на тропинках, ведущих к высокому обрыву. Топчите их, плотнее вбивайте в землю. Теперь-то я уверен — никто не станет выискивать, читать и переводить эти слова. Не соединённые друг с другом, они лишены хитроумного смысла. Они просто повторяют название деревьев, ягод и рыб, они повторяют имена друзей, унесённых потоком времени.

ОЗАРЕНИЯ

Озарения приходят к человеку в полудрёме ранним утром. Иногда он не успевает их удержать. Обиженные озарения покидают дом. Тяжело уходить зимой. На дорогах гололёд. У стариков кости после перелома не срастаются. Большинство озарений молоды и не боятся гололёда. Они

как вспышка молнии. В темноте они светятся. И за ними начинается погоня. Нельзя выделяться из толпы. Такое не прощается. Все молча идут к проходной завода, и никто не собирается светиться. И тогда озарения тоже перестают светиться и находят тихий уголок на вещевом складе и там засыпают. Спящее озарение никого не тревожит. И никто их не трогает. А утром они, наскоро умывшись, перелезают через высокий забор, заводской охранник их не видит, потому что озарения не видимы. Они доезжают без билета на втором троллейбусе до кафе «Москва». Там сижу я, угрюмый, печальный и красный, словно пролетарское знамя. Меня невозможно не заметить, потому что в кафе в такую рань никто больше не сидит. Я их не вижу. Но вдруг чувствую, как голова становится почти воздушной, в ней поселяется немыслимый простор, и яркий свет, идущий от неё, образует нимб. Официантки, которым нечего делать, удивлённо смотрят на меня. Они думают, что я святой. И не хотят брать у меня деньги за те двести граммов коньяка, которые в это холодное утро согрели меня. Они зовут директора, чтобы и он порадовался вместе с ними. Директор, почёсывая пейсы, изображает из себя Станиславского. Не верю, говорит он. Тоже мне, святой. Что это у тебя? Я улыбаюсь — а вы не догадались: это озарения! Впрочем, мне не до разговоров, я должен удержать у себя озарение...

О Т З В У К И

Все новости начинаются так: из-за штормовых ветров и снегопада сообщение с островом прекращено. В плотной темноте услышишь удар колокола, значит ты не один в сердцеvine морей. Лишённый газет и телевидения, ты вновь и вновь пролистываешь книгу своей жизни. Непонятно, что связывает тебя с людьми. И если наладят сообщение, и полетят самолёты, и пойдут паромы, они не для тебя. Все последние дни, даже годы ты живёшь в ожидании чего-то. Вот всё обустроится, вот прекратится ветер, и придёт вдохновение. И слова польются из тебя, и это не будут слова-пустышки, за каждым будет стоять свой образ. Ты будешь выкрикивать эти слова на берегу успокоившегося моря. Ты будешь Адамом, дающим имена всему существу на земле. Создатель первого словаря. К тебе придёт будущая Ева и скажет: назови меня ветром. И Лилит, её вечная соперница, захочет быть солнышком. Плодитесь, размножайтесь — какая сладкая заповедь. Она помогает исключать слова, заменив их всхлипами. В них все будущие симфонии мира. Музыка всегда была и будет превыше слова. Ты требуешь посадить тебя в кресло соборного органиста. Сверху видны кружки лысин. Трубы органа сияют, как зимние луны. Такой же орган есть и в твоём городе — гордость собора. И здесь, и там сейчас зазвучит один и тот же Реквием. Но здесь звуки его сливаются с шумом волн. А там — всё остаётся под сводами собора. Звук ищет выхода. Мелко подрагивают

стены, напоминая о недавнем землетрясении. В электронной почте сообщение: взлелеянная тобой не поднимает трубку. Ты должен звать её, взойдя на самую высокую гору острова. Твой крик пронесётся над Балтикой и ухоженными землями немцев, его услышат голосистые итальянцы. И только та, которой предназначен зов, ничего не почувствует. И тогда в тебе, с каждым мигом, всё нарастая, зазвучит мелодия. Музыка прорвётся там, где не было дороги слову.

В далёкой и пустынной стране предков две девицы вдруг замрут на месте и каждая почувствует приток крови и необычайное волнение.

НЫРЯЛЬЩИК

Вода запоминает твоё тело. Водоросли ласкают кожу. Стайки мальков щекочут пятки. Воздух в лёгких на исходе. Пора выныривать. Лёгкое движение рук, и тебя выталкивает на поверхность. Море выстрелило тобой. А ты судорожно глотаешь воздух. Какой он сладкий и живительный. Желанный, как арбуз в пустыне. Берег проступает в оранжевой дымке. Лечь на спину и увидеть ослепительную голубизну небес. И закрыть глаза. Тогда возникает бескрайняя степь и можно почувствовать запах полыни. Гниют водоросли на берегу. Глухо гудит вдали невидимый пароход. Волны гонят тебя к берегу. В песке, раскалённом солнцем, ты возвращаешь телу желанное тепло. На тебя смотрят с недоумением лежащие на пляже. Откуда ты взялся. Стоит ли объяснять, как на рассвете ты поплыл, что было сил, в сторону ускользящей линии горизонта, разделяющей мир воды и мир воздуха. И когда руки перестали слушаться, и ноги стало сводить судорогой, ты нырнул, пытаясь достигнуть дна. Сколько раз мысленно ты позволял воде заполнить лёгкие. Ласка воды отменяла решение. Безвольный — ты брёл по мелководью туда, где стояли шезлонги. Горячий песок возвращал видение города. Небоскрёбы на берегу залива нанизывали облака на венчающие их готические шпили. Розовый миндаль рос на площади. Сверкание воды в струях фонтана подтверждало близость моря. Это было совсем другое море — изумрудное и тёплое. Аквалангисты и рыбы прошивали ластами и плавниками его глубины. Там, из садов разноцветных кораллов, ты не стал бы выныривать. Открываешь глаза. Воткнутый в песок окурок перестаёт быть небоскрёбом. Облака тёмным занавесом надвигаются на солнце. Песок становится прохладным. И наступает ночь, в которой тебе нет места.

ИОНЫ

Мы так долго скитались по морям, что выцвели на переборках кают фотографии любимых. Все свои сны рассказав друг другу, мы превратились в одно существо. Очередная волна возносит нас вверх и, словно решив, что

мы не достойны неба, низвергает в пучину. Но и воды не принимают нас. Мы забыли имя своего судна. Соль выела буквы на борту. Ветер истрепал все флаги. Мы пропахли рыбой и аммиаком и отрастили бороды, как у древних пророков. Ни один порт не даст добро на нашу стоянку у причала. Иона — наше имя. Мы не желаем идти в библейскую Ниневию и призывать к очищению от грехов. Нас не пугает чрево кита. Возможно, он давно проглотил нас. И восходы, и закаты выдуманы нами. А визг лебёдок и тралы, переполненные рыбой и вползающие по слипу — всего лишь въевшиеся в память повторы. Трюмы наши забиты доверху. Лишь мукомолка — рыбий крематорий продолжает изрыгать приторный дым. Посыплем головы тёплой рыбьей мукой и раздерём свои истлевшие от пота одежды. Не будем искать виновных, чтобы выбросить за борт, мы все — ионы. Мы, не возвратившиеся в срок, обрекаем на блуд своих жен. Они устали стоять на причалах с высохшими цветами в руках. Утрачен счёт дням. Страна, где находится порт приписки, сменила название под надоевшие такты Лебединого озера. Она обрела свободу, которую мы искали в морях. Сумеет ли мы поведать о том, какие ветры рождает свободная стихия. Мы давно разучились говорить и объясняемся жестами. Да и жестов нам много не надо. Ведь мы одно существо. И не можем различить — кто же у нас капитан. Ведь только он знает путь в Ниневию.

«В ЧУЖОМ ГЛАЗУ СОРИНКА...»

Евсеев Б. Лавка нищих: Русские каприччо. — М.: Время. 2009. — 336 с.

В рассказах Бориса Евсеева есть какая-то (лично мне неприятная) приближенность, неточность, искажённость в деталях описываемой жизни. Слишком это бросается в глаза, чтобы пренебречь таким свойством автора. Словно писалось не для соотечественников, а для читателей с другого континента, незнакомых с нашими реалиями.

Например, рассказ с роскошным названием «Бедным войду я — выйду богатым»... Доверительность повествования от первого лица нарушается авторской путаницей во времени событий рассказа: «Посёлок был заводской, небедный, втихаря приторговывал ворованной или выписанной по смешной цене армированной плёнкой».

Здесь — реальная советская действительность. Потом уже, с началом перестройки, затем с развалом СССР, такие заводские посёлки первыми почувствовали нужду. Да и украсть при новых собственниках (если завод до них доживал) не так просто, не при Советах!.. И тут же автор заводит речь про «бандюка, спешно занявшегося торговлей», то есть, про времена постсоветские. Такое вот наложение одного периода истории на другой делает пространство рассказа мутной призмой, искажающей саму идею рассказа. Маленькие неточности порождают большое недоверие. И даже недоумение: а зачем было об этом рассказывать?..

В «богатом и вполне обихожном посёлке» появляется семейство мусорщиков «из дальней деревни». Странные, звероватые люди. При более близком знакомстве они оказываются не менее странными, но всё-таки с человеческими лицами. Созданная автором «призма» делает реальную жизнь расплывчато-туманно-абсурдной. В жизни неабсурдной не ищут лес на корню, чтобы поправить всего-то сарай. Как правило, приобретаются (любым путём) готовые пиломатериалы. И не

с мусорщиком, а с лесником имеют дело, если речь идёт всё-таки о лесе, даже в качестве материала.

В жизни реальной, конечно, случается и такое: «В длинном модном городском плаще барахтался я в пруду. Алёнка смеялась». Но, чистый абсурд, если «Была середина октября... Через полчаса... в ближнем осиннике... кое-как просушив пиджак и брюки, я возвращался назад...».

В абсурдном мире, возможно, кажется странным, что три поколения мужчин в семье зовутся Вадимами. Хотя в реальной жизни — сплошь и рядом, а также Иванами, Александрями и даже Станиславами.

Совсем не странно, что мусорщики в собственном быту могут быть чистоплотными. Да и ремесло их, оказывается, прибыльное. Не удивительно, что семейство скопило деньжонок. Жаль, конечно, что всё накопленное досталось сыну-дурачку. Вот и всё, что можно вынести из рассказа. Если бы не «призма», порождающая чудовищ...

Подобные же претензии и к рассказу «Ехал на Птичку Иван Раскоряк». Есть некое лукавство в повествовании о простачке Иване. Начиная со слов: «Денег у Вани нет совсем. Дома пять сотенных бумажек, на чёрный день»... Когда «денег нет... совсем», их совсем нет! Я помню рассказ известной певицы, как она, совсем не имея денег, искала мелочь на улице, чтобы купить хлеба. И ей я верю!.. Бедный (или хитроумный?) Ваня не желает тратиться на автобусный билет, хоть и мелочишка у него имеется, мол, это на обратную дорогу. Но, в обратный-то путь он налегке отправится, без мешка с рыбьим кормом, который всё-таки надеется продать, иначе зачем на рынок ехать?.. Да и на рынок ему не впервой, с того и кормится. Нет, не такой простой Ваня, как его позиционирует автор. Вроде бы, и характеристики ему даны «положительные»: и отец у него «подполковник, танкист», и в армии Ваня отслужил «на Балтике, в Калининграде», и диплом техника имеет, и женат был, да жена померла, и роман наметился с девушкой самостоятельной, она в Ване души не чаёт: «Нормальный мужик того стоит»...

Сказано, что отец у Ивана не маленький человек, колхозник там или работника, а в прошлом офицер, да ещё подполковник. Чин довольно высокий, не каждому дают. Чтобы сделать карьеру, надо было жить исключительно службой. Кто в советское время мог избивать подполковника по имени Лазарь, да хоть бы и Моисей? Полковники и генералы? А вне службы, если бы офицер постоянно попадал в истории, где его «поили водкой и били опять», вряд ли он стал бы подполковником... Умер-то Ванин папа семидесяти шести лет, значит, служил в ещё прежней Армии.

Мать Ваня «почти не помнил». Кто же растил его при отце-служаке? Можно догадываться, что проблемы героя происходят из неблагополучного детства, а вовсе не от разрухи в стране. Разруха — разрухой, а Ваня сам по себе личность надломленная.

Вроде бы благородный поступок совершает Ваня, выпуская на волю птиц из рыночных клеток, а как-то не радуется читателя его «геройство». Сам-то Ваня в меховой шапке, на нём «длинная куртка с подстёжкой, ватные штаны...», — «зимний день... клонился к вечеру». Как это он не додумал, что выпустил птиц на холодную и голодную смерть в лесу по соседству с «Птичкой»? И попугайчиков за компанию «осчастливил» волей: «выпустил с десятков волнистых». Так что Ваня не бунтарём-освободителем выглядит, а, скорее, — недоумком. Поведение его нелогично. Яв-

ляется на рынок с клеткой в руках — продать, заработать на птичьей неволе, а в душе лелеет мечту: «... выпустить всех рыночных птиц к ядрене фене!». В тот страшный лес, где «трупки птиц, лапы, мордочки и хвосты мёртвых зверьков...».

Или же автор намеренно таким странным Ваню изобразил? Вот и намёк: «Ехал же Ваня на Птичку для смутного дела. Грызло оно его и терзало: хоть таблетки пей! Но таблетки Ваня пить не стал...». Авторская подсказка, что Ваня психически нездоров?

Прочие же герои рассказа больны нравственно. Разве что Пашка «тянет» на положительную героиню. Но она — такая неблагополучная!..

За МКАД жизни нет?.. Увы нам, увы... или автору?..

Мне могут возразить, мол, не заметила в рассказе притчу, недаром же в эпиграф вынесены евангельские цитаты... Могут сказать, что Иван — это обобщённый образ русского народа, пропадающего за пределами богатеющей Москвы... Что идея рассказа глубже, чем проблемы «Птички»...

Тем необходимой правда жизни в конкретном литературном произведении! Да и народ наш гораздо сложнее, чем в образе странноватого Ивана.

При всей обидной неточности, непродуманности деталей, в результате чего повествование лишается «невинности» и возбуждает читательский скепсис, рассказы Бориса Евсеева отличаются изумительно ярким языком. Язык современного горожанина, во многом жаргонный, но блестяще-лаконичный, рисующий образы буквально незабываемые, это собственный авторский язык. Пример можно привести с любой страницы: «Ох, и бедлам на Новой Птичке! Люди-звери и звери-ангелы. Простаки, мудрецы, хитрованы. И, главное, чуть не намертво приросли все друг к другу! Но... Разные звери — разные люди! И характер у человека — как у его зверя. А иногда — звери и птицы на людей, как две капли воды, походить начинают. Грызунов продают — жадные, запасливые. Птиц — растеряшки мечтательные. Гадов и крокодилов — люди древние, люди далеко и крупно видящие. Домашней птицей — жестокие торгуют... Ещё — голубятники. Те все почти урки... Но сцепляет всех тех человек, отбирает по норову и по людской масти — расположение рыночных рядов».

Наиболее удачны у Б. Евсеева рассказы фантазийные, где автора нельзя уличить в «неправде жизни». Лучшее же произведение в сборнике «Лавка нищих» — «Кутум». Мастерство рассказчика достигает здесь очень высокой творческой планки. Его речь становится изысканной: «А ведь именно это Главное, вложенное в кутума, в спинной его мозг, наполняло и его, и другую мелкую и крупную рыбу, жгучим вельем и ледяной, резко вспыхивающей электрической страстью, страстью к самой жизни, к плоти бытия, к морю. Именно это Главное заставляло, играя, хватать крюки, заходить в сети и потом биться в них и, выпадая в иную реальность, сожалеть о своей, уже невозвратимой...». Я бы сказала, что рассказ этот — сама пульсирующая жизнь, а не статичное произведение. Bravo автору!

УЗАКОНЕННАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ, ИЛИ НЕОБРАТИМОСТЬ ПРОЦЕССА...

С каждым годом живётся всё сложнее тем, кто привык считать себя носителями языка: филологам, лингвистам, прочей интеллигенции. Слово «интеллигенция» давно стало нарицательным. Порядка в языке не осталось. Даже ссылаться в споре с неучами не на что — словарей толковых нет. Называются словари, конечно, толковыми, но с их помощью невозможно бороться с государственными служащими, политиками, работниками СМИ, наконец, с той же писательской братией, не говоря уже о простых гражданах. Перестал народ следить за своей речью. И только ли народ? А те, кто над ним? Появилось целое течение, изучающее «путинизмы», «медведизмы» и прочие «измы». Не успеет с экрана прозвучать очередное политическое высказывание учёных мужей государства российского — оно тут же становится крылатым.

Михаил Горбачёв: «Вот где собака порылась», «Теперь я пойду с ещё большим забралом».

Владимир Путин: «Мы будем преследовать террористов везде... Мы в сортирах их замочим, в конце концов». «Я не считаю, что мы должны посыпать голову пеплом, бить себя веригами и доказывать всем, что мы хорошие».

Дмитрий Медведев: «Бюрократия периодически кошмарит бизнес». «Россия — страна правового нигилизма».

Юрий Лужков: «Допустимо ли, правильно ли оставаться в стороне от того процесса, который ведёт нас в пропасть». «Детям, ну более старшего поколения, мы предлагаем самостоятельно оформлять, скажем, подъезды».

Виктор Черномырдин: «На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться».

Газета «Труд» писала в одном из июньских номеров: «Государственных служащих и политиков начнут штрафовать за неграмотную речь в теле- и радиоэфире. При наказании рублём сверяться будут со словарями, которые утвердят как эталоны русского языка. Соответствующие поправки в закон о русском языке готовят в Министерстве связи и массовых коммуникаций».

Татьяна Петрова, ответственный секретарь межведомственной комиссии по русскому языку поясняет: «Это ненормально, когда чиновник спрашивает, зачем ставить точки после инициалов, или без стеснения использует в прямом эфире нецензурную брань. С этим надо бороться».

«Сейчас, несмотря на действующий закон о русском языке, повлиять на госслужащих, а тем более привлечь в судебном порядке за брань и ошибки нельзя. Если вы с этой целью обратитесь в суд, вам откажут, поскольку определения понятия «нецензурное выражение» нет, как нет и словарей правил русского языка, на которые можно опираться», — комментирует специалист проекта «Словари XXI века» Кирилл Василенко.

И вот ещё одна цитата сайта «Новости NEWSru.com в России» от 23.06.2009 г.: «Чтобы закрепить нормы официального русского языка, комиссия создала и направила на регистрацию в Минюст четыре словаря — ударений, орфографический, грамматический и большой фразеологический. Они прошли проверку в Российской академии наук и после регистрации войдут в перечень рекомендованных государством словарей, которые отражают нормы русского языка».

Взглянем на вышеприведённые цитаты глазами простого обывателя. Мне показалось, что каждый из участников процесса подготовки нововведения лукавит. Что, и вправду словарей нет, «на которые можно опираться»? Я бы сказала так: опирайся — не опирайся, толку не будет тем, кто хромает в русском языке на обе ноги. Для них нужны особые «ортопедические

словари». Иначе все суды прекратят уголовные, арбитражные дела и перейдут на утончённые лингвистические. Это бесконечный процесс. То-то будет радости юристам всех мастей, которыми перенасыщен рынок рабочей силы.

Ещё мне показалось глубокоподводной фраза: «Чтобы закрепить нормы официального русского языка, комиссия создала и направила». Можно было бы добавить — и утвердила, и приказала.

Не стоит думать, что я лично консервативно настроена и не доверяю комиссии в целом и каждому автору словарей в отдельности. Известны, например, толково-грамматический словарь «Глагол и его причастные формы» И. К. Сазоновой; орфографический словарь «Как правильно? С большой буквы или с маленькой?» В. В. Лопатина, И. В. Нечаевой, Л. К. Чельцовой. Одно имя академика Андрея Зализняка, прославившего гением филологии, которому недавно вручена премия Александра Солженицына за достижения в этой области, говорит о серьёзности работы. Но... эталоны русского языка... нам в приказном порядке... не оставив права на выбор... перечеркнув длинный список словарей, изданных до этого...

Приказ, поскольку он уже не поддаётся вырубанию топором, пусть ещё чуток подождёт. Может быть, напрасно народ паникует? Что такое словарь, в конце концов? Кто его придумал? Давайте-ка нырнём в историю!

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Основные этапы в истории русского словарного дела в общих чертах совпадают с этапами развития лексикографии в Западной Европе.

У истоков словарного дела на Руси, как и на Западе, стоят рукописные глоссарии. Самый ранний из сохранившихся глоссариев содержит 174 слова и датируется 1282 годом. Расхождение между книжным церковнославянским и разговорным древнерусским языком, а также потребности общения с иностранцами, особенно греками, обусловили возникновение в Древней Руси нескольких типов словарей, среди которых принято различать словари собственных имён; так называемые приточники (от слова «притча») — собрания слов, которым приписывался символический смысл; славяно-русские слова, толковавшие непонятные слова книжного языка.

В XIV веке формируются новые принципы составления словарей, в частности, постепенно утверждается алфавитный принцип расположения материала. С появлением книгопечатания выходят в свет и печатные словари. Первый из них «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского (т. е. церковнославянского, не путать с современными словенским. — В. Х.) языка на просты русский диалект истолкованы Лаврентия Зизания Густановского» был издан в Вильно (Вильнюсе) в 1596 году. В 1627 году в Киеве вышел гораздо больший по объёму (около 7 тыс. слов) «Лексикон славеноросский и имён толкование Памвы Беринды», переизданный в 1653 году и оказавший

значительное влияние на последующие словари. В этот же период появились многочисленные переводные словари.

С петровскими реформами в русский язык приходит множество иностранных слов, что стимулирует возникновение многочисленных словарей иноязычной лексики, многие из которых остались в рукописи. В 1771 году появился этимологический словарь Ф. Гельтергофа «Русский Целлариус». В 1773 году увидел свет первый русский словарь синонимов «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, содержащий 32 синонимических ряда.

В Санкт-Петербургской Академии наук под руководством М. В. Ломоносова были начаты подготовительные работы по созданию толкового словаря русского языка, а в 1783 году была учреждена Российская Академия, в лоне которой развернулся национальный лексикографический проект, во многом аналогичный словарному проекту Французской Академии. Результатом его стал Словарь Академии Российской, вышедший в 6 частях в 1789-1794. Этот первый толковый словарь русского языка содержал 43257 слов, и его выход стал важнейшей вехой в российской лексикографии. Второе расширенное издание выходило в 1806-1822, а третьим изданием академического словаря стал четырёхтомный Словарь церковнославянского и русского языка объёмом в 114749 слов, увидевший свет в 1847-ом.

В XIX веке словарное дело в России достигло значительного развития. Были созданы словари, и прежде всего Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (первое издание — 1863-1866; третье под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ — 1903-1911). Эти словари активно используются и поныне и занимают важное место в современной русской культуре.

Первым нормативным словарём русского языка 20 века является четырёхтомный Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедший с 1935 по 1940 год. Авторский коллектив словаря, включавший, кроме Ушакова, таких известных учёных, как В. В. Виноградов (со второго тома), Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, видел свою задачу в «попытке отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать нормы употребления слов».

Словарь должен был «послужить орудием в борьбе за качество того языка, которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся» (там же). По признанию специалистов, это лучший толковый словарь русского языка советской эпохи.

Традиция подготовки нормативных словарей была продолжена в 1948 году словарём современного русского литературного языка в 17 томах (неофициальное название Большой академический словарь, или БАС; издание завершено в 1965), в 1957-м Словарём русского языка в четырёх томах (иногда называется Малый академический словарь русского языка, или МАС; завершён в 1961, второе издание — 1981-1984) и однотомным Словарём русского языка С. И. Ожегова (первое издание — 1949; этот словарь был создан на основе

словаря под ред. Д. Н. Ушакова, впоследствии многократно обновлялся и с 1992 выходит в соавторстве С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

За сорок с небольшим лет после смерти Ожегова в 1964 году словарь выдержал 23 издания. Ещё при жизни сам Ожегов шутил, что его словарь издаётся не меньше, чем труды классиков марксизма-ленинизма. В начале 90-х годов, несмотря на сложную политическую обстановку в стране, вышло первое издание «Толкового словаря русского языка», которое в соответствии с волей Ожегова полностью отражало все изменения, произошедшие в русском языке за последние годы. Эту огромную работу проделала Наталия Юльевна Шведова, которая заслуженно стала автором толкового словаря наравне с Сергеем Ожеговым.

Помимо постоянной работы над словарём Шведова создала выдающийся труд — двухтомную академическую «Русскую грамматику», вышедшую в 1980 году, за которую спустя два года получила государственную премию. «Русская грамматика» стала итогом предварительного тщательного исследования большого и разнообразного материала: художественной литературы — классической и современной, периодической печати, публицистики, научных и научно-популярных работ, мемуаров, дневников, писем, обиходной и разговорной речи и речи, звучащей в театре, кино, по радио и телевидению.

Одна из последних работ Шведовой — это многотомный коллективный труд, не имеющий аналогов в русской лексикографической традиции, «Русский семантический словарь». В этой книге впервые представлена система современной русской общеупотребительной лексики. В настоящее время издано четыре тома, пятый готовят ученики Наталии Шведовой.

Наталия Юльевна Шведова умерла 18 сентября 2009 года, после выхода приказа, в который её работы не попали.

Из наиболее известных и авторитетных словарей, которые пользуются популярностью среди специалистов в последнее время, необходимо указать: справочники Д. Э. Розенталя, полный академический справочник «Российский орфографический словарь» В. В. Лопатина и «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова.

Изменение нормы — это объективная реальность, поясняет Иван Леонов из Института русского языка имени Пушкина. Словарь лишь фиксирует то, как принято говорить на данном языке в данную эпоху.

Впрочем, норма всегда отстаёт от развития языка, и это правильно, считает Леонид Крысин из Института русского языка имени Виноградова. Если бы норма разрешала слишком много, то «следующее поколение с трудом понимало бы предыдущее», поясняет специалист.

Газета «Новгородские ведомости» обратилась за разъяснениями к профессору кафедры журналистики НовГУ, признанному авторитету в области филологии Татьяне Викторовне Шмелёвой:

— Будем ли мы учиться говорить заново, согласно свежеезданным словарям, или можно остаться на консервативных позициях и произносить так, как привыкли?

— Думать, что словари диктуют нам, как писать и говорить — наивное убеждение. Мне бы, как лингвисту, очень хотелось надеяться, что большинство из нас спит со словарями под подушкой. Но я прекрасно понимаю, что это не так. Филолог не должен преувеличивать степень своего влияния на общество.

— *Получается, мы говорим, а учёные нашу речь фиксируют, и словари — это всего лишь собрание элементов народного языка?*

— Что значит — мы? Есть так называемая элита — самая культурная часть общества. Она говорит, лингвисты фиксируют, а другая часть общества к ней притягивается, если хочет быть культурнее.

На этой оптимистической ноте и перейдём к тому, что из сказанного элитой зафиксировали лингвисты, и почему другая часть общества не хочет быть культурнее. Итак, перед нами:

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации»

<http://www.rg.ru/2009/08/21russskiy-slovari-dok.html>

Опубликовано 21 августа 2009 г.

Вступает в силу: 1 сентября 2009 г.

Зарегистрирован в Минюсте РФ 6 августа 2009 г.

Регистрационный № 14483

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 48, ст. 5042) и на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку (по результатам экспертизы) (протокол от 29 апреля 2009 г. № 10) приказываю:

1. Утвердить прилагаемый список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.

2. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра Калину И. И.

Министр А. Фурсенко

Приложение

Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. — М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. — 1288 с.
2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. — М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. — 794 с.
3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. — М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. — 943 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. — М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. — 782 с.

ИЗ-ЗА ЧЕГО ЖЕ РАЗГОРЕЛСЯ СПОР?

«ЩАвель или щавЕль? ТвОрог или творОг? Августовский или августОвский? МассАжа или массаЖА? Как часто нам приходится слышать горячие споры о том или ином варианте постановки ударения. Ирина Резниченко, один из ведущих специалистов в области русского языка, в своём словаре впервые сформулировала правила и закономерности постановки ударения, описала все типы ударений. Кроме того, в словаре рассматривается множество трудных случаев, а также даются ключи к их запоминанию...»

В этом же словаре найдём и другие варианты: пЕтля или петЛЯ; по срЕдам и по средАм, йогУрт; ассиметрИЯ; баржА.

Орфографический словарь под редакцией Букчиной признал, в частности, что у слова кофе есть не только мужской, но и средний род. (Непонятно только, как теперь в среднем роде соорудить уменьшительно-ласкательную форму? Был кофеёк, станет кофюшко или кофейко? Специалисты ссылаются на схожесть слов поле, море (ср. р.), дескать и кофе непременно должно встать в их ряды...)

А вот и самое душещипательное: отныне работники ЗАГСa обязаны (именно обязаны, словари-то утверждены приказом, а приказы должны выполняться!) всех вступающих в брак называть брАчащиеся. Слово это, конечно, не красивее брачующихся, но... Мы называем тех, кто учится — учАщиеся. Но тех, кто обучается, не обзываем — обучАщиеся, и есть огромная разница в значении слова учёный (дрессированный) и учЁнный (обладающий знаниями).

Сейчас нормально будет сказать «чао» (в значении «пока»). Оно, как и «файф-о-клок» плавно переключалось из всевозможных словарей сленгов и иностранных заимствованных слов в главные словари страны.

Интересно, что пишет сайт Новости NEWSru.com в России от 4.09.2009 г.:

«Приказ Минобрнауки о государственном языке, вызвавший бурную реакцию общественности, оказывается, одобрил словари с неточностями. В частности, слово «договор» в варианте с ударением на первый слог — является технической ошибкой. Об этом «Новой газете» рассказала научный

консультант фонда «Словари XXI века» Инна Сазонова. Так по её словам, два ударения в слове «договоР — дОговор» — это досаднейшая техническая ошибка, которую сделали при вёрстке. Сейчас она уже исправлена, и все последующие издания будут без этой опечатки», — добавила эксперт.

«Поверьте, все изменения, которые мы сделали (во всех четырёх словарях — прим. В. Х.) имеют строго научный характер», — заверила эксперт. По её словам, «представитель Министерства образования дала пресс-конференцию на проходящей в эти дни в Москве книжной ярмарке», в ходе которой «разъяснила суть и дала задний ход скандальному документу» (Что именно имела в виду Инна Сазонова, говоря про задний ход? И не зря ли наши эксперты и представители, прежде, чем вставать на грабли, не вспоминают совет: «семь раз отмерь...» В. Х.).

Что касается откликов, на бескрайних просторах Интернета дискуссия развернулась нешуточная. Вот лишь несколько полярных мнений:

— *Очевидно, Вы забыли, что в 2005 году был принят закон «О государственном языке в России»? Так вот, этим законом предусмотрено нормативно-правовое закрепление основ русского языка посредством утверждения и издания словарей, справочников, грамматик, пособий. Другой вопрос, как исполняется это требование закона.*

— *Совершенно очевидно, что люди решают свои материальные проблемы, то есть продвигают на рынке словари собственного изготовления. Почему словарь Телии? Почему Резниченко? Почему Букчина и компания? Есть и другие. Обратите внимание: все словари — издательства АСТ.*

— *«Пятьдесят процентов наших доцентов носят в своих портфелях не только документы и договора, но и стаканЫ». Когда-то популярная и уморительная хохма — образец безграмотной речи. Дожили... Спорить и возмущаться — дело хорошее но, чует сердце, бестолковое. Я не стану говорить иначе, чем говорил и писал до приказа. Но за Ожегова обидно...*

— *Коллеги, читайте ТЕКСТ приказа! Он сам по себе позволяет сделать вывод о вопиющей безграмотности и руководства, и, что самое грустное, Межведомственной комиссии по русскому языку, рекомендовавшей. Это, извиняюсь, уже сфера РУБОПа. Дело даже не в запятых в п.1 (вот с них бы начать! Половина населения их вообще не ставит!), давайте почитаем: оказывается, т. н. реформаторы утвердили «прилагаемый список при его использовании» — нас поучают люди, не только не знающие русского языка, но и неспособные ИЗЛОЖИТЬ свою мысль связно!!! Я уже не говорю об упомянутом «контроле за исполнением». За родной язык-то я спокоен: мы легко скомпенсируем идиотские (респект Марие!) приказы адекватным исполнением.*

— *Даль, Пушкин и другие, наверное, перевернулись. Компактные умственные способности наших чиновников не позволяют им выйти за рамки собственного произношения и написания. Насколько скудеет мировоззрение и грамотность чиновничьего аппарата, настолько вырождается великий и могучий русский язык. Обидно за Россию. Всех внешних врагов нашего госу-*

дарства побеждали во все времена, а внутреннего врага победить не можем. Скоро, видимо, начнём менять аксиомы в точных науках: геометрии, алгебре, физике. Чего же требовать от учеников и студентов, если такое реформирование узаконивается на федеральном уровне. Люди, которые сами должны быть воплощением грамотности и знаний, принимают решения, достойные школяров, не желающих учиться...

— Ну конечно! Лучше пусть всё консервативненько, спокойненько, да? Ох уж эти Ломоносовы, Карамзины, Пушкины, с которых Фурсенко теперь пример берёт! Господа! Русский язык — постоянно меняющийся организм! Он не может останавливаться в своём развитии! Неразвивающийся организм — мёртвый организм! Такие изменения давно назрели. И не надо утрировать. Утвердили лишь те «новшества», которые давно стали реальностью в «образованном» разговорном языке. Например, слово «кофе». И фонетически, и грамматически это средний род (окончание — е, 2 склонение). Но мы упорно вдалбливаем в детские головы: мужской, мужской! Зачем нужны эти сложности, да ещё и противоречащие самому языку!

В завершение приведу пример из истории. Ученик Максима Грека Зиновий Отенский (XVI в) так формулировал новые тенденции литературно-языкового развития: «Я думаю, что это лукавое умышление... людей грубых смыслом возводить в книжные речи от общих народных речей, тогда как по моему прилично книжными речами исправлять общенародные речи, а не книжные народными обещивать».

И вздохну словами А. П. Сумарокова: «Прекрасный наш язык способен ко всему...»

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ: ХУЖЕ ИЛИ ЛУЧШЕ?..

Русская пословица как несомненная мудрость и эталон народной морали, сама о себе свидетельствует так: «Пословица не сломится». Но, оказывается, бывают такие времена, когда и пословица «ломается», то есть становится неразличимой и непонятной. Некто Николай Романов на страницах «Литературной газеты» (43, 2009) с помощью известной пословицы о незваном госте решил разоблачить муфтия Р. Гайнутдина, якобы искажающего русскую историю. Почему же столь, вроде бы, патриотически настроенный автор «ЛГ» не смог защитить историческую правду?

Не так уж часто приходится теперь встречать выступления в периодической печати литераторов, историков, публицистов, которые в своей аргументации, отстаивая важнейшие духовно-мировоззренческие ценности и правду нашей многотрудной истории, исходят не из расхожих деклараций и догм, но обращаются к глубинному и самому надёжному хранителю этих ценностей – к языку, к народной мудрости. Именно такой, по внешним признакам, и является статья Николая Романова «А за иго – спасибо» («Литературная газета», 43, 2009). Ведь автор строит аргументацию на изначальной и неизменной семантике слов, а также обращается к пословицам. То есть – к универсальной форме народной морали. А потому, прежде чем обратиться к причине негодования Николая Романова, совершенно необходимо хотя бы кратко сказать о пословицах

вообще, так как без этого невозможно уяснить, праведен или нет гнев автора данной публикации.

И здесь следует отметить непреходящую ценность пословиц, о чём писал ещё И. Снегирёв: «Пословицы обнимают весь народ, его физическую, нравственную и духовную стороны, его былое и насущное. Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народа всеми её проявлениями, как в пословицах, в кои облекается его дух, ум и характер. Она всегда берёт сторону рассудка и справедливости, славит добродетель и нещадно клеймит порок укоризной, позором и насмешкой. В ней выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенности воззрения, в них русский ум находит любимый свой простор» («Русские народные пословицы и притчи»).

То есть, пословица как форма народного самосознания имеет безусловное значение.

Кроме того, необходимо помнить о природе происхождения пословиц, о том, что они, так же, как эпос, как былины, возникают только на определённом этапе развития народа. В Даль в связи с этим писал, что они «слагаются только в пору первобытной простоты речи». В дальнейшем же они, оставаясь нетускнеющей ценностью, сохраняются или же искажаются.

Значит, пословицы могут исказиться? Несомненно. Сошлюсь лишь на один пример. Меня всегда поражал какой-то странный, даже атеистический что ли подтекст пословицы: «На тебе, Боже, что нам не гоже». Что значит, Богу давать то, что не нужно нам?.. Какой-то и вовсе смысловой выверт. Но, составляя книжку «Кубанские пословицы и поговорки» (Краснодар, «Традиция», 2008), я встретил, наконец, эту пословицу в её подлинном виде: «На тоби, нэбоже, шо нам нэ гоже», то есть речь идёт о небоге, убогом, нищем. Да и в собрании В.Даля есть поговорка: «Бог – не убог». Впрочем, В.Даль писал и об искажении этой пословицы, которое произошло потому, что «вышла с юга, она малорусская, не понята у нас».

Ну а теперь обращусь к собственно публикации Николая Романова, который в аргументации своей тоже оперирует пословицей. Негодование автора вызвано тем, что на конференции «Россия и исламский мир: партнёрство во имя стабильности» 24 сентября этого года Председатель совета муфтиев России Равиль Гайнутдин выказался не вполне корректно в том смысле, что благодаря воле золотоордынских ханов началось собиране разрозненных русских княжеств вокруг Москвы, при этом ссылаясь на Н.М. Карамзина.

Почему в публикации Н. Романова муфтий Гайнутдин назван шейхом, могут догадаться разве только особо усердные читатели, не поленившиеся заглянуть в словари. Но не думаю, что это описка автора.

Я полагаю, что высказывание муфтия не давало основания впасть в негодующий «патриотический» раж, как, впрочем, и напоминать истинное значение слов «орда» и «иго», которые, кстати, никто не подвергал сомнению.

Вместе с тем, это высказывание зиждется на определенных исторических реалиях. Ведь столь продолжительное иго – это не некая однозначная точка. Оно имело свою трансформацию во временном развитии, особенно на заключительном этапе при ослаблении Золотой Орды. Ведь не только же за ярлыками ездили русские князья к ханам. Там происходил довольно длительный, дипломатический, драматический диалог между ханами и князьями. Но это ведь можно было объяснить как в небольшом выступлении уважаемого муфтия, так и в небольшой публикации его оппонента. Во всяком случае, вбрасывать в нынешнее общественное сознание первоначальное значение слов «орда» и «иго» – безответственная непростительность. Тут можно было бы вспомнить не только Н. М. Карамзина, но и знаменитое письмо А. С. Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года о величии и вместе с тем трагизме русской истории. Об особом предназначении России, в котором великий поэт рассматривает освобождение от монгольского нашествия как благо не только для Руси, но и для мировой цивилизации. «Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие...».

Главное же состоит в том, что автор в качестве несомненного аргумента своей правоты, напоминает об известной пословице. При этом деликатно саму пословицу не называет, так как абсолютно уверен в том, что в ней есть неприятные смысл или, как говаривали раньше, душок: «Здесь следует упомянуть известную поговорку о незваном госте, под которым подразумевается, естественно, ордынец».

Ну а при такой уверенности далее идут уже жёсткие требования: «Те же, кто хочет, чтобы мы эту пословицу забыли (и даже выкинули из словарей), пекутся не о чувствах конкретного народа, а пытаются отмыть Орду в целом».

А теперь – собственно о самой пословице, так как она и есть основной смысловой узел этой, никому не нужной полемики. Разберёмся, кто же хочет, чтобы мы её забыли и кто её действительно забыл и, как следствие этого, просто не вполне понимает её. Пословица эта хорошо известна: «Незванный гость хуже татарина». Она давно уже обросла анекдотическими ситуациями, вплоть до требования заменить в ней слово «хуже» на «лучше».

Нельзя не заметить того, что в этой пословице «незванный гость» противопоставляется «татарину» и что именно на этом противопоставлении основана её смысловая и эмоциональная особенность. Вопреки этому, Николай Романов, следуя за расхожим мнением, пытается уверить читателей в том, что под незванным гостем «подразумевается, естественно, ордынец». Но в таком случае, в чём же тогда смысл этой пословицы? Если принять логику Николая Романова, то пословица должна бы звучать так: «Ордынец хуже татарина». Или даже так: «Татарин хуже татарина». Но это же тавтология и бессмыслица. Мы должны верить тексту самой пословицы или же соображениям по поводу неё Николая Романова, не вполне её понявшие

му? Очевидно, что в пословице говорится о чём-то ином. Коль «незванный гость» и «татарин» (по Н.Романову – «ордынец») в ней противопоставлены, мы не можем не задаться вопросом: а кто же в таком случае этот «незванный гость»? Да, у В. Даля есть и другие пословицы с «незванным гостем». К примеру, «Незванный гость лёгок, а званный тяжёл». Но это пословицы, так сказать, бытовые, в которых под незванным гостем понимается человек, явившийся в дом без приглашения. Мы же имеем дело с пословицей межэтнической, в которой «незванный гость» имеет совсем иное значение. Под «незванным гостем» в языке нашем как ранее, так и теперь, разумеется образное, иносказательное название врага, завоевателя. Таким образом, эту злосчастную пословицу можно пересказать так: незванный гость, враг, завоеватель хуже, чем татарин. Татарин – ладно, он свой, а вот «незванный гость» действительно хуже. Вот и весь смысл этой пословицы. Надеюсь, читатели согласятся со мной ввиду тех явных несообразностей в толковании пословицы, которые предложил нам автор статьи «А за иго – спасибо». Как видим, никакого уничижения «татарина» в этой пословице нет. Наоборот, о нём в ней говорится в положительном смысле. Народная пословица оказалась, как и всегда, мудрее отдельных её толкователей. Но что же в таком случае смущало и смущает в этой пословице? Неужто само по себе упоминание о татарине? Похоже, что так.

Перед нами – красноречивый пример того, как лёгкое отношение к нашей столь трагической истории и столь богатому языку создаёт, что называется, на пустом месте никому не нужное напряжение. К сожалению, конечно. Ну а вывод из этого следует, кажется, единственный. Хранить и сберегать своё родное наследие можно лишь знанием его, постоянным поддержанием его в общественном сознании. Только при этом условии мы будем неуязвимы для всяческих нападков на него и инокультурных экспансий. Ну а негодующие декларации, конечно же, создают видимость озабоченности сохранением своей культуры и правды истории, но являются далеко не основным. А потому цели своей, как правило, и не достигают.

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

БАРНАУЛ. В Алтайском государственном краеведческом музее прошли V Геблеровские чтения: «Историко-культурные ресурсы музеев и их использование в современном обществе». В рамках конференции были заслушаны доклады участников чтений. В конференции приняли участие профессор, преподаватели и аспиранты алтайских вузов, директора и сотрудники муниципальных и городских музеев Алтайского края, работники науки и культуры. В рамках Геблеровских чтений состоялась презентация восьмого выпуска научно-методического сборника «Краеведческие записки», посвященного проблемам традиционной культуры народов Алтайского края и сопредельных территорий. Была открыта выставка «Земляки», созданная к 80-летию со дня рождения В. М. Шукшина.

* * *

ВОРОНЕЖ. В Воронеже отметили 200-летие поэта Алексея Кольцова.

15 октября состоялось торжественное открытие обновленного литературного некрополя. В торжестве принял участие глава области Алексей Гордеев, который сказал: «Хотел бы поздравить всех воронежцев, особенно представителей творческой интеллигенции, с юбилеем нашего земляка, великого поэта **Алексея Кольцова**. Это поэт-самородок, поэт-самоучка, оставивший большое литературное наследие. Каждый школьник начинает изучение поэзии именно со стихотворений Кольцова. Он писал о красоте природы, о русской деревне, о том, что является главной ценностью в жизни человека».

Все районные библиотеки области в этот день получили подарок от губернатора — сборники стихотворений Алексея Кольцова.

ВОРОНЕЖ. Вышел в свет ежегодный альманах «День поэзии». Составители и издатели альманаха посвятили его 210-летию Александра Пушкина, 200-летию Алексея Кольцова и 195-летию Михаила Лермонтова. Эти три гения отечественной культуры, пожалуй, одни из самых загадочных русских поэтов. Их бурная жизнь, отношения с женщинами, неожиданная смерть овеяны массой мифов. Рождение альманаха именно в этот день не случайно — 15 октября родились и «высочайший юноша Вселенной» — Лермонтов и «певец народной Руси» Кольцов. Также на страницах «Дня поэзии» представлено несколько поколений

российских поэтов. Начиная с участника первого альманаха 1956 года поэта-фронтовика Константина Ваншенкина, со знаменитых поэтов-шестидесятников Беллы Ахмадулиной, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского и заканчивая стихами тех, кто не так давно появился на поэтической сцене. В номере представлены двести авторов на двухстах страницах. Среди них и земляки Алексея Кольцова: Игорь Лукьянов (Борисоглебск), Александр Нестругин (Петропавловка), Михаил Тимошечкин (Россошь), Иван Щелоков (Воронеж) и другие.

* * *

ЕЛАБУГА. В конце октября в Елабуге широко отмечалось 20-летие государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Его становление пришлось на тяжёлые девяностые годы, когда рушился Советский Союз. Но, несмотря на это, всего лишь за два десятилетия Елабужский музей-заповедник превратился в центр высокой культуры, притягательный не только для россиян, но и для гостей из зарубежья.

Праздничный день начался с открытия в выставочном зале экспозиции «Злато слово Ярославля», привезенной из этого старинного русского города и посвященной выдающемуся памятнику древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Следующим примечательным событием стало открытие нового музейного объекта, разместившегося в стенах сохранившейся до наших дней портомойни. Она расположена рядом с Домом памяти, где в августе 1941 года жила М. И. Цветаева, и теперь входит в мемориальный комплекс, который назван её именем.

Кроме того, 29 октября в исторической части Елабуги появился ещё один мемориальный комплекс, посвященный памяти жертв политических репрессий.

Он поражает прежде всего тем, что его авторам удивительным образом удалось донести атмосферу той поры, полной драматизма и страданий.

Завершилось празднование юбилея музея-заповедника в городском Дворце культуры сольным концертом неподражаемой Нани Брегвадзе.

* * *

КАЛИНИНГРАД. В октябре в городе прошли IX Дни литературы. Лермонтов, Пушкин, Твардовский, Гумилев, Донелайтис — строки из произведений классиков русской поэзии звучали в течение десяти дней в городе и области. Официальная церемония открытия Дней литературы прошла в Концертном зале областной филармонии. А в Багратионовском районе калининградские поэты и писатели вместе с учащимися местных школ, педагогами, работниками библиотек и учреждений культуры отметили 195 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

* * *

КАЗАНЬ. Второго ноября общественность Казани торжественно отметила 75-летие Союза писателей Республики Татарстан. На научно-практической конференции «Татарская литература XXI века, сохранение и тенденции развития татарского литературного языка», посвящённой этому событию, вступительное слово произнёс председатель СП РТ И. М. Ибрагимов, с приветственным словом к писателям обратились заместитель Премьер-министра — министр культуры РТ З. Р. Валеева и доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук РТ, директор Института языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова К. М. Миннуллин. Доклады прочитали кандидат филологических наук Ф. Ф. Хасанова, кандидат филологических наук Х. Х. Ширман, доктор филологических наук Д. Ф. Загидуллин. В последующих выступлениях своими размышлениями о печати и поэзии; об особенностях литературного стиля современной татарской прозы; о национальной литературе, родном языке и образовании; о языке, как об абсолютной национальной ценности; о том, что поэзия не терпит посредственности, об использовании афоризмов в современной татарской литературе; о требованиях нового века к прозе; о задачах и проблемах перевода татарской поэзии и прозы на русский язык; о художественном языке театра; о молодых писателях, как будущем литературы и других насущных задачах литературного дела поделились народный поэт РТ Р. Г. Файзуллин, литературный критик Р. Х. Сверигин, поэт, директор национального издательства «Магариф» М. Х. Валиев, кандидат филологических наук Р. Ф. Харрасова, поэт З. М. Мансуров, кандидат филологических наук Г. А. Набиуллина, прозаик К. А. Каримов, поэтесса Л. Р. Газизова, переводчик, кандидат филологических наук Г. М. Хасанова, поэт, драматург, публицист Р. Р. Зайдуллина, поэт, драматург Р. Х. Курбанов, поэтесса, кандидат филологических наук Л. Н. Шарова, литературный критик, кандидат филологических наук Р. Ф. Рахмани, поэтесса, прозаик, переводчик Ф. Г. Тарханова.

Торжества, начатые в Культурно-деловом комплексе «Казань», продолжились в Большом концертном зале имени Салиха Сайдашева, где был дан концерт мастеров искусств. А по ходу концерта прошла церемония награждения особо отличившихся писателей. С приветственным словом к награждённым и ко всей литературной общественности республики выступил Председатель Государственного Совета РТ Ф. Х. Мухаметшин. Поэтесса Лилия Газизова удостоена звания Заслуженного деятеля искусств РТ, поэтессы Наиля Ахунова и Файруза Муслимова удостоены звания Заслуженного работника культуры РТ, медаль «В память 1000-летия Казани» получили Гаухар Хасанова и Амирджан Муталлапов, благодарственное письмо Президента РТ было вручено прозаику Ахату Гаффару, почётной грамотой Министерства культуры награждён поэт Михаил Тузов.

Не обошлось и без поздравлений от коллег по литературному цеху. Эмоционально приветствовали татарских писателей высокие московские гости: председатель Международного литфонда и главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев и председатель Международного Сообщества писательских союзов Иван Переверзин. С наилучшими дружескими пожеланиями обратились к собравшимся председатель Союза писателей Удмуртии Е. Е. Загребин, председатель Союза писателей Республики Марий Эл В. В. Крылов, заместитель председателя Союза писателей Республики Башкортостан К. А. Аралбаев.

* * *

МИНСК. 16 октября в столичном кинотеатре «Центральный» состоялась презентация издания 96 офортов раннего Марка Шагала к поэме Николая Гоголя «Мертвые души» на русском и английском языках.

По словам директора музея Марка Шагала в Витебске Людмилы Хмельницкой, в собрании музея находится уникальная коллекция — серия иллюстраций художника к гоголевским «Мертвым душам». Это очень редкая серия графических работ Шагала. На постсоветском пространстве подобные работы находятся в коллекциях только трех музеев: в Третьяковской галерее в Москве, которой сам Шагал в 1928 году подарил серию работ, в Эрмитаже, куда книга попала из семьи художника, и в Музее Марка Шагала в Витебске.

* * *

МОСКВА. Финалист премии «Большая книга» 2009 года, писатель и заядлый путешественник Андрей Балдин надеется, что в России будет развиваться литература о путешествиях, которая даст возможность новому воплощению русского языка.

Андрей Балдин вошел в шорт-лист премии «Большая книга» со сборником эссе «Протяжение точки», в котором автор как бы совершает путешествие во времени и пространстве по следам Пушкина и Карамзина. Цель этого путешествия — постижение судьбы русского языка.

Книга «Протяжение точки» проиллюстрирована самим писателем. По его словам, рисунки создавались одновременно с записями, дополняя их.

* * *

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ. Поэт, главный редактор альманаха «Аргамак» Николай Алешков получил известие о том, что он стал лауреатом Всероссийской премии «Ладога» имени А. Прокофьева за книгу стихотворений «Свет небесный» («Московский писатель», 2007). Премия присуждается Правительством Ленинградской области. Книга была выдвинута на премию Союзом писателей России. Вручение — 2 декабря в Санкт-Петербурге.

* * *

НИЖНИЙ НОВОГОРОД. Открыта выставка работ, а именно фотографий реализованных проектов зданий австрийского архитектора **Фриденсрайха Хундертвассера**. Цель выставки — привлечь внимание людей к красоте архитектуры. На выставке представлены 45 фоторабот из личного архива Хундертвассера. Выставка организована при поддержке офиса почетного консула Австрийской республики в Нижнем Новгороде. Фриденсрайх Хундертвассер (1928-2000) — один из самых известных архитекторов XX века, он же — создатель новой позднеклассической эстетики, придумавший собственный оригинальный графический стиль.

* * *

ПСКОВ. В Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское» прошёл IV областной «День лица». На праздник приглашены учащиеся технических лицеев из Пскова, Великих Лук и Гатчины. В программе праздника — чтение стихов у памятника поэту работы Белашовой напротив Анастасиевских

ворот Святогорского монастыря в посёлке Пушкинские Горы, посещение монастыря и могилы А.С. Пушкина, экскурсии по усадьбам заповедника. Лицеисты побывали и в музейной почте в деревне Бугрово, открытой в рамках проекта, ставшего победителем грантового конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» 2008 года, проводимого Благотворительным фондом Владимира Потанина при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и оперативном управлении Ассоциации менеджеров культуры (АМК). Во второй половине дня в Научно-культурном центре Пушкинского Заповедника лицеисты дали концерт в честь великого поэта.

* * *

СТАВРОПОЛЬ. Стало доброй традицией отмечать день рождения Михаила Лермонтова красиво и с размахом. Этот день ставропольцы превращают в литературный праздник не только потому, что имя поэта тесно связано с историей города — многие просто любят стихи Лермонтова и восторгаются ими.

У памятника Лермонтову собрались все те, кто не равнодушен к творчеству поэта. Наряду с гостями праздника, читавшими стихи, выступил и муниципальный концертный духовой оркестр: помимо других композиций музыканты несколько раз сыграли знаменитый вальс Хачатуряна к лермонтовской драме «Маскарад».

* * *

ТВЕРЬ. 16 октября в торжественной обстановке в Мемориально-художественном музее Владимира Серова в Эммаусе откроется выставка «История создания картины «Степан Разин». Посетители музея могут видеть творческие этюды из собрания Тверской областной картинной галереи, выполненные Владимиром Серовым к историческому полотну «Степан Разин». Художник работал над этим произведением в 1938-1939 годах. Большой части представленных этюдов в 2009 году исполняется 70 лет.

* * *

УФА. В Башкирском государственном художественном музее имени М.Нестерова прошла выставка «Шедевры Сальвадора Дали», на которой впервые в России были представлены подлинные скульптуры, керамика и графика испанского художника из частной коллекции.

«Коллекция из 64 подлинных произведений, созданных С. Дали в период 1967–1984, впервые представленная широкому кругу в России, принадлежит жителю Екатеринбурга Александру Шадрину», — сообщила главный хранитель музея им. М. Нестерова Валентина Сорокина.

По её словам, главная ценность этой передвижной выставки состоит в том, что «этих работ и их копий нет в музеях, владелец возит свои сокровища по стране и позволяет воочию полюбоваться подлинными произведениями искусства, основанными на символизме и аллегориях».

* * *

ХАБАРОВСК. «Для мира и небес чужой» — так называется книжная выставка, открывшаяся в Дальневосточной государственной научной библиотеке и посвящённая Михаилу Лермонтову.

«Большая часть нашей выставки, на которой представлено около 200 печатных изданий, — это мемуары и воспоминания современников, официальные свидетельства и документы эпохи, — рассказала заместитель директора библиотеки Раиса Наумова. — В разноголосице мнений и полярных суждений «вырисовывается» личность поэта и значение его творчества. Экспозиция украшена работами, принадлежащими перу известных отечественных литературоведов и писателей. Это «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество» первого биографа поэта Павла Висковатова, «Лермонтов» Виктора Афанасьева, «Скандал, или Откуда что» Эдуарда Шульмана, «С подорожной по казенной надобности» Аллы Марченко и другие.

«СЛОВНО СТРЕЛОЮ МОЙ ВЕК ПРОЛЕТЕЛ»

День рождения Анастасии Цветаевой в Елабуге

*Чего страшусь? И глад, и хлад минуют,
Недуг, сжигая тело, поит дух,
И зов о помощи не пребывает втуне
Доколь смиренья факел не потух.*

Анастасия Цветаева

Несправедливо начинать разговор об Анастасии Цветаевой как о сестре Марины Ивановны. Такой лейтмотив всё чаще звучит в кругах цветаеведов. И это закономерно, поскольку сама Анастасия Ивановна была превосходным писателем и переводчиком. Есть у неё и сборник стихов. 26 и 27 сентября (в день её рождения) в Москве в культурном центре «Дом-музей М. И. Цветаевой» прошла научная конференция, посвящённая творчеству Анастасии Ивановны. А 30 сентября 115-летие со дня её рождения отмечали в Елабуге, куда приехали из столицы внучка А. И. Цветаевой Ольга Трухачева с мужем Александром, директор вышеназванного центра Эсфирь Семёновна Красовская и близкий друг семьи Доброслава Анатольевна Донская. Вначале на Петропавловском кладбище (где в прежние годы на могилу М. И. Цветаевой уже была привезена земля с мест захоронения её младшей дочери Ирины, сына Георгия и с Бутовского полигона, на котором был расстрелян муж Сергей Яковлевич Эфрон) О. А. Трухачева высыпала землю, взятую на Ваганьковском кладбище с могил десяти своих ближайших родственников. Среди них В. И. Цветаев, М. А. Мейн, А. И. Цветаева, А. Б. Трухачев и другие. Завершился этот акт символического воссоединения семьи поэтическим посвящением М. И. Цветаевой. Было сумрачно, не переставая накрапывал дождь, но вскоре все оказались в светлой и тёплой литературной гостиной библиотеки Серебряного века, где прошел замечательный по своей искренности и возвышенности вечер, посвящённый юбилею А. И. Цветаевой. Он продолжался более трёх часов, начавшись рассказом о том, как в 1894 году в семье И. В. Цветаева родилась «крошка Асенька», которой предстояло прожить самую долгую в их роду 99-летнюю жизнь.

Гостей торжества сердечно приветствовали генеральный директор музея-заповедника Г.Р. Руденко и заместитель руководителя райисполкома Е.Е. Соловьева, Э.С. Красовская, которая привезла в подарок недавно вышедшие «Воспоминания» А.И. Цветаевой о сестре Марине, впервые опубликованные без купюр. Она рассказала, что в их культурном центре с недавних пор появилась комната, целиком посвящённая Анастасии Ивановне, где стоит её мебель, хранятся вещи и книги из личной библиотеки, целиком переданной родственниками в музей. Очень

живым и непосредственным был рассказ О.А. Трухачевой о своей бабушке. Как близкий человек, она поведала множество интересных фактов и деталей, не известных широкому кругу. О взаимоотношениях с сыном, невесткой, внучками. О трогательной заботе и поддержке, которыми Анастасия Ивановна до конца дней окружала не только своих родных, но и всех, кто обращался к ней за помощью.

Ольга Андреевна привела слова бабушки, сказанные ею незадолго до кончины: «Я хочу любить людей действенной любовью. Я так много могу ещё сказать, так много могу ещё сделать». Бесценным даром стали переданные О.А. Трухачевой в музей-заповедник рукописные и машинописные материалы со стихотворениями Анастасии Ивановны и написанным ею в лагерном заключении романом «Amor» («Любовь»). Этот подарок не был случайным, потому что на вечере прошла презентация двух книг А.И. Цветаевой: поэзии — «Мой единственный сборник» и прозы — «Amor». Их переиздание осуществил Елабужский музей-заповедник благодаря финансовой поддержке ОАО «Таттелеком».

О том, как Анастасия Ивановна начала писать стихи, можно было услышать в записи из её собственных уст: «На сорок первом году я очень ярко занималась английским, преподавала его и стала писать стихи по-английски. Так с год писала, потом перешла легко уже на русский. И как будто никогда ничего другого не делала. И в тюрьме (в сорок два — я была арестована, сорок три — мне исполнилось на допросе), и в лагере я писала стихи. В тюрьме — «в воздух», потому что это только царская власть давала Ленину перо, и чернильницу, и бумаги, и он писал против власти царской свои сочинения. А теперь у нас в тюрьме

не дают ни карандаша, ни листочка бумаги, так что я всё сочиняла «в воздух», повторяла их до одурения, повернувшись к стене лицом, и заучивала их. А память была хорошая... Я получила весть, что она (М. И. Цветаева — авт.) уже два года назад покончила с собой. И вот с этого дня у меня прекратились все рифмы...» Именно поэтому, когда готовились к печати её стихотворения, Анастасия Ивановна настояла на том, чтобы книга была названа «Мой единственный сборник» (он вышел в свет уже после её смерти).

Впечатляющим был рассказ об А. И. Цветаевой её близкого друга Д. А. Донской, по словам которой Анастасия Ивановна всю жизнь служила Богу и людям. «В 28 лет, — рассказала она, — совсем ещё молодой Анастасия Ивановна дала обет безбрачия, невкушения мяса и обет никогда не лгать. Последний — был очень сложен для неё, потому что

на допросах нужно было говорить так, чтобы не подвести других, не выдать. И она с благородством и мужеством выходила из этого положения и — не лгала. Акцентировала Доброслава Анатольевна внимание собравшихся на том, что А. И. Цветаева, имя которой в переводе с греческого означает «воскресшая», родилась в день Воздвижения Креста Господня, а умерла в воскресенье, в день от-

дания праздника Успения Пресвятой Богородицы. Хоронили её по церковному календарю в день Сретения Владимирской иконы. Девятый день пришёлся на Положение честного пояса Пресвятой богородицы, а сороковой день — на Покров. Все это знаки свыше, свидетельствующие о богоугодной жизни А. И. Цветаевой.

О своей единственной встрече с ней рассказал главный редактор литературного альманаха «Аргмак», челнинский поэт Н. П. Алешков. Более длительными были дружеские отношения с писательницей у казанской поэтессы Лилии Газизовой, на стихи которой Анастасия Ивановна написала отзыв, а затем предисловие к её первому поэтическому сборнику. Лилия Газизова подарила музею-заповеднику присланные ей А. И. Цветаевой четыре номера журнала «Москва», в которых впервые увидел свет роман «Атог».

Ректор ЕГПУ А. М. Калимуллин преподнес гостям Елабуги сборники последних трёх Международных Цветаевских чтений. А руководитель информационного центра музея-заповедника А. Н. Иванов продемонстрировал новые уникальные экспонаты из фондов: книгу из личной библиотеки И. В. Цветаева «Всеобщий учебник музыки» с автографом его жены М. А. Мейн, по которому учились музыке их дети Марина и Анастасия. Два журнала «Русское обозрение», в которых помещены три статьи Ивана Владимировича. И путеводитель по созданному им Музею изящных искусств им. императора Александра III.

Музей-заповедник провёл приуроченный к дню рождения М. И. Цветаевой конкурс художественного слова, на котором стихи поэтов Серебряного века читали более 50 участников. Трём лучшим из них были вручены в литературной гостинной дипломы и денежные премии. На этот раз победителем конкурса стала елабужанка Светлана Попова, которая и сама отмечена печатью поэтического дарования.

Конечно же, звучали стихи А. И. Цветаевой, а завершился он литературно-музыкальной программой на стихи сестёр Цветаевых, автором и исполнителем которой был Юлий Михайлович Зыслин, приехавший в Елабугу из Америки. Он —

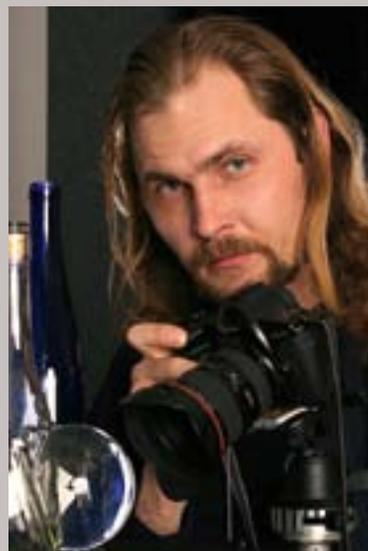
создатель Вашингтонского музея русской поэзии и музыки, Аллеи русских поэтов и композиторов в Гай Мейсон-парке Вашингтона, инициатор ежегодных цветаевских костров в Вашингтоне, Первого Московского и Всемирного фестивалей авторской песни и романса на стихи Марины Цветаевой и многого другого.

Каждому участнику встречи были подарены новые книги А. И. Цветаевой. Многие захотели получить на них автограф внучки писательницы. И Ольге Андреевне пришлось ещё целый час делать дарственные надписи, где ключевым словом было: «С благодарностью...»

Владимир САЛМАН

ФОТО ВЕРНИСАЖ

К ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ

Об авторе

Меня всегда поражает в этом мастере фотографии нечеловеческая работоспособность и энергия. Ему ничего не стоит пару суток подряд просидеть за компьютером, обрабатывая фотоснимки. Или выбрать окно среди постоянных заказов и слетать в Саяны, пройти по горам пешком 120 километров ради удачного кадра. Или сплавиться на катамаране по уральской реке, побывать на Байкале, в Абхазии, в Финляндии, Германии, Египте, Монголии... И опять же ради того, чтобы ещё что-то снять.

На его сайте www.salman.ru 5,5 тысячи фотографий, собранных в 90 тематических альбомах. Не случайно, что посещаемость и популярность сайта высоки: от 1,5 до 2 тысяч просмотров за день.

– В Восточных Саянах по одному и тому же маршруту я прошёл в 1997, 1998 и 2006 годах. Хочу ещё слетать. Там можно через день ходить, и вся съёмка будет разная.

Реально подсчитать количество отснятых за последние 15 лет кадров В. Салманом невозможно. Но для убедительности, что это очень много, скажу: три профессиональных фотоаппарата за этот срок износились, как образно выражаются фотографы, в хлам. А ресурс каждого из них в пределах 1,5–2 млн. кадров. Простая арифметика. Да, и ещё две автомашины «Нива».

– Я, наверняка, никогда бы всего этого не достиг, не будь у меня такой понимающей и любящей жены с божественным именем Венера. Она взяла на свои хрупкие плечи заботу о доме, воспитании сыновей, освободив меня от множества повседневных дел. Безгранично благодарен ей за это.

В свои 40 с небольшим лет В. Салман с избытком исполнил все главные заповеди мужчины. Построил прекрасный дом, посадил не одно дерево, а целый сад, вырастил не одного, а троих сыновей. А что дальше?

– Дальше? Снимать. Снимать всегда, снимать везде.

**Николай Кондратюк,
член Международной Федерации журналистов**

АРХИВНАЯ ПОЛКА

ЛЕВ МИЗАНДРОНЦЕВ

...ещё не кончен бой

Лев Мизандронцев — мало кто даже из самых начитанных любителей поэзии слышал это имя. Поэт, драматург, философ, художник — Бог дал ему талант, но не дал судьбы. А о том, что он действительно талантливый человек, вы можете судить по этой подборке, взятой нами из единственной книги Льва Мизандронцева «Стихи глубоких раздумий», вышедшей в 2005 году благодаря стараниям инициатора издания А. Ш. Шарафутдинова и при финансовой помощи Р. А. Заляева.

Автора предисловия к этой книге, казанского писателя Михаила Евгеньевича Скороходова, также уже нет в живых.

...поэт — всегда должник вселенной...

В. Маяковский

ИСТОРИЯ

Ода

Бард, санкюлот, префект претория
и чернь, и чёрная элита...
Из искр исторгнута История
в густых ночах палеолита.
Нас двоеликий гений вынянчил
и вывел на пути крутые.
Нам Винчи завещал величие,
нам рабство прочили Батыи.
Мы из камней камеи резали,
мы сребросплавы в лиры лили,
глушили грёзы ложью трезвою,
осанну пели злобной силе.
Ты всюду, ты во всём, История,
всё вплетено в твои маршруты.
И ты не мыслима без Товия,
без Герострата и цикуты.
Твой пульс то набирает максимы,
то замирает бездыханно.
Твой лик то смотрит оком марксовым,
то косоглазьем Чингизхана.
Над пылью догм схоласты вздорили.
И дерзкий выпел Магеллана
вздымал на шквальный бал Истории
вал мирового океана...
То ужас лжи, то искры истины.
И высь небес, и низость ада.
В страницах тех, что перелистаны,
урок, расплата и награда.
И всё, что собрано, что создано, —
в граниты, в строфы, в бронзы вбито.
Не молкнут Бруно зовы звёздные,
не сохнут слёзы Гераклита.
И снятся взлёты неминуемые.
Всеобнимающим пожаром
охватит Космоса излучины
мысль, вознесённая к Стожарам.

Ты правишь с нами тризны чёрные
и радость звёздных новоселий...
И вся ты — чудо рукотворное —
и Жизнь, и Смерть, и Воскресенье!

КОНИ

— Племенные, пламенные кони,
пейте всласть свирепую струю.
Я гонял вас в буйные погони,
разъярял в неистовом бою.
Рвутся кони под уколом шпоры,
бьют копытом камни и кусты,
сотрясая недра и просторы,
над мостами распластав хвосты.
Мчать, сверкать насечкой берберийской,
взвихривать нетоптанный песок,
ринуться в наскок кавалерийский,
шашкою крестя наискосок!
Опьянило вас, о, бега боги,
буйство необузданных страстей.
Крутовыйны вы и звонконоги,
кованные кони всех мастей...
Но не все я масти приколдую
и готов я кости прозакласть
за три масти: искристо-гнедую,
лунную и вороную масть.
Не в строю рысистых кавалерий
конь гнедой мне нужен под уздой,
но чтоб ширь густоковыльных прерий
взбороздить невзнузданной ездой,
чтобы рвал он телом мускулистым
леденящий и слепящий шквал,
чтобы ветер взвизгами и свистом
гнал его в распахнутый провал,
чтоб с напора, с разворота, сходу,
без подпруг, без сбруи и убранств
конь гнедой рванул меня в свободу
вихрем взбаламученных пространств.
Ну а чёрный конь монументален,
жгучие глаза его грозны,
отливает блеск его подпалин

серебром лебяжьей белизны.
Он шипами жаркими подкован,
чепраком всклокоченным покрыт,
сизым лоском он отполирован
от косматой гривы до копыт.
И бесшумно, точно тень вампира,
понесёт меня мой чёрный конь...
Ночь течёт, и где-то в безднах мира
синеватый вихрится огонь.
Вот прыжок над каменистой кручей,
над речной излучиной прыжок,
и огонь, что взвихрен в тьме дремучей,
душу мне измучил и прожёл.
Чёрный конь мне нужен чрезвычайно!
Он — стремленье, зрение и слух.
Скоро жгуче-сладостная тайна
утолит мой ненасытный дух!
И светлей чем отрок непорочный
белый конь — конь славы и побед:
весь он лунно-мраморно-молочный,
весь он — вознесенье и рассвет.
Он белее лебедей и лилий,
горделивей ветра и орла.
Белизною ангельских воскрылий
озарён наклон его чела.
И, внимая зову горнов звонких,
над врагами, рухнувшими ниц,
бронзово-литые амазонки
вздыбливают белых кобылиц.
И, повергнув троны и кумиры,
на конях белей сарматских зим
в изумрудных лаврах триумвиры
триумфальным шагом входят в Рим.
Я жалел, бывало, что когда-то
не рванул изгрызанных удила
и с размаха в сердце супостата
боевым клинком не угодил.
Что ж, пускай!.. Не в счёт удар отбитый...
Сбит я в пыль, но не окончен бой,
и мой бог от синего зенита
светит мне звездю голубой.
Пусть за мной крадётся враг по следу,
пусть авгуры смерть пророчат мне,

но с победой всё равно я въеду
в светлый Рим на белом скакуне.

КАПИТАН

На торсах матросов — крылатый дракон,
изгнут, когтист и рогат...
Не дьявол, не буря, не бог, не закон
по волнам мотают фрегат.
Плывёт он, качаясь, под мачтовый скрип,
устал он от грузов и гроз,
и киль его слизью зелёной облип,
ракушек коростой оброс.
Горячей волной заливает загар
и грудь капитана, и лоб...
Зреть лик неоткрытых ещё ниагар
ему предвещал гороскоп.
Искатель земель, вдохновитель отваг,
гроза флибустьерских акул,
живая легенда — от выцветших краг
до жёлтых обветренных скул,
оставил он берег тревог и сует.
И порт в это утро был хмур,
и долго чернели, смотря ему вслед,
глаза крепостных амбразур.
И всё угрожая упрямой мечте,
зловещих столетий маяк,
громадой аббатства гудел в высоте
готический чопорный мрак...
Давно за кормою и порт, и страна,
и доки с их тусклой тоской,
там в мутной воде, что желта и жирна,
полощется мусор морской...
Он бремя родных берегов не берёт...
Ногой опершись на швартов,
он меряет ширь океанских дорог
с обшарканных чёрных бортов,
чтоб режущим креном, всему вопреки,
неслыханный вычертить путь,
найти безымянные материки
иль смерть через борт зачерпнуть.

А рядом матросы поют про гульбу,
про дом, про незыблемый грунт...
Их злую, как ведьма морская, судьбу
добрее не сделает бунт.
Вся жизнь — под грызню и царапанье крыс,
под дребезг и лязг якорей...
И ноет о душах повешенных бриз
в сплетениях тросов и рей.
Их давят тугих горизонтов тиски,
по-волчьи их глаз одичал...
Не знает лишь он океанской тоски,
он верит в счастливый причал,
он рвётся в багровый закатный костёр
и режет волну наугад.
И в синий простор паруса распростёр
его трёхмачтовый фрегат.
Пусть шквалы штурмуют и рвут такелаж,
не даст он рулю поворот,
пока не расстелется явью мираж
под зорями новых широт.

МАТРОС

Ряды домов подкошены,
им почва — не опора,
а звёзды в воздух взброшены,
как шарики жонглёра.
Пускай о переносицу
разбился штоф на части,
болячки не относятся
к числу морских несчастий.
А листья трав, как зонтики,
как кисти рук беспалых,
дрожат среди экзотики
готических кварталов.
А в облаках мерещатся,
сиянием объяты,
на траверсе скворечницы
прозрачные фрегаты.
Повёрнутые кормами
к широким лунным скулам,

они летят над прорвами
в пасть голубым акулам...
И грёзами напичканный,
он таял в лунном свете,
как имя его с кличкой
в безбрежности столетий.
В эпоху безмотория,
ничем не озабочен,
он в мастерской истории
служил чернорабочим.
Он плату брал не славою,
не злой добычей даже,
хотя любил кровавую
потеху абордажа.
Не морща лоб над румбами,
берёт деньгу на водку
и лез в грызню с колумбами,
суля им чёрта в глотку.
Сломав стилет, подсвечником
бил в свалке поножовщин...
Но к океанским грешникам
рок благосклонен в общем:
смерть — миг, и вся тут недолга...
Не знал он о секрете,
что без таких не ведал бы
наш Свет о Новом Свете.

ОЗЁРА

Ваш облик таинственной далее туманных,
а воды пустыни старей,
но в них не заглох ещё гул океанов
и плеск отшумевших морей.
Под скрип и качанье челна на приколе,
под клёкот степного орла
вы дремлете в душной и пыльной неволе,
колебля свои зеркала.
В унылом молчанье живут с вами вместе
безликие солончаки,
и вечно глухие, бессвязные вести
приносят вам волны реки.

Порой, грохоча, водяную кипучесть
вздымают винтами суда,
но их беспокойная дымная участь
зеркальности вашей чужда.
Вы носите листья да сучья сухие,
да перья подстреленных птиц.
И редко, и глухо степные стихии
гудят от винтов и от плит.
Над вами просторно и звёздам, и тучам,
а вас в роковые тиски
всё крепче кольцом серебристо-сыпучим
сжимают густые пески.
Над вами ревут и грохочут раскаты
и молния тучи сечёт,
и жёлтое солнце на голые скалы
косыми лучами течёт.
Вам снятся нашествий косматые орды,
кипящая кровью земля...
Под свист суховеев вы сохнете гордо,
пощады себе не моля.
Глядят в ваши воды и стебель тщедушный,
и небо в рассветном огне...
И правда ль, что вы ко всему равнодушны,
своей лишь верны глубине?
И разве под шелест высокой осоки
не точит вас горечь тоски,
что вы и в песках, и в веках одиноки,
что вы от морей далеки?..

Вблизи камышей, под унылый их шорох,
веслом рассекая струю
в затерянных в мире лазурных озёрах,
я песнь о титанах пою.

БАЛЛАДА О ЦАРЕ

В краю за тридевять границ,
за тридесять морей
жил-был в светлейшей из столиц
сильнейший из царей.
Текли ручьи янтарных вин
в его садах, журча:

в его дворцах — сапфир, рубин,
индийская парча.
И слуг подобострастный род
трон окружал царя...
Но не любил царя народ,
к нему враждой горя.
К вражде народа своего
царь вовсе не был глух —
она тревожила его
честолюбивый дух.
— Как сделать, чтобы садовод,
прядильщик волокна
меня любили бы?.. — И вот
зовёт он колдуна:
— Хочу, чтоб каждый из людей
Меня бы сердцем чтит.
Тебе, колдун и чародей,
знаком язык светил,
тебе подвластны облака
в бездонной вышине...
О, сохрани на все века
ты память обо мне!
Чтоб над гробницею моей
цвели любви цветы...
В награду дам тебе, ей-ей,
всё, что захочешь ты.
— Царь!.. Я потребую не мзду,
коль дам царям урок...
Но за расплатою приду,
когда настанет срок.
Колдун, коснувшись царских рук,
растаял, как во сне.
Царь с трона поднялся — и вдруг...
почуял боль в спине.
Он стал крутиться, точно жгут,
душа заныла в нём...
как будто спину его жгут
невидимым огнём.
Он подскочил к окну, крича...
А у дворца царя
четыре лютых палача
бичуют бунтаря.

Бунтарь — удельный князь, вассал —
владел округой гор.
Ему недавно подписал
царь смертный приговор.
— Остановите казнь скорей!.. —
раздался царский крик. —
Свободу князю, лекарей,
чтоб излечили вмиг!
Я был жесток, о, мой вассал!
Я грабил твой удел...
Ты против мытарей восстал,
за правду меч воздел!
Тут в ход пошли примочки, мазь,
каких не знали встарь.
И быстро вылечился князь,
а вместе с ним и царь.

Весёлый и богатый пир
с вассалом правит царь.

Но что такое? Лязг секир
и крик: «Куда ты, тварь?!»
Мать привела двоих детей...
Но стражи у ворот,
скрестив секиры перед ней,
загородили вход.
И странный незнакомый зуд
царь ощутил остро:
свирепый голод, точно спрут,
сосал его нутро.
Царь съел пулярку и пирог,
и студень из газельих ног,
и выпил грога полный рог,
но голод утолить не смог.

И крикнул царь: — Войди, о мать!
Дорогу им, скоты!
Я научу вас понимать
всю горечь нищеты!
Он их кормил, он смыл с них грязь,
дал золота мешок...
И вскоре сытость разлилась
внутри его кишок...

Детей погладив по щекам,
он дал наказ поставщикам:
— Запасы бронзы и парчи
сменять на брынзу, на харчи!
Излишних благ не нужно мне,
Пробьёмся как-нибудь...
Всю бедноту в моей стране
кормить, одеть, обуть...

И восхищались все сердца
монаршей добротой.
Его, как нежного отца,
любил народ простой.
— А где же чудотворец тот? —
однажды царь спросил. —
Что за наградой не идёт
Владыка тайных сил?

— Я здесь... — ответ раздался вмиг...
И, как из-под земли,
перед царём колдун возник.
— Теперь, о царь, внимли:
Съешь этот чёрный виноград.
Без муки, в тишине
умри. Дороже всех наград
смерть эта будет мне.
Иначе всё вернётся вспять,
и будет вопль и глад,
и вновь тревожно будут спать
псы у твоих оград.

Царь завопил: — Шутить со мной?!
Да ты в своём уме ль?!
Мне не нужна такой ценой
достигнутая цель!
Уйди! Мне душно, сатана,
в тисках твоих чудес!..
Царь жезл свой бросил в колдуна,
но тут колдун исчез...

И жезл литой убил пажа...
— Теперь и я умру! —

царь повторял, всю ночь дрожа.
Но страх прошёл к утру.
Свой странный замысел тая,
снял чары чародей.
И царь вздохнул: — Довольно я
страдал за всех людей!..
Прочь, честолюбья пелена,
бессмертья пьедестал!..
Да!.. Тяжела любви цена.
Я от любви устал...

И вновь народ царя клянёт,
рай видя лишь во сне,
а беззаконье, голод, гнёт
господствуют в стране.

БАЛЛАДА О ПЛЕННОМ БОГЕ

После боя с жителями вместе
в плен попал и деревянный бог.
Славы храмов и народной чести
он, великий, отстоять не смог.
Был чернее ночи над Руандой
он, хранитель деревень и стад...
И его погнали под командой
сброда оголтелого солдат.
Потянулись люди вереницей
через горы, дебри и пески.
Их повёл начальник бледнолицый,
жёсткий шлем надвинув на виски.
Чёрный люд не ведал о железе,
жил он веком костяной стрелы.
Всю дорогу зорями Замбези
брехал он, кусая кандалы.
И росла и ширилась тревога,
и кривился крючкотубый рот
пучеглазого немого бога,
идола тропических широт.
Видел он, как в кровавом рассвете
колыхались красные пески;
видел он, как женщины и дети
падали от зноя и тоски;

как стрелки с развязностью кабацкой
пили джин, раскинув бивуак,
как сверкал в сухой руке солдатской
и бессильных добивал тесак.
Но для бога стал всего заметней
в маете привалов и путей
мелконогий мальчик малолетний,
самый незаметный из детей.
В ржавых пятнах кожи обожжённой
молча шёл он, как змеёныш гол,
по камням ложбины прокажённой,
по межам родезий и ангол.
На заре он слизывал с ладоней
бисерные искорки росы,
чтоб шагать и глохнуть в знойном звоне
в долгие безводные часы.
И поклялся бог в степях открытых
светом звёзд и силою святынь
сохранить малютку от москитов
и от грозной ярости пустынь.
— Враг с землёй смешал мою обитель,
каждый дом разграблен и сожжён...
Пусть растёт в заморском царстве мститель
за детей, за матерей и жён!
И спасён был мальчик... Над водами
раз увидел он: могуч и горд,
с дамбами, дымами и садами
громоздится океанский порт...
В мареве рассветного тумана
чёрный люд загнали в чёрный трюм...
Бог стоял в каюте капитана,
как-то не по-божески угрюм.
Он расстался со своим народом
в душной суматохе пристаней,
где ночами стелется по водам
путаница мачтовых теней.
И в музей к зевесам и тезеям
был он водворён в конце концов
на показ бульварным ротозеям
и на радость лысых мудрецов.
И прихода чёрного мессии
ждал он, одинокий и ничей.
Били в зал луны лучи косые,

стыли блики бронзовых мечей.
Знатоки, невежды вперемешку
двигались, бросая без конца
и хвалу, и пошлую усмешку
детищу дикарского резца.
Всё стерпел он, скорбный и великий...
Но однажды, молод и остёр,
появился в зале черноликий
с тростью и в панаме визитёр.
Он был с дамой выше всех примеров,
вешних зорь на розах розовой,
вся она в капризах и манерах
от змеиных туфель до бровей.
В чёрном госте бьётся каждый атом,
зубы мечут искры и горят...
Быстро пробежав по экспонатам,
он на бога бросил беглый взгляд.
Две-три ноты модного мотива,
острый дым сигары из ноздрей,
фраза об уродстве примитива,
жалкого искусства дикарей.
И, сверкнув изящною панамой,
вскинув полированную трость,
вышел с обольстительною дамой
элегантный чернокожий гость...
Вспомнил бог незнавших о железе,
шири и высоты над рекой
и как зыбкий вечер у Замбези
разливал над сёлами покой.
Вспомнил дробный грохот барабанов,
стрёкот карабинов и налёт
и как в страшный путь до океана
мальчик умирающий идёт...
Пожалел он о своей опеке,
обречённый думать и скорбеть,
что он бог и ныне, и вовеки,
и что он не может умереть.

ХОДЬБА

Ты шагаешь, как кошка, по клавишам —
то наступишь на чёрный бемоль,

то бесчувственной лапой придавишь ты
диссонансом гудящую «соль».
И следы, точно кляксы, налеплены
на стезях твоей трудной судьбы.
Им неведомы великолепные,
золотые секреты ходьбы.
Но стезя — это струны — и узенький
путь во ржи, и широкий большак...
Ты возьми себе музу в союзники,
и тогда окрылённостью музыки
зазвучит самый будничный шаг.

МИХАИЛ СКОРОХОДОВ

ТАКИЕ РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Иду по Чистополю, родному городу, и незримые тени прошлого заполняют душу отрадой и печалью. Сколько старых приветливых домов, заставляющих замедлять шаги, сколько памятных ступенек, окон, тополей и берёз...

Подхожу к улице Льва Толстого, останавливаюсь и поворачиваю обратно. А когда-то ноги сами несли меня по этой улице к небольшому, спрятанному в глубине тихого, зелёного двора деревянному дому, в котором долгие годы жил мой друг Лев Харитонович Мизандронцев, человек трагической судьбы и огромной внутренней силы — философ, поэт, прозаик, драматург, художник.

«Племенные, пламенные кони...» — мне чудится глуховатый, медлительный голос, и снова будоражат душу изумительные стихи, полные музыки и глубоких раздумий о жизни... «И бесшумно, точно тень вампира, понесёт меня мой чёрный конь. Ночь течёт, и где-то в безднах мира синеватый вихрится огонь...»

А заканчивается стихотворение так: «Я теперь жалею, что когда-то не рванул изгрызанных удил и с размаху в сердце супостата боевым клинком не угодил. Пусть не верит враг в мою победу, пусть авгуры смерть пророчат мне, но с победой всё равно я въеду в светлый Рим на белом скакуне».

Надежда поэта не сбылась, триумфа он не дождался, но, как писал он в этом стихотворении, «ещё не кончен бой».

С Мизандронцевым я познакомился летом 1948 года, когда приехал из Москвы в Чистополь на каникулы после окончания первого курса Литературного института. Зашёл в редакцию местной газеты, ответственный секретарь Дмитрий Андрианович Карягин предложил мне прочитать стихотворение, лежавшее перед ним на столе.

— Может быть, подправишь?

— «Баллада о пленном боге», — прочитал я вслух.

Стихи мне понравились, было ясно, что написаны они настоящим мастером, не мне их «подправлять», да и надобности в этом не было.

— Прекрасная баллада. Напечатаете?

— Нет. Вещь не газетная.

— Хотелось бы познакомиться с автором. Кто он?

— Приходи завтра на собрание нашего литературного кружка, познакомлю. Интересный человек. Был в заключении, 58 статья, освобождён в прошлом году. Работает художником в ремесленном училище.

Так мы познакомились. Мизандронцеву было 47 лет, и мне, тогда двадцатидвухлетнему, он показался стариком. Густые брови, чёрные, прямые, тронутые сединой волосы, живые, полные затаённых дум глаза. Из редакции мы вышли последними, побродили по скверу. Я сказал, что очарован «Балладой о пленном боге», что хотелось бы прочитать или послушать другие его стихи.

— Приходите ко мне завтра вечером, — предложил он.

— Уезжаю на рыбалку, на несколько дней.

— Вернётесь, приходите.

— Спасибо, приду.

— Вам известно, что я бывший «враг народа»? — голос его был спокойным.

— Известно.

— Вас это не настораживает?

— Нет.

Я записал адрес. Дня через три пришёл к Мизандронцеву. Его жена Галина Викторовна сразу отправилась на кухню жарить судака, которого я принёс, а мы с хозяином сели за небольшой стол у открытого окна друг против друга, закурили. Небольшая комната, печка, две кровати, книжная полка, шкаф, два стула, табуретка. На столе — деревянная чашка, доверху наполненная душистой жёлто-зелёной махоркой. Синий табачный дым медленно выплывает в окно, сквозь ветви тополя видны звёзды. Проговорили до рассвета. О чём? Не помню. О жизни, обо всём. С этими людьми мне было легко, весело, интересно.

Как-то вскользь Лев Харитонович сказал, что осуждён был «ни за что», пробыл два года в ссылке и десять лет в сибирских лагерях. Никаких вопросов по этому поводу я ему не задавал: если захочет, расскажет сам.

На следующий вечер, отправляясь к новым своим друзьям, я стал вспоминать «Балладу о пленном боге» и вспомнил её всю, строфу за строфой. Сколько лет прошло, а перед глазами, как живые, — голый, обожженный африканским солнцем малыш, элегантно чёрный иуда и его нестареющая, обольстительная, похожая на змею спутница. В четырёх строчках — и портрет, и характер: «Он был с дамой выше всех примеров, вешних зорь на розах розовой, вся она в капризах и манерах от змеиных туфель до бровей»...

Понравились мне и другие стихотворения Мизандронцева: «Кони», «Дороги», «Звери», «Капитан», «Озёра». Галина Викторовна переписала их для меня. Я посоветовал Льву Харитоновичу послать стихи в какой-нибудь журнал, он махнул рукой.

— Пробовал. Бесполезно. Лишнее унижение. Я знаю, что стихи когда-нибудь будут напечатаны. Время ещё не пришло.

Память у Мизандронцева была удивительная. Он читал наизусть стихи Эдгара По, Гумилева, Брюсова, других поэтов. О чём бы ни заговорили, он помнил даты, имена, не просто знал исторических деятелей, вплоть до древних императоров и полководцев, но и их жён, детей, племянников.

— Какие университеты вы кончали, Лев Харитонович? — спросил я однажды.

Оказалось — три курса Московского университета. Учился блестяще, но... Женился и ушёл из университета. Из-за Галины Викторовны, значит. По его мнению, самообразование лучше любых академий. Читал по интересующим вопросам книги: чем больше, тем лучше, ничего не конспектировал. С детства любил театр, участвовал в любительских спектаклях.

Жили с Галиной Викторовной в Москве, родился сын. Две пьесы Мизандронцева были изданы отдельными книгами, в Еврейском театре репетировали его новую пьесу «Стена плача». Действие её происходит в Иерусалиме (знаменитая «стена плача» — религиозная святыня арабов и евреев), где английские разведчики плетут гнусные интриги, руководствуясь излюбленной формулой: разделяй и властвуй.

Арестовали Мизандронцева в 1935 году, за несколько дней до премьеры. Автор сидел в Бутырской тюрьме, а в Москве висели афиши с его фамилией, пьеса шла с большим успехом, в «Правде» появилась положительная рецензия на спектакль, жена получала гонорары...

Я часто задумывался: что чувствовал этот человек, как он перенёс крушение своих надежд, ведь ему было всего 34 года. Словно отвечая на мои невысказанные вопросы, он сказал однажды:

— Знаете, где-то в глубине души я даже доволен, что моя судьба сложилась так. Конечно, если бы не арест, я что-то сделал бы серьёзное в драматургии, но не было бы другого — моей главной книги, которую я пишу сейчас.

Он имел в виду свою работу «О логике прекрасного» (опыт марксистско-ленинской эстетики).

О своей лагерной жизни Лев Харитонович говорил редко, сдержанно, без озлобления:

— Иногда ночью к моей койке пробиралась группа заключённых. Будили, шёпотом просили прочитать стихотворение Гумилёва «Капитаны». Протру глаза, никого в темноте не вижу, читаю... Сунут мне в руку пайку хлеба, разойдутся. Один из заключённых тайком писал документальную повесть о лагерной жизни. Назвал её «Уничтожение человека». Кто-то донёс, больше мы его не видели. Доводилось мне работать на лесоповале, в так называемой слабосильной бригаде. К счастью, меня перевели в клуб, писал лозунги, плакаты. Работал аккуратно, тщательно выводил каждую букву. Начальник считал, что я ленюсь, бывало, стоит за спиной, рычит: «Не выводь! Не выводь!..»

Перечитываю стихи Мизандронцева и словно слышу снова его негромкий, усталый голос. Какая звукопись... «Где резвится зверь и птица, загорится мой костёр,,,», «Чтоб у времени в лапах слово пахло и жглось...», «Или смерть через борт зачерпнуть,,,»

Ночи напролёт мы говорили на литературные темы. И всё осталось в памяти...

— Рифма имеет свою историю, она тоже развивалась от низшего к высшему, хотя развивалась неравномерно. Строчку надо строить так, чтобы на рифму падала, по возможности, смысловая и обязательно звуковая нагрузка...

Ритм ведёт к рифме. Блок не особенно изощрялся в рифмах, но послушайте:

*И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Что сделала рифма? Перья живут, а руку хочется поцеловать...

Звукопись у нас видят только в звукоподражании, да и то односторонне. Всё можно передать звуками — и пространственную глубину, и сердечную боль. Думают, что звук в поэзии — это только треньканье, бубенчик. А в звуке и мысль, и душа. Строчка «Есть упоение в бою...» как бы насыщена упоением, оно присутствует, живёт в самих звуках. Вся наша поэзия не могла создать ничего равного пушкинской строчке «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» Поэтов тысячи, но мало кто ищет «союза волшебных звуков, чувств и дум». А без такого союза нет поэзии.

Когда я уехал из Чистополя, мы переписывались. Удивительный человек — он любил писать длинные письма. Никто не писал мне таких остроумных писем.

Как-то по своей дурости я написал в письме, что Державина «губит старомодный язык». И получил отповедь.

«У Державина есть великолепные вещи. Правда, он приемлем в меру, но ода «Бог», например, переведена почти на все языки мира, имеющие письменность. Вы пишете, что «его губит старомодный язык». Это потому, что вы русский, а русский человек не любит, не уважает и не понимает своей старины. Недаром он разрушил с такой лёгкой душой Сухаревскую башню и тысячи других памятников. У Шекспира язык ещё старомоднее, но этим он не губит себя в глазах англичан. Каким же ещё языком, как не языком эпохи, должен был писать Державин?! Старого поэта лучше всего читать на его языке, и надо уметь понимать тот язык, не применяя к нему правил современной грамматики.

*Чтоб смертну бездну преходило
Моё бессмертно бытие...*

Великолепно! Смело, величественно, поэтично! Какая красота! Жаль, что русские люди не любят своего прошлого и что учить их этой любви приходится армянам». (Мизандронцев — армянин по национальности).

Стихи, рассказы, повести Мизандронцев писал между делом: главный многолетний его труд — «О логике прекрасного». Не буду пересказывать содержание, скажу только, что автор, по моему мнению, опередил своё время. Все попытки издать книгу окончились неудачей. Отовсюду он получал отписки или малограмотные, мягко говоря, рецензии. Не раз он говорил и писал мне, что рукопись его «разворовывают», приводил убедительные примеры.

Лишь однажды забрезжила надежда. Рукопись «О логике прекрасного» прочитал заведующий сектором эстетики Московского института истории искусств

Герман Александрович Недошивин. В январе 1958 года Лев Харитонович написал мне о встрече с ним:

«Побывал в Москве. Вот что сказал Недошивин: труд очень интересный, смелый, оригинальный, очень нужный. Вопросы эстетики надо решать именно так, как они решаются у меня. Ему понравился логический пафос моего труда, понравилась логическая система, которой охватываю все явления искусства. И хотя у нас этот путь считается весьма сомнительным, однако у меня он оправдан. С некоторыми деталями он не согласен, но в общем книга хорошая. Кроме того, он сказал, что понимает тех, кто её охаял: книга отпугивает с первых страниц, ибо я сразу ввожу читателя в область, непривычную для наших эстетиков и искусствоведов. Труд, по его мнению, должен быть издан...»

Пока не радуюсь. До того стал в жизни вульгарным материалистом, что радуюсь только тому, что можно воспринять органами внешних чувства».

Дальше события развивались так. Я написал Мизандронцеву, чтобы он дал мне телеграмму, как только станет известна дата обсуждения рукописи, что приеду в Москву (я жил тогда в Архангельске, работал корреспондентом ТАСС) и, если будет необходимость, выступлю в защиту его труда.

Обсуждение состоялось несколько месяцев спустя. Рукопись «О логике прекрасного» находилась всё это время в библиотеке института, чтобы участники обсуждения могли с нею ознакомиться. Народу было немного, человек 10-12.

Мизандронцев начал читать, слушали его внимательно. Рядом с ним сидел старичок со слуховым аппаратом. Слушал и всё время улыбался. Мне он сразу не понравился. «Может быть, один из рецензентов, — предположил я. — ну, подожди...»

На чтение ушло больше двух часов, после перерыва началось обсуждение. Первым попросил слова старичок (торопился на какое-то совещание). «Почувствовал, хочет улизнуть, — решил я. — Ничего, потом ему передадут...»

Гром среди ясного неба...:

— Кланяюсь Вам в ноги за Ваш великий труд...

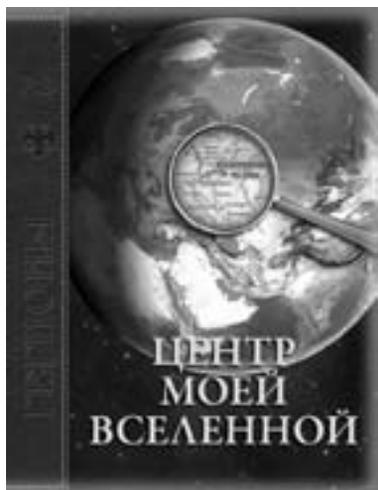
Остановись, мгновенье.

Все участники обсуждения высказались за издание книги.

...Летом следующего года Мизандронцев показал мне рукопись, которую ему вернули из института истории искусств. На полях — два вопросительных знака, начертанных красным карандашом. Этим дело и кончилось. В очередном письме Лев Харитонович сообщил, что в институте сектором эстетики руководит уже другой человек.

В 1980 году умерла Галина Викторовна. Год спустя умер Мизандронцев. Рукопись «О логике прекрасного» хранится у его сына Фёдора, он инженер по специальности. Недавно я получил от него письмо. Оказывается, незадолго до смерти Лев Харитонович наказал ему рукопись сжечь. Как поступит Фёдор Мизандронцев, я не знаю, но убеждён, что такие рукописи не горят.

ДАЙ БОГ, НЕ ПОСЛЕДНЯЯ...

Кому только в семидесятые годы не были нужны сведения об истории Набережных Челнов, неожиданно для всей страны ставших плацдармом Всесоюзной ударной стройки: агитаторам и политинформаторам, журналистам двух местных многотиражек и корпунктов столичных изданий! Очень быстро теория о том, что всё здесь, в татарстанском Закамье, начиналось с чистого листа, в глазах общественности потерпела фиаско. Из рук в руки переходили, а в библиотеках просто исчезали книжечка местного краеведа Василия Лапочкина и статьи в газете «Социндустрия на строительстве КАМАЗа», посвящённые первобытным племенам, оставившим свои следы на берегах Камы, булгарам и русским первопоселенцам. Позже истинным «хитом» стал самодельный двухтомник председателя правления городского краеведческого общества Анатолия Дубровского, в котором достаточно подробно излагалась история нашего города с незапамятных времен до последних.

Жаждающим всё знать доподлинно этого было мало. А уж когда перед распадом Союза стали разбухать национальные противоречия, то вновь разгорелись споры. Запутались челнинцы тогда в сомнениях: возникло ли русское село-образ нашего города, как всегда полагали, в 1626 году или его основали булгары ещё до монгольского нашествия? А, может, правы те, кто считает, что первыми здесь появились израненные под Казанью героические противники Ивана Грозного?

Слава Богу, для разрешения споров стало появляться серьёзное «оружие»: одна за одной начали издаваться книги на эту тему. Авторами были все тот же

неувядаемый Анатолий Григорьевич Дубровский, а также кандидат исторических наук Владимир Васильевич Ермаков, Билял Абдрахманович Канеев, другие достойные люди. Точки зрения у них зачастую серьёзно различались, что челнинских любителей истории только раззадоривало на самостоятельные поиски истины.

И вот на длинной полке толстенных фолиантов и тоненьких книжек об истории Набережных Челнов появилась подготовленная к печати в серии «Регионы РФ» издательством «Новости МИРА» книга «Центр моей вселенной». От всех прочих её отличает многое. Во-первых, инициатором её создания стал известный челнинский предприниматель и благотворитель Сергей Геннадьевич Рачков, захотевший оставить на память потомкам подробный рассказ не только о своей малой родине — селе Орловке, ставшем ныне частью Набережных Челнов. Рассказ получился максимально достоверным, занимательным, достаточно легко читающимся. За первую часть можно было не беспокоиться: материалы, подготовленные уже упоминавшимся В. В. Ермаковым и краеведом-архивистом А. Г. Комиссаровым, отличали подробность и в хорошем смысле дотошность. «Перевести» их с «научного» языка на художественный было поручено известным в городе журналистам и литераторам Татьяне и Петру Дроновым.

Особого внимания заслуживает вторая часть книги — о роде Рачкова, о нём самом и о том, почему для него и его семьи центр Вселенной — это Орловка, Челны, Нижнее Прикамье.

Пересказать её невозможно, а вот прочитать стоит, поскольку так лично и пристрастно говорить на эту тему может лишь сильный человек, для которого слова «патриотизм», «Россия», «будущее страны» — конкретные понятия. Сергей Геннадьевич свято чтит русские православные традиции и в их духе, с мудрой требовательностью, воспитывает своих четверых сыновей. Думается, его мысли о воспитании подрастающего поколения будут интересны многим, равно как и подробности его жизненного пути.

А ещё надо отметить дизайн книги — красочной, но не гламурной, а солидной и достойной. Главная заслуга в этом принадлежит известному в городе специалисту-дизайнеру и техническому редактору Виталию Павлову.

Надеемся, что в здоровом соперничестве авторов-краеведов на свет появится ещё не одна книга о нашем городе. Читатель их ждёт!

Петр МАЛОДЕЛЬСКОВ

БОЖЬЯ МЕТКА

Администрация Центрального района города Набережные Челны и Татарстанское отделение Союза российских писателей вот уже в четвёртый раз провели конкурс детского литературного творчества «Дебютант». Ежегодно по итогам конкурса выпускается скромный коллективный сборник под названием «Оазис». Редакция литературного альманаха «Аргамак», примкнувшая к этому доброму делу, решила опубликовать на страницах своего издания произведения трёх юных участников конкурса. Все трое учатся в набережночелнинской гимназии № 57. Концентрация литературных дарований в одном учебном заведении нами только приветствуется. Вместе с организаторами конкурса, вместе с челнинскими педагогами мы считаем, что чистая, незамутнённая душа ребёнка — это всегда оазис в мире взрослых. Все дети талантливы от Бога, и каждый по-своему открывает мир, радуясь травинке, птице, облаку в небе.

И пусть не все юные авторы станут профессиональными писателями. Дело не в этом! В данном конкретном случае взрослые люди, затеявшие конкурс «Дебютант», помогают детям выразить себя, сказать миру о сокровенном. А это значит — не сотрётся раньше времени Божья метка, сохранится надолго. Может быть, навсегда...

ИГОРЬ ЗУЕВ
ученик 6 класса

* * *

Осень... Осень наступила,
И солнце реже стало греть,
И грозный ветер в поле воет,
И дождик слабый моросит.
И барсуки залезли в норы,
И мы не слышим пенья птиц,
И бурундук сидит на ели,
И грустно в небеса глядит...

* * *

Проснулся рано я и поглядел в окно:
На небе солнышко лучистое играет,
И весело скрипит калитка во дворе.
На небе тучка появилась,
И серебристый дождик пробежал,
Но через час вернулось солнышко на небо.
И в травке маленький сверчок
Вдруг заиграл на скрипке.
Услышав музыку сверчка,
На ветке птичка засвистела
И в этой песне — Родина моя...

ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Где-то в лесу жила-была речка. Чистая-чистая, прозрачная-прозрачная. Весь лес поила прохладной водой. Каждому позволяла смотреть в себя, как в зеркало. Ни с кем не ссорилась, со всеми болтала. Весёлая добрая речка. Так было долго.

Но однажды утром проснулась она в плохом настроении. То ли сон грустный увидела, то ли ещё что случилось. Вздохнула речка печально, потянулась и зацепилась волной за корягу, поцарапалась. Совсем расстроилась речка, чуть помутнела её вода.

Заметило это солнце, решило развеселить речку. Пощекотало её своим длинным лучиком, да как-то неудачно: сломался луч, уколол и без того поцарапанную волну. «Что за глупые шутки», — подумала она обиженно. А тут ещё неприятность — кто-то больно толкнул речку копытцем. Оказывается, совсем маленький лосёнок, покачиваясь на своих тоненьких ножках, пришёл попить. Запутался в речной траве и упал в воду, еле выбрался. Эта мелочь окончательно вывела речку из себя. Да, расстроенная, испуганная, обиженная речка рассердилась, фыркнула и... вышла из себя. Из берегов своих... Сначала осторожно, на прибрежную траву. Дальше — до первых кустов. Потом закружилась вокруг стволов деревьев. Во все стороны, дальше, дальше, дальше растекается речка...

И понимает, что не то делает, а вернуться не может... Сорвалась... вышла из себя. И вперёд бежать не может, сил больше нет... Качается почти стоячая вода меж кустов и деревьев. Гниют ветки, листья, трава в стоячей воде.

АЛИНА ЯББАРОВА
ученица 3 класса

Никто не пьёт из бывшей речки, никто в неё не смотрится. Мутной, вязкой, грязной трясинной стала чистая, светлая речная вода.

Болото... Неверные кочки... Ползучие стебли... Страшные чёрные окна... Болото... А была речка. Была... Добрая, весёлая лесная речка. Только вот из себя вышла... Выйти каждый может. Всегда может. Выйти легко... Очень... Слишком даже...

...Не надо кричать... И дверью хлопать не стоит... Спокойно... Зачем бить посуду?! Тише, пожалуйста... Тише.

СКАЗКА ПРО ЗЕЛЁНЫЙ ЛИСТОК

На самом берегу реки стояла высокая берёза. На самой макушке берёзы жил зелёный листок. Он вырос только этой весной, но уже успел многое повидать. Он видел и восходы, и закаты, и голубое небо, и пасмурное, и грибные дождички, и грозовые ливни. А ещё он успел завести себе множество друзей. Это был очень общительный листик. Он дружил с бабочками и певчими птицами. Птицы пели ему песни, а бабочки порхали вокруг. Листок жизнерадостно трепыхался на ветру, и каждый день его был полон счастья. Только одно доставляло листику огорчение. Ему не нравился его цвет. Он был обыкновенный, зелёный. Листик вздыхал и с завистью рассматривал своих друзей: золотисто-жёлтую иволгу с красным клювом, зарянку с оранжевой грудкой, нарядного щегла и бабочек. У бабочек на крыльях столько разных красок! «Какие вы красивые!» — часто говаривал листик, и тщетно друзья пытались ему объяснить, что у него самый лучший на свете цвет. «Нет, и не уговаривайте меня, я такой безобразный!» — всхлипывал листик, и тогда птицы начинали петь свои самые весёлые песни, а бабочки устраивали танцы среди ветвей, и листик постепенно успокаивался. На свете столько всего прекрасного, что можно легко забыть о своей собственной ужасной раскраске.

Так проходило лето, в гнёздах подрастали птенцы, появлялись новые бабочки, а листик всё также бодро трепыхался, и казалось ему, что этой безмятежной жизни не будет конца.

Но однажды утром листик проснулся с каким-то странным ощущением. Что-то случилось. Что-то было не так. Он оглядел себя, и его сердце наполнилось небывалой радостью. Представляете, он стал золотисто-жёлтым! Как его любимая иволга! Он закачался на веточке и изо всех сил закричал: «Посмотрите, вы только посмотрите на моё новое платье!» Но никто не откликнулся. Никто не прилетел к нему — ни его друзья птицы, ни бабочки. Листик удивился, ещё прокричал, прислушался, пригляделся — тихо было в лесу и над рекой, не было привычных птичьих голосов, не кружились на полянках знакомые бабочки. Что же произошло? Листик даже застыл от недоумения.

На его счастье на соседнюю ветку опустилась большая серая ворона. «Скажите, пожалуйста, куда это подевались все певчие птички?» — вежливо обратился к ней листик, сверкая своими золотистыми боками. Ворона глянула на него круглым чёрным глазом и хрипло прокаркала:

— Они все улетели! На юг! На юг!

— Почему? Зачем?

— Они всегда осенью улетают на юг! У них такое правило! Остаёмся только мы, вороны! Ну, ещё галки да синицы разные. Мы не боимся холодов.

— А бабочки? Тоже улетели?

— Бабочки попрятались и заснули! До весны!

— Как жалко! — воскликнул листик. — Мне так хотелось показать им своё новое красивое платье!

— Новое платье! Эка невидаль! — прокаркала ворона и повернулась к листику спиной.

«Ах, какие они невоспитанные, эти вороны! — думал листок. — Но вот если бы моя знакомая иволга увидела, какой я теперь стал красивый!» И листик размышлял о том, как радовались бы все его друзья, и птицы, и бабочки, увидев его наряд. Но бабочки заснули, а птицы улетели. Но, может быть, их можно догнать? Они ведь ещё не успели улететь далеко? И листик снова начал радоваться. Он принял решение. Он дождался северного ветра, крикнул своей родимой берёзе: «Прощай!» — сорвался с ветки и полетел в своём новом платье прямо на юг, догонять друзей...

Вот уж не знаю, догнал он их или нет, но назад он не возвращался, и это совершенно точно.

ДВЕ ЗВЁЗДОЧКИ

Сказка

Жила-была на свете морская звёздочка.

Однажды ночью был отлив. Тёплое морское течение вынесло звёздочку на берег. На песке она осталась совсем одна.

Но стоило ей поднять глаза к небу, как звёздочка увидела много других звёзд. Небесные звёзды были очень похожи на неё.

— Как здорово! — подумала морская звёздочка. — Вот бы мне с ними подружиться.

Вдруг на небе одна из звёзд блеснула очень ярко.

РОМАН НАБИУЛЛИН
ученик 2 класса

— Привет! — услышала морская звёздочка. — Никогда не думала, что на Земле тоже есть звёзды! Давай дружить.

— Конечно, давай! — обрадовалась морская звёздочка. — Но ведь мы так далеко друг от друга. И я совсем не умею летать, — грустно добавила она.

— Это не страшно, — промолвила небесная звёздочка. — Для дружбы нет расстояний и преград. Мы слышим друг друга сердцем.

Звёздочки не могла наговориться. Они рассказывали друг другу о своей жизни и мечтали о встрече.

Вдруг, откуда ни возьмись, появились тёмные тучи. Они закрыли небо. Подул сильный ветер. Начинаясь ураган. Морская звёздочка пыталась доползти до кромки воды. Она хотела, чтобы морские волны отнесли её в родной дом. Но разве можно было что-то увидеть в кромешной мгле!

— Помогите! — отчаянно шептала морская звёздочка. Но ветер лишь громче завывал вокруг.

В это время небесная звёздочка вглядывалась в темноту, которая закрывала Землю. Она решила помочь своей подруге и сорвалась со своего места. Небо было очень тёмным. Вдруг между тучами блеснул яркий огонёк. Он осветил морской звёздочке путь к воде.

Ярким огоньком была небесная звёздочка. Приближаясь к Земле, она светила изо всех сил. И морская звёздочка поползла к морю. Волны подхватили её, понесли. По дороге домой она слышала, как люди на берегу кричали: «Падает звезда, надо загадать желание и оно обязательно исполнится!».

Падающая звезда коснулась воды и погасла. А потом морская звёздочка нашла на дне моря небольшой камешек. Это была незабываемая встреча двух друзей!

Теперь звёздочки — вместе и очень счастливы!

ЮМОР, САРКАЗМ, ИРОНИЯ

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ

о свином гриппе, менталитете и прочих серьёзных вещах

Грипп свиной и птичий грипп.
Человек, куда ты влип?
Город Мехико далече.
Населенье там калеча,
Грозный вирус в краткий срок
Все границы пересёк,
Он идёт гулять по свету,
Он населит всю планету,
Ведь сегодня самолёт
Куда хочешь завезёт.
К нам пока ещё не прибыл:
От России что за прибыль?
(Впрочем, может быть, сейчас
Он шурует и у нас).
Врач велит: наденьте маски
И гуляйте без опаски,
Одевайтесь, как спецназ, —
Пронесёт на этот раз.
Очень тёплая забота,
Только что-то неохота:
Ведь в России на «авось»
Все надеются, хоть брось.
Что, опасность неминуча?
Так своих болячек куча,
А менять менталитет
Можно только раз в сто лет.

Пусть живут свинья и птица.
 Им положено плодиться,
 А пока возможность есть,
 Нам положено их съесть.
 В Год Быка страшилок много,
 Ими устлана дорога.
 Кризис, вирус... что ещё?
 Подставляй, земляк, плечо.
 Нет вакцины лучше смеха,
 Применяй не без успеха!

ВЛАДИМИР ЛЫМАРЬ

НА КРУГИ СВОЯ

С некоторых пор в Лесу стали твориться странные и непонятные явления. Как-то вдруг, совсем неожиданно, перестали щебетать птицы и стрекотать кузнечики, хотя погода стояла солнечная, тихая и ясная. По ночам на болоте перестали квакать лягушки, но чаще обычного и с каким-то непривычным надрывом кричал из темноты старый Филин. Деревья облепили мерзкие прожорливые червяки, стремительно пожирающие листву. Померкли цветы. Стала жухнуть и скрючиваться трава на полянах.

Какой-то дух надвигающейся беды повис в воздухе. Обитателей Леса охватило необъяснимое чувство тревоги и беспокойства. Казалось, вот-вот должно произойти нечто...

И оно произошло: Заяц замахнулся на Лису! Когда такое бывало? И это сошло ему с рук!

Потом Муравей без видимой причины укусил Ежа, и снова — никто ни слова!

Белка кинула в Волка обгрызанную шишку — и Волк стерпел оскорбление!

Ёлки-палки! Да что же это на самом-то деле?

Срочно был созван внеочередной Совет Зверей, на котором постановили: надо принимать решительные меры. Но какие именно, никто не знал. Даже мудрый Кабан, и тот ничего толкового предложить не смог.

Тогда Совет принял самое ответственное решение — обратиться за рекомендациями в высшие инстанции. Пусть помогут разобраться!

Дятел отстучал телеграмму в Большой Бор, и члены Совета стали ждать разъяснений. Ждали-ждали, но никаких разъяснений и инструкций им так никто и не дал. Большой Бор безмолствовал...

Общим собранием снарядили в дальнюю дорогу Сороку. Через три дня Сорока вернулась и сообщила сногшибательную новость: Большого Бора больше нет! Спилили!

Что тут началось!..

Всё лесное население как подменили. Обитателей Леса обуяли сумятица и ажиотаж. На смену привычному течению жизни пришли сумбур, хаос и неразбериха. В Лесу воцарился бардак.

Муравьи перестали строить муравейники и увлеклись дешёвым бизнесом, продавая спирт жучкам, паучкам, клопам и комарам. Бобры забросили свои дела по строительству плотин и внаглую сплавляли направо и налево ценную береговую древесину. Лиса открыла в своей норе бордель, откуда сутками не вылезали охочие до этого дела Хорьки и Бурундуки. Волки, сбившись в стаи, промышляли откровенным разбоем. Вороньё грубо и беззастенчиво разоряло беззащитные птичьи гнёзда. Законы Леса рушились на глазах.

А Лес между тем с каждым днём чах, сох, увядал и приходил в запустение. Но никто, похоже, этого не замечал. Никому до этого не было дела. Каждый был озабочен только собой.

В этой лихорадке, в бестолковой суете и неразберихе каждый по-своему и любой ценой торопился поймать Госпожу Удачу — до Леса ли тут? Да пропади он пропадом!

...Звери, птицы и насекомые забыли, что Лес — их дом, в котором они могут спокойно жить лишь тогда, когда в доме равновесие и порядок. А в этом доме уже давно не было ни порядка, ни равновесия. А в природе это недопустимо. Природа, как известно, не терпит беспорядка и вмешивается в процесс решительно и беспощадно.

И вот... Однажды утром с востока потянуло ветром и гарью. Это был тревожный сигнал: где-то вдалеке занимался пожар. Пожары и прежде приключались в Лесу, но это были небольшие очаги воспламенения и, как правило, никому не причиняли особого вреда. Но здесь все Звери разом почувствовали приближение большой неотвратимой беды. И обитатели Леса дружно, не сговариваясь, потянулись в обратную — безопасную сторону. Однако вскоре почувствовали, что и навстречу им надвигается огненный смерч.

Они ринулись вправо — и там огонь! Бросились влево — и оттуда горячий дым!

Заметались Звери в поисках выхода, но не находили его. Спасения, казалось, не было: огонь наступал со всех сторон. В безумном страхе и ужасе метались они в едином огромном стаде — Медведи и Волки, Лисы и Зайцы, Лоси и Рыси. Никто никого не кусал, не оскорблял, не обижал: то ли на это не было времени, то ли проснулись давно забытые инстинкты — уважай ближнего, если нет надобности его съесть!

Обречённость — ужасное состояние, а собственная смерть — это, в первую очередь, невосполнимая утрата для самого живущего. Как избежать такой ненужной потери? Этого никто не знал, но всем очень хотелось.

Неизвестно, чем бы закончилась эта драматическая история, если бы на помощь не пришла опять же природа-матушка.

Небо затянуло тяжёлыми грозowymi тучами. Лес потемнел, и на землю хлынул невиданной силы ливень. Нет, это был даже не ливень, а настоящий неукротимый потоп. Он продолжался много дней и ночей, и трудно предположить, как среди этого нещадного водопада выжило и спаслось население Леса.

Пожар, конечно, затух. Вода постепенно ручьями ушла в реки. Тучи разошлись, и снова над Лесом засияло солнце.

Муравьи принялись восстанавливать размытые ливнем муравейники, в округе вновь послышалась весёлая дробь работы-Дятла, закуковала Кукушка и застрекотали Кузнечики. Трепетно пролетела над пожухлыми стебельками Иван-чая осторожная Стрекоза. А Ёжик рассказывал, что своими глазами видел на поляне порхающую красивую бабочку. Ему, конечно, никто не поверил, но все поверили в главное — жизнь возвращается на круги своя. И это было прекрасно!

РАШАТ САДРУТДИНОВ**С НОВЫМ ГОДОМ!**

На профсоюзном собрании мне дали ответственное поручение: быть корпоративным Дедом Морозом, чтобы после работы объехать поквартирно всех наших сотрудников и поздравить их с наступающим Новым годом.

Вечером 31-го машина стояла у моего подъезда. Я быстро натянул непривычный наряд, который мне выдали в культмассовой комиссии и, путаясь в широких полах ядовито-красной шубы, выскочил на улицу.

Сначала мы заехали к Петровым. Я, как и положено Деду Морозу, спел их чадам песенку про ёлочку, раздал хрустящие пакеты со сладостями. Только собрался уходить, как вдруг вижу: Анисимыч загадочно кивает в сторону кухни и показывает известную всем мужчинам незамысловатую комбинацию из мизинца и большого пальца. Заруливаю на кухню, а он уже стопку протягивает.

— Не-е, — говорю, — не употребляю.

— Так я тоже, — улыбается Анисимыч. — Ради праздничка ведь!

— Всё равно не могу, — отвечаю. — На службе.

— Обижаешь! — использует последний аргумент Анисимыч и делает кислую мину.

Надо сказать, что инженером он у нас считался толковым, и вообще, как говорят, характеризовался только с положительной стороны. Так что обидеть его было бы просто некрасиво. Я зажмурился, и — была не была!

У Клячкиных я тоже всё проделал на уровне и уже направился к выходу. А Клячкин хитро подмигивает:

— Может... того?..

— Что ты, — говорю, — дорогой! Сам знаешь, поручение у меня.

А тот с меня уже шубу стаскивает и энергично оттирает от двери. Я не менее энергично сопротивляюсь, но тут вдруг он вспоминает магическое слово:

— Не уважаешь, да?..

У Сидоровых меня заставили выпить за квартальную премию, у Носовых — за наш дружный и сплочённый коллектив, у Афонькиных — просто за всё хорошее.

В квартиру Скрепкиных я уже ввалился без стука и прошёл напрямик на кухню. Скрепкин поглядел на меня большими глазами, но ничего не сказал. Я снял надоевшую шубу, отстегнул бороду и небрежно развалился за столом. Теперь Скрепкин смотрел на меня так, как будто я был не

новогодним Дедом Морозом, а, по меньшей мере, работником санэпидемстанции, пришедшим травить тараканов в столь неподходящее время.

— Слушай, Кошкин!.. — неопределённо начал он.

— Да чего там! — вздохнул я. — Наливай!

Через полчаса мы уже дуэтом пели «Распрягайте, хлопцы, коней», вспоминали Толкунову, Кикабидзе и Юрия Антонова.

— Дедушка Мороз! — робко тронул меня за рукав Скрепкин-младший, когда наш небогатый репертуар иссяк. — А про ёлочку знаешь?

— П-про ёлочку? К-конечно!

И я запел: «Ёлки-палки, лес густой, ходит Ванька холостой...». Песню я заканчивал уже в подъезде, куда меня во избежание небывалого скандала успел выставить Скрепкин.

К предцехкома Огурцовой меня внесли на руках. Перепуганная и растерянная, она долго смотрела на меня, не в силах вымолвить ни слова. Зато я с ней не церемонился.

— Чего, — говорю, — вылупилась? Своих не узнаёшь? — и сплёвываю в сторону остатки ваты с бороды.

Тут Огурцовой стало плохо, а что было со мной дальше, я узнал на экстренном заседании цехкома, где разбиралось моё персональное дело.

Картина представилась печальная. За тот злополучный вечер я у кого-то опрокинул нарядную ёлку, пытался объясниться в любви Снегурочке, которая оказалась женой замначальника цеха, да к тому же на улице распевал непотребные песни.

Собрание единодушно объявило мне выговор и обязало срочно возместить стоимость подарков, которые в новогоднюю ночь я щедро раздавал прохожим.

ГОНКА

...Зимний лес, собачий холод. Очередная заводская спартакиада. Подходит профорг Палкин. Выручай, говорит, команды не набирается. Пытался объяснить, что третий год мучаюсь остеохондрозом, но тут над ухом кто-то выстрелил, и все рванули так, словно где-то за лесом дают импортные кроссовки.

...Держусь за синей олимпийкой, которая тяжело дышит и держится за сердце. Что-то резко похрустывает в морозном воздухе. Кажется, суставы.

...По-прежнему держусь за синей олимпийкой, которая уже едва держится на ногах. Хорошо, что вместе с лыжами выдают палки.

...Куда-то пропала лыжня. Вижу на соснах засечки ёлочкой. Иду по ним. Здорово придумано.

...Иду полем. На душе пусто, вокруг ни одного кустика. Замерз. Нахожу в кармане спички, пробую поджечь лыжи. Хорошо горят. Надо будет благодарность в газету написать, если жив останусь.

...Над головой пролетает самолёт. Значит, уже ищут. Кричу не своим голосом и отчаянно размахиваю руками. Не заметили.

...Ползу лесом. Жаль, выбросил палки. Неплохо бы выцарапать на дереве «Здесь был Коля». Оставлю на всякий случай мохеровый шарф. Не в деньгах счастье, а собаке след взять пригодится. Интересно, какое сегодня число?

...Двигаться почти не могу, ничего не хочется. Какой-то внутренний голос всё время напевает: «Как молоды мы были...». Интересно, как всё это будет? Наверно, выступит Палкин. «Товарищи! — скажет он. — Мы понесли тяжёлую утрату. Нелепая случайность вырвала из наших рядов дорогого друга, который до конца стоял за честь родного коллектива...». А может, даже улицу назовут?

...Вчера подобрали где-то за Уралом, лежу в научно-исследовательском институте. Думают, что снежный человек. На днях очная ставка с родственниками на предмет опознания.

...Отпустили домой. В местной газете напечатали статью «По законам мужества». Теперь хожу на сборы к пионерам.

...Вышел на работу. Палкина с физорга сняли, поставили меня. Послал его на соревнования по боксу. Травматолог сказал, ещё не скоро выпишут.

**НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТОРГОВО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ:
ОБРАЗОВАНИЕ,
НАУКА, ТВОРЧЕСТВО**

За Набережночелнинским государственным торгово-технологическим институтом (НГТИ) прочно закрепился эпитет «уникальный». В чем же состоит его особенность? За свою сорокалетнюю историю это учебное заведение претерпело большие изменения, превратившись из рядового торгово-кулинарного училища в престижный вуз, являющийся одним из ведущих учебных заведений Закамского региона, отлично зарекомендовавших себя в системе образования не только Татарстана, но и России.

И если говорить об институте в «очеловеченном» качестве, здесь необходимо отметить одну важную особенность: пройдя непростые ступени взросления и развития, НГТТИ на всех этапах сумел сохранить присущую юности способность к творческому развитию, открытость для всего самого нового, передового, интересного. Для студентов он всегда был и остается настоящей альма-матер, где молодые люди, приобретая первые навыки профессионального мастерства и постигая премудрости науки, живут насыщенной, полнокровной жизнью — становятся специалистами и раскрываются как личности. А помогают им в этом, конечно, педагоги и мастера производственного обучения — мудрые наставники и добрые товарищи, которые щедро делятся с ребятами и своими знаниями, и жизненным опытом.

— НГТТИ является многоуровневым инновационным учебным заведением, осуществляющим подготовку высококвалифицированных специалистов начального, среднего и высшего профессионального образования для сферы торговли и общественного питания, — говорит об учебном заведении его ректор, доктор педагогических наук **Виктор Семенович Суворов**. — Мы очень любим его — наш торгово-технологический — и считаем одним из самых лучших учебных заведений. Здесь удачно сочетаются личностное и профессиональное, педагогическое и студенческое, творчество и отдых.

Образование

Уже более пятнадцати лет в учебном заведении действует система непрерывной практикоориентированной подготовки, а с 2004 года она реализуется в полном объеме.

Система непрерывного образования имеет существенные преимущества, поскольку на каждой ступени подготовки вуз получает «своего» студента, который обучается с большим интересом по сравнению со студентами, зачисленными в учебные заведения сразу после окончания школы на основе вступительных испытаний и имеющими весьма расплывчатые представления о своей будущей профессии. Многоступенчатая подготовка специалистов в определенной степени является социально гибкой и менее затратной с финансовой точки зрения,

поскольку на любой ступени студент может прервать обучение и приступить к работе в соответствии с полученной квалификацией.

Наконец, достаточно большое количество времени, отводимое на практическую подготовку, возможность получения студентами нескольких дипломов различного уровня, а также знание ими всей технологической цепочки организации производственного процесса и управления ставит выпускников, получивших образование по непрерывной системе, вне конкуренции при трудоустройстве, даёт отличную возможность быстро включиться в производственный процесс и продвигаться по служебной лестнице. Специалисты с дипломом НГТТИ пополняют коллективы крупных центров торговли и общественного питания Татарстана и России, развивают собственный бизнес, успешно трудятся за рубежом.

Сегодня НГТТИ осуществляет подготовку специалистов по шести специальностям высшего, трём — среднего и трём — начального профессионального образования. Подготовка ведется по очной, очной сокращенной, заочной и заочной сокращенной формам обучения. Помимо того, у института налажены прочные, плодотворные связи с общеобразовательными учебными заведениями города и региона, через которые формируются профильные классы. В настоящее время в НГТТИ по очной и заочной формам обучения обучаются более 2000 студентов.

Перечень специальностей, в зависимости от потребностей рабочего рынка, постоянно обновляется. В 2007 году институт получил лицензию по трем новым специальностям высшего профессионального образования: «Маркетинг», «Реклама», «Связь с общественностью». В 2008 году были лицензированы еще две специальности среднего профессионального образования: «Организация обслуживания в общественном питании» и «Гостиничный сервис». А в нынешнем году институт получил лицензию по двум направлениям бакалавриата: «Менед-

жмент» и «Технология продуктов общественного питания».

Для того, чтобы гранит постигаемых наук не нависал над студентами пугающей глыбой, в институте созданы самые оптимальные условия, в частности, здесь имеется прекрасная библиотека. Фонды библиотеки и читального зала содержат более семидесяти тысяч экземпляров учебной, научной и научно-методической литературы, в том числе разрабо-

танной и изготовленной в стенах института. Выпуск научно-методических пособий, материалов практических семинаров и конференций осуществляет собственный издательский центр. Огромной популярностью среди самой широкой аудитории пользуется вузовская газета «Ступени». Её с интересом читают не только студенты и преподаватели НГТТИ, но и учащиеся средних школ города и республики, связывающие своё будущее с получением образования в НГТТИ.

Наука

В условиях социально-экономических преобразований, реформирования и модернизации профессионального образования наука, исследовательская деятельность становятся приоритетными направлениями в развитии любого вуза. В НГТТИ подготовка аспирантов, соискателей и докторантов успешно осуществляется по девяти научным направлениям — сегодня в институте обучаются в аспирантуре и являются соискателями ученой степени кандидата и доктора наук 11 человек. Широкому и всестороннему развитию творческого потенциала молодых ученых и студентов способствуют созданные здесь учебно-научные лаборатории.

Особое внимание в институте отводится участию профессорско-преподавательского состава в научных и научно-практических конференциях, в том числе международных и всероссийских. В 2008 году преподаватели института приняли как заочное, так и очное участие в 10-ти международных и 45 всероссийских конференциях, в первом квартале 2009 года участвовали в 5 международных и 18 всероссийских конференциях.

Не остаются в стороне от научной деятельности и студенты, что также является одним из важных направлений деятельности НГТТИ, его изюминкой. Традиционно в институте ежегодно проводятся республиканские и всероссийские студенческие научно-практические конференции «Студенчество в науке — инновационный потенциал будущего». Неотъемлемой частью учебной и научной работы в институте является научно-исследовательская работа студентов, в ко-

торой ежегодно принимают участие более 300 человек, причем как на высшей ступени, так и на средней ступени обучения. В целях профессионального самоопределения студентов, развития их творческого потенциала и индивидуального стимулирования в процессе обучения и научно-исследовательской деятельности создано Студенческое научное общество НГТТИ.

Традиции

Институт по праву гордится своими славными традициями, фундамент которых был заложен в самые первые годы деятельности учебного заведения. Огромное значение, к примеру, придаётся здесь учебной и общественной дисциплине, соблюдению норм этикета в поведении и опрятности во внешнем виде, чистоте и порядку как в стенах института, так и на прилегающей к нему территории. Вообще, дисциплина в институте основана на нравственных принципах и требованиях к современному деловому человеку — отсюда и максимальная требовательность, и максимальное доверие. Здесь принята деловая форма одежды у студентов, в институте запрещено курить, а вот здоровый образ жизни и любовь к спорту, напротив, горячо приветствуются.

В НГТТИ созданы условия не только для плодотворной учебы студентов, но и для их комфортного проживания. При институте имеется своё современное, благоустроенное общежитие, неизменно занимающее высокие места в городских и республиканских конкурсах. И родители, зная эти условия учёбы и жизни студентов в НГТТИ, стремятся отдать своих детей именно в это учебное заведение.

Творчество

Уникальность Набережночелнинского государственного торгово-технологического института заключается ещё и в том, что здесь каждому студенту дается реальная возможность раскрыться не только в учебе, но и в личностном плане. Огромное внимание здесь уделяется воспитательной работе, ее интеграции в учебный процесс. Приходит студент учиться — и волей-неволей погружается в поток мероприятий и дел: творческие конкурсы и конкурсы профессионального мастерства, спортивные и интеллектуальные соревнования, благотворительные акции, конференции и игры — чего только нет в запасниках

традиций института! Самые интересные — «Мисс Грация» и «Студент года», «Посвящение в студенты» и «Алло, мы ищем таланты!», новогодний Гала-концерт и встреча с ветеранами 9 Мая, «Философский аукцион» и «Повар года», соревнования по армреслингу и, конечно же, самими студентами придуманные и проводимые ежемесячно праздники в общежитии. Можно заняться туризмом или футболом, хореографией или журналистикой, барменским искусством или атлетической гимнастикой, войти в волонтерское или стройотрядовское движение, попробовать себя в общественной деятельности. Студенческий совет, Совет общежития, Форпост, PR-группа и экскурсоводы, организующие профориентационную работу, Студенческое научное общество ждут любого. Участие в такой обширной деятельности раскрывает способности каждого и помогает по-новому ощутить и утвердить себя среди сверстников и в дальнейшем — на производстве.

* * *

Набережночелнинский торгово-технологический институт, представляющий собой инновационное учебное заведение, органично сочетает в своей образовательной деятельности науку и творчество, теорию и практику, коллективное и личностное, возвращая специалистов современного формата, за которыми — будущее нашей страны.

**Набережночелнинский государственный
торгово-технологический институт**

Почтовый адрес **423812, РТ, г. Набережные Челны,
Новый город, пр. Московский,
д. 95 (8/02)**

Телефон/факс **+7 (8552) 58-70-79**

E-mail **ht-tti@newmail.ru**

Наши авторы

АЛДОШИН Тимур Леонидович родился 31 марта 1961 года в Казани, где и проживает по сей день.

Первая публикация: газета «Вечерняя Казань», 1987 год. Печатался в казанских газетах и журналах, а также «Новая Юность», «Октябрь» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Дирижабль» (Нижний Новгород), в антологии «Нестолычная литература» издательства НЛО (Москва).

Лауреат премии А. М. Горького (2005 год).

Пишет стихи, прозу, критику, публицистику.

Вместе с А. Е. Кирилловым ведёт литературное объединение «ARS Poetica» при Казанском государственном университете.

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — главный редактор литературного альманаха «Аргамак».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор девяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве.

Живёт в Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина.

АНИКИЁНОК Алексей Авдеевич родился 3 июля 1925 года в Детском селе (ныне г. Пушкин) Ленинградской области. С пяти до тринадцати лет находился в детском доме в связи с разводом родителей. Затем мать забрала детей к себе, а в 1941 году семья была эвакуирована под Казань (станция Юдино, Большие Ключи). В 1942 году Алексей уходит добровольцем на фронт. В 1944 году раненный, контуженный возвращается инвалидом второй группы, работает шофёром, трактористом, помощником машиниста, чертёжником.

В 1952 году поступает в Казанское художественное училище, откуда через пять лет исключается с формулировкой «профессионально непригоден» во время работы над дипломом. Тем не менее участвует в выставке изобразительного искусства ТАССР на декаде в Москве. В шестидесятые годы активно выставляется (в том числе, персональные выставки в Доме учёных в Казани, в Новосибирском академгородке, в редакции журнала «Смена»). Путь к признанию оказывается невероятно трудным, приобретает-

мая популярность парадоксально сочетается с неприятием официальных кругов вплоть до обвинений в антисоветчине.

В 1969 году художник переезжает в Псков, участвует в городских и областных выставках, в 1973 году публикует работы в журнале «Курьер ЮНЕСКО». В 1982 году Аникиёнок был принят в Союз художников СССР как монументалист.

19 марта 1984 года Алексей Авдеевич скончался от лимфолейкоза в Ленинградском институте гематологии. Далее следует серия посмертных выставок художника в Пскове, в Набережных Челнах, в Казани, в Москве, в Ленинграде. Выставки сопровождаются публикациями в различных журналах.

Произведения художника находятся в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан, в Псковском Государственном объединённом историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, в Мемориальном музее П. Л. Капицы Института физических проблем, во Дворце культуры Института им. Иоффе (Гатчина).

БЕЛОВА-НЕДОВИЗИЙ Ольга Борисовна родилась в 1967 году в городе Иваново. В настоящее время живёт в Набережных Челнах.

В 1991 году окончила художественно-графический факультет Набережночелнинского государственного педагогического института. С 1990 года активно занимается художественно-педагогической деятельностью. Творческие предпочтения Ольги — графика, в том числе, книжная. Она — автор иллюстраций к произведениям и книгам челнинских писателей, участница городских, республиканских и региональных выставок. С 2001 по 2008 годы в Набережных Челнах состоялось несколько персональных выставок Ольги Беловой-Недовизий. Её работы находятся в Музее изобразительных искусств Республики Татарстан, в картинной галерее Набережных Челнов, у частных коллекционеров России, Германии, Франции.

О. Белова-Недовизий — член Союза художников России.

БЕЛЯЕВ Николай Николаевич — русский поэт, родившийся в 1937 году в Ярославле. Окончил Казанский государственный университет, много ездил с геологическими партиями по стране, которая когда-то называлась Советским Союзом.

Неоднократно приезжал в строящиеся Набережные Челны, выступал с чтением своих стихов на стройплощадках, в общежитиях, в заводских цехах.

Ныне живёт в селе Ворша Владимирской области. Автор поэтических книг, издававшихся в Казани, Москве, Красноярске, Набережных Чел-

нах. Известен также как переводчик татарской и латышской поэзии.

БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЁВА Екатерина Николаевна родилась в 1979 году в Казани. Стихи пишет с детства. В тринадцать лет переехала с родителями в село Ворша Владимирской области. По окончании школы несколько лет работала редактором в различных издательствах Москвы и Санкт-Петербурга.

С 2004 года живёт в Санкт-Петербурге. Работает в студии анимационного кино «Мельница».

БОЧКАРЁВ Александр Николаевич родился в 1940 году в деревне Гурьевка Алексеевского района ТАССР, где проживает и поныне, работая сельским учителем. Автор пяти книг стихотворений, член Союза российских писателей.

ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук. Специалист в области русской литературы 40-х-60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханием весны».

Член Союза российских писателей.

В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

ГАЗИЗОВА Лилия Ривкатовна родилась в Казани, окончила Казанский медицинский институт (1990), Литературный институт имени А. М. Горького (1996).

Работала детским врачом. Ныне — руководитель секции русской литературы и художественного перевода Союза писателей Татарстана.

Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Даугава», «Татарстан», «Идель», «Казань», альманахе «Истоки», в «Литературной газете», «Литературной России» и др.

Автор пяти сборников стихов.

Составитель антологии русской поэзии Казани «Как время катится в Казани золотое...» (Казань, 2005), сборников (совместно с Сергеем Малышевым) «Современная татарская проза» (Казань, 2007), «Современная татарская поэзия» (Казань, 2008).

Известна и как переводчик татарской поэзии на русский язык.

Член правления Союза писателей РТ. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств.

Лауреат литературной премии им. Г. Р. Державина.

ГЛУШКИН Олег Борисович родился в 1937 году в городе Великие Луки Псковской области. В 1960 году закончил Ленинградский кораблестроительный институт. В Калининград приехал по распределению. Работал на заводе «Янтарь», на рыболовных судах в Атлантике. В 1962 году были опубликованы первые рассказы. Повести и рассказы О. Б. Глушкина публиковались в московских и ленинградских журналах и альманахах, переводились на литовский, немецкий и польский языки. В 1985 году принят в Союз писателей. Издано порядка двадцати книг. В 1990 году был избран председателем Калининградской писательской организации. В 1991 году основал журнал «Запад России» и был его главным редактором. В течении десяти лет руководил литературным объединением Балтийского флота. Подготовил и издал русскую часть проекта антологии произведений писателей, живших и живущих на территории бывшей Восточной Пруссии. Книга издана на четырёх языках. За реализацию этого проекта удостоен звания лауреата шестой Артиады народов России (2001). За очерк о поэте Алексее Лебедеве получил диплом I степени на международном конкурсе «Вечная память» (2006). За вклад в развитие культуры Калининградской области и расширение контактов между российской и европейской культурами награжден в 2004 году золотой медалью «За полезное». Удостоен премии «Вдохновение» за книгу рассказов «Пути паромов», премии «Признание» за роман «Саул и Давид». Роман «Парк живых и мертвых» номинирован на премию «Большая книга». Входит в бюро региональной организации писателей Калининградской области и в исполком Калининградского отделения ПЕН-центра. Избран Сопредседателем Союза российских писателей.

ЕНИКЕЕВ Амирхан Нигметзянович (Амирхан Еники) родился 2 марта 1909 года в деревне Ново-Каргали Благоварского района Башкирии. Его происхождение — из рода потомственных татарских дворян-мурз, не пожелавших после покорения Казанского ханства креститься, лишённых всех привилегий и принадлежавших им земель, вынужденных переехать в безлюдные башкирские степи.

В 16 лет Амирхан приезжает в Казань, где начинается его литературный путь (в 1926 году в журнале «Безнен Юл» появляется первый рассказ молодого писателя «Слушая протяжную мелодию»).

Годы Великой Отечественной войны писатель провёл на фронтах, в действующей армии, в звании рядового. Первая книга рассказов Амирхана Еники вышла в 1947 году. Автор многих книг прозы на родном языке, в советское время пять сборников рассказов и повестей вышли в переводах на русский язык. Лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая. Скончался в Казани в 1999 году.

КОНДРАТЮК Николай Григорьевич родился в 1948 году на Украине, в Ровенской области. В эпоху освоения целины семья переехала в Казахстан. Закончил Казахстанский государственный университет в 1971 году. Работал в редакции радиовещания Целиноградской области, был собкором «Известий» по Северному Казахстану, сотрудничал с журналом «Азия-бизнес».

С 1994 года живёт в Набережных Челнах. Основатель и главный редактор первой полноцветной газеты в городе «Бизнес-класс». Член Международной федерации журналистов.

КУТУЙ (КУТУЕВ) Рустем Адельшевич родился в 1936 году в Казани. Окончил истфилфак Казанского государственного университета (1960). Член Союза писателей Республики Татарстан. Автор более 40 книг стихов и прозы. Лауреат республиканской литературной премии им. Г. Р. Державина.

ЛЫМАРЬ Владимир Яковлевич родился в июне 1945 года. Фотожурналист. Много лет работал в Набережных Челнах.

В настоящее время живёт в Красноярске. Пенсионер.

МИЗАНДРОНЦЕВ Лев Харитонович родился в Астрахани 3 сентября (16 сентября) 1901 года. В 1917 году окончил гимназию на отлично и поступил в Московский университет им. Ломоносова на механо-математический факультет по специальности астрономия. В феврале 1920 года был призван на военную службу. Служил писарем в штабе каспийской флотилии. Уволен в октябре 1923 года. После возвращения в Москву встретился с Галиной Викторовной Василевской (девичья фамилия). А 13 октября 1923 года в загсе Свердловского района Москвы был зарегистрирован их брак. В 1925 году родился сын Фёдор.

В Москве Лев Харитонович работал в издательстве «Московский рабочий», Доме им. Крупской на канцелярских должностях. С 1931 года перешёл на литературную работу, состоял во Всесоюзном обществе драматических писателей и композиторов. Имел печатные издания — произведения эстрадного жанра, пьесы, шедшие в театрах.

В 1935 году шли репетиции пьесы Л. Мизандронцева «Стена плача» в Московском Государственном Еврейском театре, художественным руководителем которого был С. М. Михоэлс. А 11 ноября этого же года с успехом прошла премьера спектакля. После спектакля долго не затихали овации, зрители вызывали на сцену постановщика, режиссёра, художника, требовали появления автора пьесы — Л. Мизандронцева. Но автор не появился. Объяснили его отсутствие болезнью. А на самом деле Лев Мизандронцев уже неделю как находился в застенках Бутырки.

После ареста его ожидали два года ссылки в Омск, где он работал в областном театре заведующим литературной частью. По истечении срока ссылки — без суда и следствия — объявили срок

заклучения без права переписки. И дальше — этапы, лагеря...

Освободился только в 1947 году. Совершенно случайно от знакомых Лев Харитонович узнал, что его жена и сын находятся в Чистополе Татарской АССР. А попали они туда вместе с близким им человеком и другом, писательницей Лолой Хан Сейфуллиной в августе 1941 года.

С 1947 года и до выхода на пенсию Лев Харитонович работал художником в ВДПО. 20 мая 1980 года ушла в мир иной Галина Викторовна. В этом же году Лев Харитонович уехал в Астрахань к сыну Фёдору, где 27 ноября 1981 г. тихо скончался.

МУСТАФИН Виль Салахович (1935—2009 гг.) родился в Казани в семье видного татарского языковеда и журналиста Салаха Атнагулова. В 1936-37 годах родители были репрессированы. Воспитывался тётёй по матери Хадичей Мустафиной. По образованию — математик, окончил Казанский государственный университет. Работал по специальности в различных казанских вузах и НИИ.

Стихами увлёкся в начале шестидесятых. Посещал литературное объединение при Союзе писателей. Публиковаться начал в начале «перестроечного периода» — в конце восьмидесятых: подборка стихотворений в газетах «Советская Татария» («Республика Татарстан»), «Вечерняя Казань», «Звезда полей», «День литературы», в журналах «Панорама», «Идель», «Казань» «День и ночь». Выпустил три книги стихотворений. Лауреат республиканской литературной премии имени А. М. Горького.

Член Союза российских писателей.

МУСТАФИН Рафаэль Ахметович, литературовед, критик, публицист, родился в 1931 году в г. Бавлы ТАССР. В 1954 году окончил историко-филологический факультет КГУ. Работал учителем средней школы, журналистом городской и районной газеты, собкором газеты «Литература и жизнь», главным редактором художественных программ Казанской студии телевидения. В 1963 году был избран членом Правления и ответственным секретарём Союза писателей Татарстана.

Позднее работал преподавателем на кафедре журналистики КГУ, главным редактором республиканских журналов «Казан утлары» и «Татарстан». В настоящее время редактор отдела того же журнала «Татарстан». Регулярно печатается с 1953 года. Автор проблемных статей и рецензий о современной татарской литературе. Центральная тема творчества — жизнь и творчество поэта-героя Мусы Джалиля. Мустафиным написано более десятка книг о разных сторонах жизни поэта. Эти книги переведены на многие языки и вышли общим тиражом более миллиона экземпляров.

ОРЕХОВА Алла Вячеславовна родилась 26 июня 1962 года в городе Новосибирске.

В 1972 году семья переехала в Набережные Челны.

В 1984 году пришла работать в редакцию многотиражной строительной газеты «Камские зори» в качестве корректора и именно там приобрела свой первый журналистский опыт. 10 лет проработала в городской газете «Знамя коммунизма», позже переименованной в «Челнинские известия». В 1991 году окончила факультет журналистики Казанского государственного университета. Работала заведующей отделом писем в общероссийской литературной газете «Звезда полей»; заместителем главного редактора, а затем главным редактором межрегиональной газеты «Бизнес-класс», сотрудничество с которой продолжает и по сей день. Печатается в республиканском журнале «Лидер Татарстана», российских и городских периодических изданиях. Под редакцией А. В. Ореховой выпущен в свет целый ряд сборников прозы и поэзии. Свой сборник стихов «Аз емь» издала в 2001 году.

Член Союза российских писателей.

ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась 23 августа 1958 г. в городе Куйбышеве Татарской АССР (ныне г. Булгар). С двух лет по настоящее время проживает в Елабуге.

Окончила физико-математический факультет Елабужского пединститута, отделение журналистики Казанского госуниверситета. В журналистике с 1981 года. В настоящее время редактор отдела елабужской районной газеты «Новая Кама». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

ПИСАРЧИК Нина Викторовна родилась в городе Вытегре Вологодской области 3 июля 1952 года. Родители — простые рабочие люди, деды — крестьяне и рыбаки с берегов Онежского озера, прадеды — купцы средней руки, разорённые революцией.

По образованию библиотекарь-библиограф. Профессию Нина Викторовна выбрала по душе, а душа её принадлежит литературе. Литературоведением увлекается наравне с художественной литературой, готовит к изданию книгу рецензий на современных вологодских и российских авторов.

РАЧКОВ Николай Борисович родился 23 сентября 1941 года в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области, закончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута, работал учителем сельской школы, редактором многотиражки. С 1987 года живёт в городе Тосно Ленинградской области. Стихи пишет со школьной скамьи, печататься начал в 1957 году. Его книги издавались в Нижнем Новгороде, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Арзамасе, стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Наш современник», «Москва», «Нива», «Аврора», «Русская провинция» и других, в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Лауреат литературных премий: «Ладога» имени А. Прокофьева, имени А. Твардовского, Большой литературной премии России, имени святого князя Александра Невского и других. Секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

САВИЦКАЯ Светлана Васильевна родилась в 1963 году в городе Орджоникидзе. Отец — профессиональный писатель, мать — певица, музыкант, композитор.

Статьи, очерки, рассказы, повести, романы, стихи, сказки Светланы Савицкой опубликованы в периодике России, а также за рубежом. Выпущено 14 книг, две из них — за рубежом. В 2008 году писательнице вручены литературные премии от Союза писателей России: имени А. П. Чехова (за вклад в русскую литературу) и имени А. С. Грибоедова с прилагаемой к ней медалью «За достижения в области литературы».

С. В. Савицкая активно занимается общественной деятельностью: возглавляет оргкомитет литературной премии «Золотое перо Руси», является заместителем председателя гильдии экологической журналистики, организатором и меценатом общероссийских конкурсов.

Живёт в Москве.

САДРУТДИНОВ Рашат Афзалутдинович родился 14 ноября 1953 года в Пермской области. Среднюю школу закончил в г. Канаш Чувашской АССР, после службы в армии работал слесарем, сварщиком, строил мосты на Севере, на Урале, в Горьковской области. Заочное окончил отделение журналистики КГУ, работал в газете, затем более десяти лет — в редакции радиовещания КАМАЗА. Пишет на русском языке. Живёт в Набережных Челнах.

Юмористические произведения Рашата Садрутдинова публиковались в местных и республиканских газетах, в сатирических журналах «Чаян» и «Капкан» (г. Чебоксары).

САДЫКОВОЙ Дине 23 года. Окончила школу искусств, филологический факультет Казанского государственного университета. Публиковалась в ряде альманахов поэзии, в поэтическом сборнике

«Современник», в журналах «Идель», «Казань», «День и ночь», в антологии русской поэзии «Как время катится в Казани золотое...» У Дины насыщенная и яркая жизнь. Она и стихи пишет, и рисует. Главное для неё — это идти вперёд к поставленной цели, постоянно пополняя «сосуд» творчества.

САЛМАН Владимир Владимирович родился в 1966 году в Дивногорске. После школы, законченной уже в Набережных Челнах, куда переехала семья, поступил в профессионально-техническое училище на специальность «Контрольно-измерительные приборы и автоматы». Но по специальности после окончания ПТУ проработал недолго: победила приобретённая в детстве страсть к фотографии, а также предложение отдела кадров завода транспортного электрооборудования (ЗТЭО) поработать фотографом. Несколько лет Владимир проработал также в центральной кинофотолаборатории КамАЗа.

Приобретённый опыт и несомненная одарённость позволили молодому человеку не только выжить в эпоху сокращений, перестроек и реформ, но и стать свободным художником. Ныне В. В. Салман — член Союза художников Татарстана, член Союза фотохудожников России. Живёт в Набережных Челнах.

СКОРОХОДОВ Михаил Евгеньевич родился в 1926 году в Чистополе. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (1952). Член Союза писателей СССР. Работал журналистом на Севере. В 1967 году вместе с Дмитрием Буториным на карбасе «Щелья» совершил путешествие по древнему пути поморов вдоль побережья Ледовитого океана. За этим событием следила вся страна.

Автор более десяти книг стихов и прозы, в том числе «Лицом к океану» (Москва, 1958), «Человек в тундре» (Архангельск, 1960), «Превосходящие силы» (Архангельск, 1960), «Путешествие на Щелья» (Москва, 1972), «Дети огня» (Москва, 1976). Ушёл из жизни в 1994 году.

СОЛНЦЕВ Роман (Суфеев Ринат Харисович) родился в 1939 году в Мензелинском районе ТАССР. Окончил физмат Казанского государственного университета, работал в геологических партиях. С начала шестидесятих годов прошлого века жил в Красноярске, занимаясь литературной работой. Автор более тридцати книг прозы, поэзии, драматургии. Сопредседатель

Союза российских писателей, член русского ПЕН-клуба. Главный редактор литературного журнала для семейного чтения «День и ночь». Ушёл из жизни после тяжёлой болезни в апреле 2007 года.

ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился в 1950 году на Кубани, в станице Старонижестеблинской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках. Работал в журнале «Пограничник», в газете «Красная звезда», в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы издательства «Граница». Полковник в отставке. Член Союза писателей России.

Автор многих книг, в том числе «Где спит казачья слава», «Не для меня придёт весна...», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте» и других.

Составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», а также книг «Кубанские пословицы» и «Кубанские песни. С точки зрения поэтической».

Живёт в Москве.

ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна родилась в 1960 году в городе Краснотурьинске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля и факультет физического воспитания Казанского государственного педагогического института (1981).

Писать стихи начала в школьные годы. Автор поэтических книг «Я открываю свой альбом» (2004), «Подарите любимой весну» (2006), «Жучок в янтарном медальоне» (2008), соавтор книги переводов на татарском и русском языках «Два родника родной земли» (2007).

Стихи Веры Хамидуллиной публиковались в журналах «Мир без границ», «Интерклуб», «Идель», «Казань», в альманахе «Дом творчества». Участница, призёр и дипломант международных поэтических интернет-конкурсов, в том числе конкурса переводов «Наследники Лозинского».

Живёт в Набережных Челнах, руководит туристической фирмой.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР БОЧКАРЁВ ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	3
ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА	
ЗДРАВСТВУЙ, АЛЬМАНАХ!	4
Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ	
ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА МОЯ УЛИЦА	9
НАСЛЕДИЕ	
АМИРХАН ЕНИКИ КРАСОТА	23
РАФАЭЛЬ МУСТАФИН ЛАПОТНЫЙ МУРЗА	29
ПОКОЛЕНИЕ (КАЗАНСКИЕ ШЕСТИДЕСЯТНИКИ)	
РУСТЕМ КУТУЙ НЕУБЫВАЮЩАЯ ТРОПА	38
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ТРИ БЛАГОДАРНОСТИ	56
ВИЛЬ МУСТАФИН ДНЕВНЫЕ СНЫ И БДЕНИЯ НОЧНЫЕ	58
ТИМУР АЛДОШИН НЕПОСТЫДНАЯ КОНЧИНА	68
РОМАН СОЛНЦЕВ ЗОЛОТОЕ ДНО	71
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ДО И ПОСЛЕ АВАРИИ	94
НИКОЛАЙ БЕЛЯЕВ ПОЭМА СОЛНЦА	96
ЭСТАФЕТА	
ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА-ЧЕРНЫШЕВА ПОЧЕРК	131
ДИНА САДЫКОВА ЖЕЛАНЬЕ ЖИТЬ	137
ЗВАНЬЕ ГОСТИ	
НИКОЛАЙ РАЧКОВ ВЫШЕ РАДОСТИ И ГРУСТИ	140
СВЕТЛАНА САВИЦКАЯ ТРИ СКАЗКИ	151
ОЛЕГ ГЛУШКИН МОИ СЛОВА В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ	159
ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ	
НИНА ПИСАРЧИК «В ЧУЖОМ ГЛАЗУ СОРИНКА...»	166
АКТУАЛЬНО	
ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА УЗАКОНЕННАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ, ИЛИ НЕОБРАТИМОСТЬ ПРОЦЕССА	169

ПОЛЕМИКА**ПЕТР ТКАЧЕНКО**

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ: ХУЖЕ ИЛИ ЛУЧШЕ?..... 178

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ..... 182

СОБЫТИЕ**ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА**

«СЛОВНО СТРЕЛОЮ МОЙ ВЕК ПРОЛЕТЕЛ»..... 189

К ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ (ВЛАДИМИР САЛМАН. ФОТОВЕРНИСАЖ.)**НИКОЛАЙ КОНДРАТЮК**

ОБ АВТОРЕ 193

АРХИВНАЯ ПОЛКА**ЛЕВ МИЗАНДРОНЦЕВ**

...ЕЩЁ НЕ КОНЧЕН БОЙ..... 194

МИХАИЛ СКОРОХОДОВ

ТАКИЕ РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ 208

ИЗДАНО В ТАТАРСТАНЕ**ПЕТР МАЛОДЕЛЬСКОВ**

ДАЙ БОГ, НЕ ПОСЛЕДНЯЯ..... 213

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ**ИГОРЬ ЗУЕВ, ученик 6 класса**

ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА!..... 216

АЛИНА ЯББАРОВА, ученица 3 класса

СКАЗКА ПРО ЗЕЛЁНЫЙ ЛИСТОК. ДВЕ ЗВЁЗДОЧКИ 218

РОМАН НАБИУЛЛИН, ученик 2 класса

СКАЗКА 218

ЮМОР, САРКАЗМ, ИРОНИЯ**НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ**ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ О СВИНОМ ГРИППЕ, МЕНТАЛИТЕТЕ
И ПРОЧИХ СЕРЬЁЗНЫХ ВЕЩАХ. 210**ВЛАДИМИР ЛЫМАРЬ**

НА КРУГИ СВОЯ..... 221

РАШАТ САДРУТДИНОВ

С НОВЫМ ГОДОМ!

ГОНКА 224

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ**АЛЛА ОРЕХОВА**НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТОРГОВО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ТВОРЧЕСТВО 227

НАШИ АВТОРЫ 233

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА. АЛЕКСЕЙ АНИКИЁНОК. ЖИВОПИСЬ.**ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА. ВЛАДИМИР САЛМАН. ФОТОВЕРНИСАЖ.**

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргамак-Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**, тел. **(8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19**.

Представительство в Москве: **8-965-359-84-54**

Литературно-художественное издание

Аргамак-Татарстан

Подписано в печать 09.11.2009 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,8. Тираж 2000 экз. Заказ В-1643

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

ЕЛАБУГА

